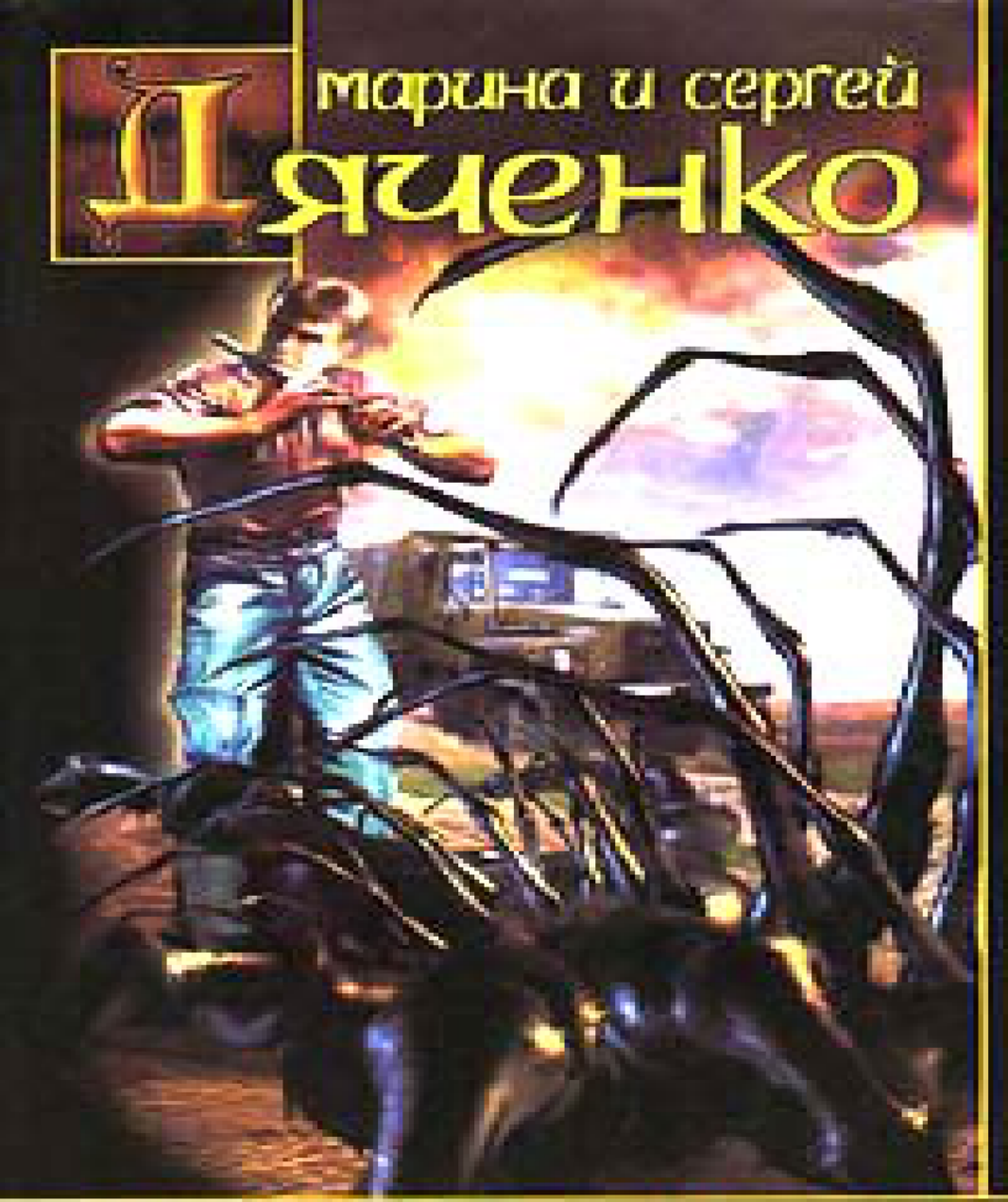
Марина и Сергей

Дяченко



КОРНИ КАМНЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Марина и Сергей Дяченко… Их романы «Привратник», «Ведьмин век», «Шрам», «Пещера» навсегда перевернули наши представления о российской фэнтези. Мы предлагаем вам с головой окунуться в фантастические миры их повестей. В миры, где уже не удивляешься ничему, потому что в них возможно все.

- Марина и Сергей Дяченко
  - ПРОЛОГ
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Марина и Сергей Дяченко
БАСТАРД
Повесть

ПРОЛОГ

Темной холодной ночью двое стояли на крепостной стене, и длинным и страшным было их ожидание.

— Изготовились ли воины? — спросил тот, что носил на седой голове четырехзубый княжий венец. — Заряжены ли катапульты, и кипит ли смола?

Лучники замерли у бойниц, и готовы были катапульты, и смола пузырилась в черных чанах.

— Что ты там видишь? — спросил венценосный у стоящего рядом, ибо тот обладал силою видеть в темноте, и на сто верст вперед, и на десять локтей под землей.

— Вижу, — ответствовал тот, — вижу бесчисленные отряды, и сталь полыхает при свете факелов, и ведет их твой сын.

Венценосный расхохотался:

— Скорее земля расколется, как гнилой орех, нежели он доберется до наших стен!

А ветер выл, и от каждого факела тянулась черная лента дыма.

— Что ты видишь теперь? — снова спросил князь.

— Вижу, как дети мои, ловушки, сокрытые в земле, жадными пастями хватают воинов, пожирают их вместе с панцирями, и крик и стон поднимаются над лесом. Половина войска погибла, но твой сын уцелел.

— Скорее небо свернется в свиток, нежели он возьмет замок! — рассмеялся князь.

А ночь ревела, и неслись по небу обрывки туч, и далеко еще было до рассвета.

— Скажи мне, что ты видишь сейчас? — спросил венценосный, и ветер вздыбил его седые волосы.

— Вижу, — тихо сказал стоящий рядом, — как бьются с войском змеи и хищные птицы, как падают наши враги, но другие ступают по их трупам. Вижу море их факелов; вижу рты, разинутые в боевом кличе. Вот дети мои, алчные желтые марева, убивают их целыми отрядами, но твой сын уцелел, за ним следуют те, кто остался в живых!

Князь воздел кулаки к небу:

— Скорее леса прорастут корнями вверх, скорее реки взовьются на дыбы, скорее мать пожрет младенца, чем он получит венец!

И вот уже все, кто был на стене, увидели огни факелов и блеск стали.

— Что ты видишь теперь?! — яростно воскликнул князь, но

собеседник не ответил — из середины лба его торчала стрела.

И тогда закричал князь, призывая к бою, и эхом отозвались его воины, а те, что пришли с огнями, двинулись на приступ.

Железные крюки впивались в камень, как хищные когти впиваются в плоть. Ручьями дымилась кровь, и потоками лилась горячая смола. И отступили от стен те, что пришли, и велики были их потери. Победно вскричал князь — но кинжал вонзился ему в спину, потому что сын его тайно проник в замок через подземную нору.

И упал князь, и скатился венец с его головы, и множество рук потянулось к венцу — но коснувшиеся его умирали на месте. И закричал княжий сын, и голос его раскатился, подобно грому:

— Княжья кровь в моих жилах! Наследство — только наследнику!

И схватил венец, и водрузил на голову, и пришедшие с ним воспряли духом, а оборонявшиеся утратили мужество…

И наступил рассвет, и стаи ворон возрадовались и слетелись на княжий пир. И черными клубами поднимался дым, и ступени сделались скользкими от пролитой крови.

И сказал колдун, что всю ночь умирал со стрелой во лбу — ибо долго, очень долго умирают колдуны:

— Проклятье на весь род ваш и на все его колена. Вовеки, вовеки сыновья ваши будут убивать своих отцов. Проклинаю и предрекаю: вовеки.

1

Солнце стояло уже высоко, когда он, голодный, бросил заплечный мешок в траву.

Никогда в жизни он не видел такой травы — густой, лоснящейся, как шерсть сытого и здорового зверя. Ему казалось, что все здесь лоснится от удовольствия — и деревья, здоровенные, в три обхвата, и непуганое зверье — вон, полевая мышь смотрит и не боится, — и птицы, и белесые цветочки…

Он еще раз огляделся и, хмыкнув, потянул из ножен меч.

В который раз сердце его сладко замерло, когда без звука, без скрежета миру явилось широкое ясное лезвие, поймало плоским боком солнечный луч и отправило его Станко в глаза.

Он прищурился.

Тяжесть, лежащая в его ладони, была силой и властью. Желобок на мече был прямой дорогой, с которой не свернуть. Счастливо улыбнувшись, он принял боевую стойку.

Первая позиция. Вторая позиция. Удар — отражение. Удар — противник поражен в плечо. Отражение удара сзади… Коварный негодяй! Разворот… Серия ударов, противник истекает кровью, но лезут новые и новые, и меч в его руке превращается в сверкающий железный веер…

Он не уставал. Он вообще никогда не уставал, кисть его вращалась с бешеной скоростью, и ревел воздух, рассекаемый лезвием. Раз — от локтя, два — от плеча, круговая защита…

— Подходите! А-а-а! Получили? Еще хотите? На! На!

Крики рождались сами, и он не помнил, что кричал. Он был силен и, конечно же, смертельно опасен, и от того, что он силен и опасен, от бешеной радости мышц ему хотелось запеть, но кто же поет во время боя?!

— Небо да в помощь! — донеслось из-за спины.

Станко еще ничего не успел подумать, а тело его уже разворачивалось, а меч уже поднимался навстречу голосу. Он повернулся и замер в боевой стойке.

Напугавший его отшатнулся за темный ствол и оттуда пробормотал примирительно:

— Тихо, парень, мир… Мир, парень! Что ты…

Станко перевел дух. Меч в его руке чуть опустился, и тот, что прятался за стволом, тут же осмелел и выглянул.

Ему, похоже, было далеко за сорок, и был он не то чтобы худой — поджарый, и не то чтобы бородатый — так, заросший очень густой щетиной.

— Что ты, парень, я же не стражник, посмотри как следует…

Станко и без того смотрел во все глаза. На незнакомце были шерстяные штаны, тщательно заправленные в высокие башмаки на шнуровке, неопределенного цвета рубаха и видавшая виды кожаная безрукавка; у пояса длинный кинжал в ножнах.

— Убери свою игрушку, парень… Ну, промышляешь, и промышляй себе мне дела нет…

Станко опустил меч.

— Я не браконьер, — сказал он хрипло.

— Да? — удивился незнакомец. — Ну, тогда гулял, значит, и заблудился… в землях князя Лиго, на которые если кто ступил — ноги отрубают…

В душе Станко шевельнулась холодная змейка, и поэтому он сказал очень громко:

— Не пугай. Не боюсь.

Незнакомец хохотнул. Шагнул вперед — и красноречиво воззрился на обнаженный меч Станко. Тот картинным жестом загнал оружие в ножны.

Незнакомец приблизился. Глаза его оказались голубыми — настороженными и насмешливыми одновременно. Глаза эти в секунду обежали Станко с головы до пят — и вернулись, чтобы повторить осмотр тщательнее.

— Издалека ты пришел, что ли? — поинтересовался небрежно, взглянув на стоптанные Станковы башмаки.

— Пришел, откуда дорога лежала, — отозвался Станко в тон.

Незнакомец взглянул ему в глаза — на этот раз удрученно и заботливо:

— Земли тут богатые, это верно… Да только возвращайся, парень. Хорошо еще, если просто ноги отрубят, правду говорю тебе! Заловили тут недавно одного парня, тоже в землях князя промышлял… Слушай, уходи скорей, пока цел, ладно?

Некоторое время они просто смотрели друг на друга.

— На меч свой надеешься? — спросил незнакомец тихо. — Да ведь на один твой меч тут пару сотен найдется…

— Заботлив ты, — Станко снова усмехнулся. — А сам кто такой? Лесной дух? Король дубравы?

— Я-то?

Станко увидел, как заботливое выражение в глазах незнакомца сменяется новым — похоже, это была чуть преувеличенная покорность судьбе:

— Я-то?

Он виновато развел руками, как крестьянин, вернувшийся с базара без выручки в кармане. Склонил голову к плечу, всем своим видом показывая: я-то браконьер и есть, и не скрываю этого, ведь передо мной не стражники, а сопливый мальчишка,

хотя и здоровый и с мечом…

Станко фыркнул и пошел за своим заплечным мешком.

— Погоди! — закричал ему вслед незнакомец. — Илияш меня зовут… У тебя силки или сетка?

— Я не браконьер, — заявил Станко, забрасывая мешок за спину.

— Да брось… Послушай, не убегай, ты меня боишься, что ли?

— Тебя?! — Станко обернулся, заготовив на лице высокомерную гримасу, которая тут же, однако, испарилась, потому что этот самый Илияш держал в опущенной руке невесть откуда взявшуюся тушку зайца.

Живот Станко жалобно заплакал. Илияш приветственно качнул тушкой, как цветочница свадебным букетом:

— Зажарим, по традиции… Завтра — неведомо что, вдруг — стражники или вепрь там бешеный… Я же вижу — ты не предатель, хороший парень, только очень уж молодой…

Станко помолчал.

— Это верно, — сказал он наконец, снимая с плеч мешок, — я не предатель.

Илияш особенно тщательно выбирал место для костра — на песке, в ложбинке, чтобы следов не оставить и чтобы дым не был заметен издалека. Заяц, зажаренный на вертеле, оказался настоящим княжеским зайцем — жирным, вкусным, и Станко едва не отгрыз себе пальцы, разделываясь с нежным заячьим боком.

— Хорошо живет… князь, — бормотал он, работая челюстями, — сладко ест… мягко спит, наверное…

Илияш усмехнулся:

— Не без этого… Князю-то что — всех зайцев не слопать… Так напустил же стражников-псов: травку ему не сомни, рыбку ему не поймай, зайчишко такой вот — жизни может стоить… Да не волнуйся, ешь, с Илияшем не пропадешь, Илияш бывалый зверь…

— То-то я смотрю, — Станко бросил в прогоревший костер начисто обглоданную кость, — то-то я смотрю, земля тут жирная, сытая такая земля…

— Да уж, — Илияш потянул к себе свой тощий заплечный мешок, — да уж, земля тут как хорошая невеста — богатая и нетронутая… Одних зайцев плодится, как мышей в подполе… Нет же, пусть их лучше волк задерет, чем добрые люди, мы вот, зажарим… Рыщут и рыщут, дозорники, псы, чтоб земля под ними просела…

Илияш плюнул, вложив в свой плевок весь праведный гнев на ненавистных ему стражников. Перевел дух, прищурившись,

глянул на небо — и вытащил из своего мешка изрядных размеров баклажку. Оценивающе глянул на Станко, неспешно вынул пробку из узкого горлышка и потянулся носом к образовавшемуся отверстию.

Станко смотрел, механически облизывая пальцы. Илияш втянул носом воздух, полузакрыл от счастья глаза, и лицо его осветилось изнутри неземным блаженством.

— Да, — сказал он, наконец-то опуская баклагу. — Верная подружка моя… Такого, парень, ни один пес из стражи, ни даже князь в его замке не пробовали, вот…

Он окончательно закрыл глаза, будто отрешаясь от земных тягот, поднес горлышко ко рту и бережно, как юноша, впервые целующий возлюбленную, коснулся его губами.

Сухая шея вздрогнула раз, другой… Станко зачем-то считал глотки.

Наконец, Илияш утолился. Отнял баклажку ото рта. Выдохнул. Оглядел мир совершенно счастливыми глазами. Искоса глянул на Станко — и отвел взгляд.

— На, — сказал неохотно. — Попробуй тоже, ладно уж. Только смотри три глотка, три, не больше!

Баклажка оказалась неожиданно тяжелой — Станко чуть не расплескал ее над костром. Едва успел поднести горлышко ко рту — и тут же Илияш принялся отбирать посудину:

— Это пятый! Это пятый глоток, хватит!

Станко глупо улыбнулся.

Во рту таял небывалый вкус — вина, а может, не вина, а может… Последний дымок угасающего костра взвился в вечернее небо, и с этим дымком взвились горести и тревоги Станко.

— Нравится? — ревниво спросил Илияш.

Станко запрокинул голову и рассмеялся.

Понемногу смеркалось, но вечер был теплый, тихий, и немыслимой казалась опасность, и невозможной — смерть.

Станко потянулся, с удовольствием ощущая сильное и гибкое свое тело.

— Замок далеко? — спросил он как бы невзначай.

— А? — настороженно отозвался Илияш, и Станко даже усмехнулся: что он глухим притворяется, в самом деле?

— Замок, замок князя Лиго далеко отсюда?

Илияш сжался, как-то сник, будто действие чудесного напитка закончилось:

— А что тебе замок? Здесь промышляй… Здесь земли богатые…

— Плевал я на твой промысел, — Станко снова усмехнулся. — Мне в замок надо.

Илияш поднял на него мрачные глаза:

— К князю в гости, что ли?

— К князю, — Станко чувствовал себя сильным и уверенным. — Только не в гости. Мне надо обязательно его убить.

Стало тихо — так тихо, что можно было за десять шагов услышать возню мышки-полевки.

Илияш сидел, не закрывая рта. Станко стало смешно: деревенские ребятишки в таких случаях обязательно плевали в «разинутые ворота».

— То-то оно… — пробормотал наконец Илияш, — то-то я гляжу — парень вроде не простой… А он сумасшедший, парень этот. Только и всего.

— Это кто еще сумасшедший, — Станко почувствовал к браконьеру даже некоторое снисхождение, — ты или я… Жалеешь ты князя, что ли? Друг он тебе или братец? Негодяй же он, так?

— Ну… негодяй, — сказал Илияш шепотом и огляделся.

— Ну вот и будет на земле одним негодяем меньше…

Илияш помолчал, тяжело дыша; потом вдруг обхватил себя за плечи и ни с того ни с сего рассмеялся:

— Ах ты… шутник… Убийца малолетний… Да ходили и без тебя, ни один не вернулся! Ходили здоровые, в латах, и в одиночку, и отрядами, и ни один… Даже до князя не добрался, до замка не дошел! Да княжья земля знаешь, какая? Здесь травка, цветочки, а глубже пойдешь — земли беззаконные, где князевы предки друг друга резали… Там плюнь не глядя в десять ловушек плевок угодит! А если по дороге идти, так там на каждом шагу по конному разъезду… Стражник не спросит, слова не скажет — сразу вешать, да за ноги…

Он вдруг наклонился вперед, и лицо его оказалось прямо напротив лица Станко. Зашептал, заглядывая в глаза:

— И еще, знаешь, князя никому не убить. Заговоренный он, мечи отскакивают… Все это знают, только ты…

Он так же внезапно откинулся назад и предложил громко, доброжелательно, как ни в чем не бывало:

— Скажи, что ты пошутил.

Станко помолчал, потом положил свой меч себе не колени, погладил ножны и чуть-чуть вытащил клинок. Бледно полыхнула сталь.

— Я не пошутил, — сказал Станко тихо. — У меня право есть… Право, которого нет ни у кого, понимаешь? Я его сын.

Он не смотрел на Илияша. Вздохнул, продолжал, обращаясь к клинку:

— Князь заговоренный, это точно… Это все знают. И все знают, что убить его может только родной сын. Я. Понимаешь?

Он поднял глаза.

Илияш сидел тихий, оцепеневший, и лицо его в наступающих сумерках казалось очень бледным. Станко снова вздохнул, полез за пояс и вытащил монетку — серебряную, истершуюся:

— Вот… Здесь, на монете, князь, мой отец. Я его узнаю, где бы ни встретил, узнаю… И убью.

Илияш встал и отошел в сгущающуюся темноту.

Станко вертел в пальцах монетку; мысли его сразу оказались далеко-далеко, и потому отлучка Илияша не вызвала у него ни удивления, ни беспокойства. Мало ли чего захочется человеку после такого известия!

Но шли минуты, а Илияша не было; Станко заерзал, завертелся, вглядываясь в темноту. Где-то далеко закричала ночная птица, и Станко, вздрогнув, схватился за меч: а что, если Илияш пошел за стражей?!

Но в этот самый момент браконьер вернулся, прижимая к груди охапку сухих веток. Бросил их все на тлеющие уголья — а ведь раньше не разрешал разводить большой огонь!

Под грудой веток затрещало, двумя лентами выполз дым, и вскоре в неровном свете разгорающегося костра Станко увидел лицо Илияша.

Браконьер был сосредоточен, даже задумчив. Пошевелил губами, глядя в огонь, и сказал наконец:

— Ну, если так… Если правда — сын… Зачем же папу убивать, а?

Станко оскалился. Илияш покосился на него с опаской:

— Ладно — твое дело…

И добавил просительно:

— Покажи монетку, а?

Станко заколебался, потом протянул над костром руку — для этого пришлось приподняться — и дал Илияшу возможность взять с ладони свой странный талисман.

Браконьер всматривался долго — взгляд на монету, сосредоточенные раздумья, взгляд на Станко…

— М-да, — сказал он наконец, — а до князя-то еще добраться надо… Сын — хорошо, меч — хорошо… Только ловушкам все равно, кто ты такой и с чем пожаловал.

— Я доберусь, — сказал Станко небрежно.

Илияш подбросил монетку на ладони. Вздохнул и начал рассудительно:

— Про дорогу я тебе рассказывал — там стража. Можно идти в обход, дай-ка подумать… На окраинах — патрули, капканы, но это ничего… «Чего» начинается глубже, ближе к замку, в этих самых беззаконных землях. Этим ловушкам лет по триста, и маги

их ставили, маги, понимаешь? «Желтомары», «зажоры», «те, что в смоле», «те, что в болоте»…

— Кто — в смоле? — не выдержал Станко. — Кто — в болоте?

Браконьер пожал плечами:

— Если б знать…

Снова стало тихо, только огонь трещал, пожирая тонкие ветки. Илияш снова встал и снова принес из темноты охапку хвороста.

— Сначала — лес, — продолжал он, протягивая над огнем руки, — потом камни… Вокруг замка — озеро, и тоже про него недобрая слава…

Темное подозрение шевельнулось в душе Станко.

— Ты что, под самым замком промышлял? Откуда ты все знаешь, а?

Браконьер поморщился, как от боли. Потирая виски, уселся на свое место — напротив собеседника.

— Правильно спрашиваешь, Станко… Все знаю, это правда. Потому что еще года не прошло, как с этими псами-стражниками одну лямку тянул, понимаешь? Выслужился, нашивку заработал… — Илияш смачно плюнул в костер, в огне зашипело. — В самом замке стражей стоял, в патрулях рыскал… Только скверно там, дружок. Браконьеров вешай да капитану подметки лижи… А капитан попался — ну такая с-сволочь… — Илияш отвернулся.

Станко молчал, неприятно пораженный. Илияш почувствовал некоторую его брезгливость, пробормотал огорченно:

— Ну ладно, ладно… Что у меня теперь — клеймо на лбу? Сейчас уже не служу…

— Уволился? — глухо спросил Станко.

Илияш фыркнул:

— Уволился… Оттуда на тот свет увольняют… Сбежал, конечно!

Он вдруг улыбнулся и заговорщицки подмигнул:

— Карту прихватил у капитана… Хорошая карта, Станко, лет триста ей… Теперь промышляю у князя под носом, живу припеваючи, потому что кто тропинки знает? Кто ловушку за версту обойдет? Кто в укромной норке от патрулей спрячется? Илияш!

И браконьер довольно засмеялся.

Станко смотрел, как он смеется, и некая мысль, которая давно уже бродила по краю его сознания, обозначалась все яснее и четче.

— Илияш, — сказал он наконец.

Тот прекратил смеяться:

— Что?

Станко собрался с духом:

— Хочешь заработать, Илияш?

Браконьер нахмурился:

— Что?

В костре лопнула толстая ветка, в небо ворохом посыпались искры.

— Проведи меня к замку, — Станко перевел дыхание, — проведи мимо ловушек, а я заплачу, как проводнику.

Илияш расхохотался. На крупных и белых зубах его играли блики от костра.

— Ох-хо… Ой, парень… Ой, насмешил… Да где ты такого дурака… Сыщешь, ха-ха… Такого дурня, чтобы через все ловушки к замку тащился?!

Он смеялся и смеялся, пока Станко не процедил сквозь сжатые зубы:

— Двадцать золотых.

Смех оборвался. Илияш замер, зажимая рот ладонью. Потом прошептал с благоговейным ужасом:

— Сколько?

— Двадцать, — сказал Станко твердо.

Илияш отодвинулся. Брови его сошлись, а рот неприятно искривился:

— Ну, парень… Зря я с тобой, видно… Кого ты ограбил, а? Купца на большой дороге? Убил, небось? — он вскочил, готовый бежать прочь. — Ты, вот что… У меня ничего нет, ясно? Я честный охотник, а не убийца!

На Станко волной накатила усталость. Наверное, действие чудесного напитка, к сожалению, закончилось.

— Я не убивал, — сказал он в огонь, — и не грабил. Я дом продал, корову, свинью, хозяйство… Все продал… А ты трясешься чего-то и ерунду городишь…

Илияш помедлил, будто прикидывая, можно верить Станко или нет. Бочком, бочком приблизился:

— Покажи.

— Что?

— Монеты покажи. Думаю, уж не врешь ли?

Станко, вздохнув, снял с пояса кошелек и вытащил тяжелую, позвякивающую пригоршню золота.

Илияш обомлел — в который раз за короткое время их странного знакомства.

Когда укладывались спать, браконьер спросил ни с того ни с сего:

— Ну, папа твой, значит, князь Лиго… А мама кто?

Неизвестно, слышал ли Станко его вопрос. Он свернулся калачиком, натянув куртку на голову, и сразу же уснул.

Илияш помялся, постоял над ним, переспросил шепотом:

— Так кто же мама твоя, а, парень? Какая принцесса?

Станко буркнул что-то — очевидно, во сне. Илияш пожал плечами и сел у догорающего костра.

Взошла луна; свернувшись, спал Станко, и даже во сне руки его сжимали ножны меча. Напротив сидел заросший густой щетиной браконьер и разглядывал истертую серебряную монетку — раздумывал, потирал лоб, чему-то странно усмехался. В лунном свете безбородый профиль князя Лиго на монете казался особенно волевым и особенно надменным.

Трактир умостился на перекрестке, у самой границы княжеских земель как мышь под боком у дракона. За небольшую плату хозяин водил любопытных на плоскую крышу и показывал сверху межу. Неглубокая эта канава делила мир пополам — с одной стороны лежала знакомая, безопасная земля, на которой можно вырастить табак или выкопать колодец; с другой стороны подступали земли князя Лиго, «на которые кто ступит — ноги отрубают».

Трактир процветал — хаживали сюда браконьеры, заглядывали и стражники. Немало было любопытных, явившихся поглазеть на тех и других и увидеть с крыши страшную межу.

Илияш придирчиво оглядел поклажу и снаряжение Станко и теперь делал покупки. В маленькой трактирной лавке нашлась пара добротных сапог (ветхие башмаки Станко Илияш высмеял, как непригодные для путешествия). Пропитание во время похода должно было добывать охотой, и Илияш закупил целый мешок соли — есть несоленую дичь он, оказывается, не желал.

Наполнив заплечные мешки всякими необходимыми припасами, компаньоны уселись за оструганный стол в углу, чтобы выпить на дорожку. Илияш заговорщицки надвинул шляпу на самый лоб, а Станко велел сесть лицом к двери и сразу же дать знать, если в трактир ввалятся «эти поганые псы».

Станко чувствовал себя крайне неуютно — по крайней мере, пока не осушил три кружки пива. Сразу же после этого его настроение значительно улучшилось, он расправил плечи и огляделся вокруг.

Трактир был сложен из цельных бревен; потолок закоптился так, что запросто сошел бы за ночное небо, вздумай хозяин прилепить на него несколько медных звездочек. На стенах кое-где висело старинное оружие, а на камине раздувала капюшон дохлая кобра. Станко поразился — как они сумели сделать такое

искусное чучело?

— Вина! — крикнул Илияш.

Из глубины зала к ним заспешила девушка-служанка. Волосы ее по-разбойничьи были повязаны красной косынкой, но ничего воинственного не было ни в тонком миловидном лице, ни в спокойных темных глазах, ни, тем более, в платьице с передничком, среди оборок которого можно было прочитать шелком вышитое имя: Вила.

Девушка прислуживала им с начала вечера; Станко то и дело ловил на себе внимательный взгляд, но совершенно другие заботы тут же вытесняли Вилу из его мыслей. Теперь он отважился взглянуть ей прямо в глаза — и с удовольствием увидел, как белые ее щеки темнеют от прилива крови.

— Мне — еще вина, — заявил Илияш и вдруг пропел хриплым тенором:

Ви-ила, Вила,
когда ж все это бы-ыло?!..
Тра-ла, тра-ла-ла…

Из-за соседнего стола на них покосились, а бедная Вила смутилась вконец.

— …А юноше — еще пива, так ведь, Станко?

И, не дожидаясь подтверждения, Илияш отправил служанку движением руки.

Станко украдкой повернулся — рядом на стене был приколочен гладкий щит. В пыльной и кое-где покрытой вмятинами поверхности щита отражался Станко — мускулистый, широкоплечий, с небрежно разбросанной по плечам гривой темных волос, со стальным блеском в прищуренных глазах и родинкой на правой щеке… Он вспомнил, как покраснела Вила, и почему-то покраснел тоже.

— О лани-иты, лани-иты, румянцем зали-иты! — запел тут же Илияш и продолжал без перехода: — Идем мы с тобой, Станко, прямо свинье в зубы… Или кабану под хвост, кому как больше нравится… А почему, спрошу я тебя, настоящие мужчины не могут отправиться к крысе в глотку? На-астоящие мужчины, тебе сколько лет, кстати?

— Шестнадцать, — ответил Станко, который от неожиданности не догадался прибавить себе год или два.

Илияш удивился:

— Да? А в кого ты здоровенный такой уродился, в маму или в папу?

Станко нахмурился. Илияш, конечно, болтун и пустозвон, но

и в шутках следует знать меру…

Стараясь держаться подальше от Илияша, к столу бочком приблизилась Вила. Кувшин вина и огромная кружка пива перекочевали с ее подноса на оструганную столешницу. Станко опять поймал на себе взгляд — и отвернулся.

— Выпьем, — Илияш плеснул вина в свой стакан, так что вокруг на столе сразу образовалась красная лужа, — выпьем на дорожку… Пусть добрые духи, как говорится, «бархатом — дорогу нашу, а врагам — по пьявке в кашу»… Пьявку им в зубы, этим собакам-дозорникам! — Илияш понизил голос и оглянулся.

— Выпьем, — сказал и без того захмелевший Станко. — Выпьем за князя… Пожелаем ему легкой смерти! — он расхохотался, довольный своей шуткой, а Илияш тем временем завертел головой с удвоенным старанием — не слышал ли кто?!

— Ты… потише пока, — браконьер перегнулся через стол. — Языком трепать — это пожалуйста, а на деле кто чего стоит — скоро увидим…

Станко медленно поставил опустевшую кружку на стол. Склонил голову молодой бычок, да и только.

— Убью, — сказал он тихо и глухо. — Поклялся — и убью.

И такой ненавистью полны были эти слова, что Илияш отшатнулся:

— Слушай… Не мое дело, конечно… Но он тебе папа, папочка, что ж ты шипишь, как змея… Да за что ты его… невзлюбил, а?

Станко тупо уставился в красную лужу на столе. Проговорил наконец:

— Ладно, я тебе расскажу, чтобы зубы поберег, зря не скалил…

Он откинулся на спинку стула и прерывисто вздохнул, собираясь с мыслями. История, которую он намеревался рассказать, была священна — вспоминая ее накануне похода, он будто подвергал себя очистительному ритуалу. А Илияш — ладно уж, если хочет, пусть послушает…

— Мать моя, — начал он медленно, — мать моя жила в одном поселке, далеко отсюда… Она была единственная дочь в уважаемой семье, и у нее был жених, готовили свадьбу. Она была… Непорочная девушка… И накануне свадьбы через поселок проезжал князь Лиго со стражниками.

Илияш слушал, подавшись вперед, оставив шутки, плотно сдвинув брови.

— Накануне свадьбы… — продолжал Станко. — Мать стояла у ворот отчего дома, нарядная, счастливая… И она понравилась князю!

Он грохнул о стол пустой кружкой. В дальнем углу трактира шумно заржала пьяная компания. Пальцы Станко, сжимающие деревянную ручку, побелели.

— Она ПОНРАВИЛАСЬ князю! И он… он… Он схватил ее, не сходя с седла! Он вырвал ее из рук отца, который попытался вступиться… Он рассек лицо ее жениху, который кинулся под копыта лошади… И он увез ее, увез, и лакеи его рвали животы со смеху, понимаешь?! Увез в поле… И там… прямо в поле… Так грязно, жестоко… Надругался и бросил. В поле… И некому было ее защитить!

Илияш вздрогнул и поднял голову. В глазах у Станко стояли слезы.

В дальнем углу трактира опрокинули стол и подрались. То и дело хлопала дверь; мимо, удивленно взглянув, скользнула Вила — разбойничья красная косынка ее была теперь украшена одинокой розой.

Станко молчал долго. Молчал и Илияш.

— С тех пор, — наконец выдавил Станко, — с тех пор ее жизнь переменилась, совсем переменилась… Наложить на себя руки ей не дали. Родители не пережили позора, умерли чуть не в один день… Знаешь, в селе очень строго, если девушка… ну, ты понимаешь… А мать родила… меня. Уходила, пряталась… Ее на цепь посадили у колодца, есть такой обычай, если девушка родит… Все должны плевать ей в лицо. И плевали… Она… Ну что тебе рассказывать… Я с пеленок был байстрюк, ублюдок, «нагульный», «прижитый»… А князь…

Голос Станко задрожал от ненависти. Илияш смотрел, как суживаются в щелку, подергиваются пеленой его обычно ясные глаза.

— КНЯЗЬ… Князь Лиго… Он и забыл о ней, конечно. Он пил-ел, спал-гулял, тискал девок… А мама умерла полгода назад. И когда умирала, позвала меня и… Убей, говорит, его. Казни его. Казни, пусть не на площади, пусть не в петле… Отомсти… — он всхлипнул. — С тем и отошла.

Пьяную компанию выставили из трактира. Стало тихо, только Вила звенела посудой, разбирая завалы, оставленные побоищем.

— Он думал выйти сухим из воды, — сказал Станко с нехорошей усмешкой. — А вот на этот раз не выйдет. Потому что я его обязательно убью, что бы ни случилось!

И он сжал под столом рукоятку своего меча.

Илияш молча взял со стола свой стакан и огромными глотками начал поглощать вино.

— Да… Печальная история, — сказал он наконец, слизнув последнюю каплю. — Нечего сказать… Да только знаешь,

парень… Может быть, мать твоя просто согрешила в юности, а потом, чтобы грех прикрыть, эту историю приду…

Увесистая пивная кружка, направляемая молодой безжалостной рукой, угодила Илияшу прямо в нос.

Брызнула кровь. Еще не успев опомниться, Илияш перехватил правую руку Станко и, едва уклоняясь от беспорядочных ударов левой руки, закричал:

— Да пошутил я! Бешеный, пошутил!

Кровь заливала его кожаную безрукавку. Станко, бледный, оскаленный, отбросил кружку и, высвободив правую руку, попытался схватить Илияша за горло.

— Хозяин! Драка! — закричали сразу из нескольких углов.

Илияш ускользнул из стальных объятий своего противника и, отскочив под защиту широкого стола, выставил перед собой ладонь:

— Станко, ладно… Хорошо, извини, я пошутил… Ну, мало ли что бывает, а твоя мать не такая, вовсе нет… Тихо, парень, успокойся, пожалуйста!

К ним уже бежали хозяин и два здоровенных работника. Станко тяжело дышал, сжимая кулаки.

— Все в порядке! — Илияш вскинул руки навстречу подбегающим. — Все в порядке, это ничего, мы уже тихие… Не тревожьтесь, господа, не тревожьтесь… — и он лучезарно улыбнулся, и улыбка эта, облитая кровью из расквашенного носа, была особенно обаятельна.

Хозяин недовольно хмыкнул, работники переглянулись, и вся свора неохотно отступила.

— Сядь, — устало сказал Илияш.

У Станко подкосились ноги, он тяжело опустился на стул.

— Выдержки в тебе, как меда в мухе… Перед таким походом в трактире шуметь… Вся затея на волоске висела, ты хоть понимаешь?

Станко молчал, едва переводя дыхание. Илияш достал откуда-то платок и принялся оттирать лицо, и руки, и безрукавку.

— Крови-то сколько… Нашел кому кровь пускать, вояка…

Станко угрюмо смотрел в стол. Илияш повздыхал и вытащил из своего мешка пузатую баклажку. Потряс с сожалением, протянул Станко:

— На, хлебни…

И Станко хлебнул.

Прояснилась отяжелевшая от пива голова. Качнулся закопченный потолок, и Станко померещились в глубине его белые звезды.

— Я… Выйду… — пробормотал он непослушным языком и,

счастливо улыбаясь, отправился по нужде.

Илияш огляделся — Вила стояла в стороне и провожала Станко долгим внимательным взглядом.

За Станко закрылась тяжелая дверь, он вышел на середину двора и долго стоял в темноте, повернувшись лицом к княжеским землям… И он не видел, как Илияш поманил к себе девушку, как что-то горячо и убедительно шептал в густо покрасневшее ухо, как девушка пыталась оттолкнуть его руку, которая торопливо запихивала что-то ей в ладонь… Вила качала головой, бормотала что-то в ответ, пыталась отстраниться — но Илияш был настойчив, и снова и снова вкладывал в нежную ладошку что-то, невидимое прочим посетителям…

Вила сдалась. Зажала подношения в кулаке. Что-то буркнула Илияшу и вышла.

Станко в тот вечер так и не вернулся в обеденный зал.

…Он проснулся от того, что длинная соломинка влезла ему в нос. Он чихнул и открыл глаза.

Сено, и сено, и снова сено, золотое, озаренное солнцем… Станко схватился за голову и сел.

Солнце пронизывало сарай насквозь, и совсем рядом был дощатый потолок, и очень далеко внизу — дверка, низкая, как в курятнике… Станко обалдело огляделся — рядом на примятом сене лежала красная разбойничья косынка, и тоже примятая.

Пошатываясь, как пьяный, он выбрался наружу.

Фыркали кони, грузились телеги; сновали работники и постояльцы Станко все еще не понимал, где он. Придерживаясь рукой то за стену, то за поленницу, то за забор, двинулся в обход широкого двора. Уголок красной косынки жалобно свисал из судорожно сжатого кулака.

За углом сарая обнаружился Илияш.

Как ни в чем ни бывало, браконьер восседал верхом на толстом оструганном бревне. Рядом, привалившись друг к другу, будто ища один у другого защиты и покровительства, жались их заплечные мешки.

— Вот, наконец, и ты! — объявил Илияш радостно.

Станко молчал, сжимая косынку.

— Жаль, ночка коротка? — осведомился Илияш сочувственно.

Не говоря ни слова, Станко забросил свой мешок за спину.

2

Через несколько часов они шли по едва приметной лесной тропинке впереди Илияш, вооруженный тяжелой палкой, Станко — чуть поотстав.

Кошелек его стал намного легче — десять золотых, половина условленной суммы, перекочевала к проводнику. Вторую половину Илияш должен был получить в конце пути — у подножия замка.

— У подножия! — твердил Илияш, пересчитывая монеты. — А в замок я не пойду, хоть ты мне золотую гору вывали и сверху пряник положи, в замок я ни ногой, ты это запомни!

Он долго разглядывал монеты, пробовал на зуб, даже нюхал; Станко, помнится, подумал тогда, что Илияш в жизни не видывал столько золота сразу.

Теперь Станко тащился следом за проводником, не отрывая взгляда от его высоких, мокрых от росы ботинок.

Первый шаг большого пути был сделан; Станко шагал к замку князя Лиго с мечом на боку и жаждой мести в душе. Тем обиднее было, что в этот священный час ему думалось не об отмщении, а о неких странных вещах.

Вчерашний вечер вспоминался будто в дымке; нечто бесформенное, теплое, не имеющее названия, сумбурное и сладкое угнездилось у него внутри и не желало уходить.

Вчера он впервые коснулся женской груди. Да пребудут с нами добрые духи! Даже сейчас, вспоминая об этом, он покрывался испариной, и хорошо, что Илияш идет впереди и не видит его горящих щек…

Он наткнулся на Вилу посреди двора, в темноте, и сразу почему-то узнал, хотя ночь стояла — глаз выколи. Она не отстранилась, не убежала; у его щеки как-то вдруг возникла теплая ладошка, потом губ его коснулись… Добрые духи! Коснулись бархатные, влажные губы, и в ответ им из самого нутра Станко поднялось мучительно-сладостное чувство, памятное по полудетским беспокойным снам, но уж куда тем снам было до этой нестерпимо горячей волны! Потом его куда-то вели, и он спотыкался в темноте, потому что ноги стали чужими и все вокруг вертелось, вертелось, пронизанное короткими вспышками… Потом…

Станко споткнулся о выступающий из земли корень и перевел дыхание. Спина Илияша по-прежнему мерно покачивалась впереди, и светило солнце, и пояс приятно оттягивала тяжесть меча, но сердце постыдно колотилось и не желало успокаиваться.

…Потом был запах сена, и ее руки оказались смелыми до бесстыдства. Он сначала оцепенел, а потом расслабился, поддался, растворился в горячем, пульсирующем… Его ладони впервые в жизни коснулись обнаженного женского тела, пальцы блуждали по неведомым равнинам и теплым круглым холмам, потом забрели невесть куда…

Длинная ветка, преграждавшая дорогу невысоко над землей, ударила Станко под колени. Он потерял равновесие и грохнулся, растянулся, и заплечный мешок, подскочив, стукнул его по шее, а меч — по ноге.

Илияш обернулся мгновенно — как дикий зверь, в любую секунду готовый к поединку. В руке его блеснул кинжал; при виде лежащего вдоль тропинки Станко хищная готовность на его лице сменилась чуть преувеличенной скорбью:

— Далеко уйдем, парень… И селедке не добежать, и таракану не доплыть, так далеко мы с тобой уйдем… Эдаким манером…

В глазах его Станко померещилась слишком уж понимающая насмешка. Он встал, красный, как разбойничья косынка Вилы.

Двинулись дальше. Станко хмурился и смотрел под ноги, а перед глазами у него было сено, сено, черные кучи сена, полоска неба со звездами, душистые волосы на лице… Вот только удалось ли им сговориться о свадьбе? Ведь свадьбы теперь не миновать, Вила любит его, и он, конечно, тоже…

Пообедали на опушке молодого леска. Это было необыкновенно красивое место — нечто подобное Станко видел в детстве на картине одного бродячего торговца. Пышные кроны, кружевная тень на высокой траве, далекие холмы, запятнанные зеленью кустов… Илияш уплетал за обе щеки хлеб с сыром и громко рассуждал, что неплохо бы завтра изловить в силки перепелочку.

Станко поглядывал на него с неодобрением. Опасный поход странным образом напоминал увеселительную прогулку с пикником; дорога лежала, как в поговорке говорится, «бархатом», и ни трудностей, ни, тем более, опасностей не было и в помине.

Илияш балагурил, а Станко вспоминал, как вдохновенно тот расписывал превратности предстоящего пути. На двадцать золотых можно целое хозяйство купить… Целое хозяйство! Ловко браконьер себе цену набил… Завтра перепелочку поймаем, послезавтра — куропаточку, потом зайчика или еще кого… А там и замок — все эти предания насчет ловушек могут оказаться болтовней, а ты, Станко, выкладывай причитающиеся денежки!

Илияш смахнул крошки со своей безрукавки, на которой кое-где остались полустертые пятнышки крови. Станко вспомнил, как мучительно стыдно было ему вчера, как он стоял, не решаясь

вернуться в трактир, где только что разбил приятелю нос… И тогда Вила…

— Вставай-ка, — усмехнулся Илияш, заметив, как некая мечтательность подернула до того хмурое лицо Станко. — Солнышко высоко, милая далеко, как в песне поется… Или ты передумал и не хочешь больше убивать папу?

Станко сжал зубы и встал.

Споро и безмятежно они шли еще несколько часов, и солнце склонилось к западу, и Станко совершенно уверился, что Илияш его надул. Тропинка вынырнула из одной рощицы, чтобы нырнуть в другую; разделял их пышный, усеянный цветами луг — ни одна деревенская девчонка не удержалась бы от соблазна немедленно сплести веночек.

Едва спутники ступили на этот луг, как Илияш встал, будто вкопанный. Станко, конечно же, сделал два лишних шага и чуть не налетел на жесткую браконьерскую спину.

— Ромашки-милашки, маков цвет, дай ответ… Меня любят или нет… — услышал Станко бормотание проводника.

И тогда, раздраженный и злой, он отстранил Илияша с дороги и гордо двинулся через луг, всем своим видом показывая, что вывел мошенника на чистую воду.

— Стой!!

Выкрик прозвучал резко, будто хлыстом ударили. Станко, не успев сообразить еще, в чем дело, замер с поднятой ногой.

Илияш не смеялся. Бледный, он сгреб Станко за грудки:

— Куда?! К праотцам охота? Как договаривались, сопляк: я впереди, ты за мной!

Станко растерялся и потому ни слова не сказал в ответ.

Илияш отпустил его, стал, упершись своей палкой в землю, и уставился на зеленый луг, будто увидев на нем стаю привидений.

Несколько минут оба молчали; Станко тупо смотрел то на проводника, то на изумрудные волны, которые безмятежно гуляли по верхушкам трав.

Илияш, наконец, шагнул вперед. Уверенно выбросил вперед руку с палкой, и Станко подумал было, что тот увидел змею — но ни одна змея не могла бы издать тот звук, что сразу за этим последовал:

— Клац-зззз…

Илияш с трудом приподнял палку. На конце ее Станко увидел темное, громоздкое приспособление, железную пасть с двумя рядами сомкнутых блестящих зубов. За пастью потянулась из травы звенящая ржавая цепь.

— Псы, — сказал Илияш сквозь зубы. — Собаки и есть… Посмотри, парень…

Станко, преодолевая внезапную робость, склонился над железным предметом. Это действительно была пасть — присмотревшись, Станко разглядел и морду — уродливую, жабью, с полуприкрытыми оловянными глазами. Железные зубы, сомкнувшись, оставили глубокие отметины на палке.

— Это… ловушки? — поинтересовался Станко, стараясь говорить как можно равнодушнее.

Илияш фыркнул:

— Это капканы… Просто капканы на нашего брата. И ведь что интересно — срабатывает такая штука один раз, и если пасть захлопнет — потом ей зубы не разожмешь…

Станко не очень-то поверил, но решил не уточнять. Железная морда с оловянными глазами произвела на него самое неприятное впечатление.

— След в след, — сказал Илияш негромко, прикидывая расстояние до впереди лежащей рощицы. — Куда я ступлю, туда и ты… Понял?

— А в обход… Никак нельзя? — Станко смотрел в сторону с самым независимым видом.

Илияш фыркнул и с видимым трудом выдрал палку из зубов железного чудовища. Глухо звякнув, капкан отлетел в траву — Станко померещился злобный оловянный взгляд, провожавший путников из-за стеблей.

Шли медленно. Вокруг волновалась трава; была она сочной, сытой, густой, и в гуще этой, казалось, ничего не разглядеть — только цветочки, да узкие листья-стрелки, да пчелы…

— Клац-ззз!

Станко похолодел. На палке у Илияша сомкнул челюсти еще один капкан; Станко пригляделся — этот был меньше, легче, и вместо зубов у него в пасти были иглы — толстые, будто сапожные, острия измазаны темным…

— Ну до чего псы, — сказал Илияш с отвращением. — Этот с ядом, видишь? Но зато разомкнуть можно…

Нагнувшись, он двумя руками взялся за железные челюсти. Станко стоял, терзая и мучая рукоятку совершенно бесполезного здесь меча.

Руки Илияша напряглись; отравленные иглы неохотно отпустили палку. Глядя на оставленные ими глубокие дырки, Станко вдруг представил, как подобный капкан защелкивается на ноге…

— Сапоги, — сказал он хрипло.

Илияш осторожно избавился от капкана:

— Что?

— Если в сапогах, как я… Прокусит голенище?

— Прокусит! — сообщил Илияш радостно. — Эти зубки железо пробивают, им сапог прокусить — все равно, что кашу прожевать…

Он выпрямился, с сожалением разглядывая свою изрядно пострадавшую палку. Снова посмотрел на маячившую впереди рощицу:

— Вперед. След в след.

Станко не надо было напоминать. Касаясь подошвой земли, он весь сжимался, ожидая услышать «Клац-ззз». Твердо поставив ногу и оставшись в живых, он обессиленно выдыхал, чтобы снова сжаться перед следующим шагом.

Глаза его не отрывались от пяток идущего впереди Илияша. Вот нога браконьера отрывается от земли — расправляются примятые травинки, и Станко спешит поставить на них сапог, и упаси добрые духи задеть хоть одну прямую, непримятую!

Ему казалось, что ступни у него непомерно огромные, неуклюжие, что следы ботинок Илияша меньше его собственных следов, что там, где пройдет проводник, он, Станко, непременно угодит в…

— Клац-зззз!

Щелкнуло особенно громко, особенно хищно. Станко остановился, обливаясь потом, а на палке у Илияша повисла, намертво вцепившись, целая железная голова — исполинские челюсти, три ряда зубов, и на месте глаз желтые стекляшки.

— Здравствуй, дружок, — нежно сказал Илияш, обращаясь к страшной харе.

— А глаза… зачем? — шепотом спросил Станко.

— Растяп высматривать, — пояснил Илияш серьезно. С видимым усилием он стряхнул чудовище с палки, конец которой был уже так измочален, будто по нему прошлось стадо буйволов.

Двинулись дальше. До рощицы было рукой подать, когда Станко увидел чуть в стороне темный непонятный предмет, над которым колыхалась трава.

— Илияш… — позвал он шепотом.

Проводник остановился с занесенной ногой. Не оглядываясь, выбрал место и осторожно поставил эту ногу, только потом спросил сквозь зубы:

— Что?

Станко молча указал ему на свою находку. Илияш вгляделся и вдруг помрачнел, как никогда раньше — просто почернел лицом.

— Идем, — сказал глухо. — Эти капканы только раз захлопываются, только раз. Звери все-таки эти стражники, надо бы…

Он замолчал, а Станко не стал переспрашивать, что, собственно, «надо бы». Ему вдруг стало очень плохо. В темном предмете он узнал человеческую ногу — ногу в темной штанине и высоком башмаке, почти до колена заглоченную пастью капкана. Илияш двинулся вперед — над капканом взвилась черная стая мух.

— Не могу, — тихо сказал Станко.

Илияш приостановился. Буркнул, не оборачиваясь:

— Что?

— Не могу, — Станко наклонился вперед, и его стошнило.

— Значит, оставайся тут, — отозвался Илияш почти весело и снова пошел вперед. Станко, подавив спазмы в животе, через силу двинулся следом.

Он — боец. Никто в мире не посмеет назвать его трусом. Пусть выйдут воины в доспехах, десять на одного — он одолеет. Но это…

Рощица качнулась, помедлила и приблизилась, наконец. Трава здесь поредела и вовсе сошла на нет; между корнями зеленел мох да лаково поблескивали какие-то широкие листья.

— Вроде — все, — сказал Илияш озабоченно. — Впрочем, кто их, сволочей, знает… Под ноги смотри на всякий случай.

Он отбросил свою палку — она имела жалкий вид и годилась разве что на растопку.

Станко оглянулся и посмотрел на нарядный луг, оставшийся за спиной. Он ощутил вдруг, как дрожат и подгибаются колени, как ручейками стекает по спине пот и зудят ладони.

А что, если б он шел этим лугом один? Не задумался б ни на минуту, весело, с песней шагнул бы в траву, и первое же «клац-зззз» пробило бы сухожилия, раздробило кость, и оставалось бы только ждать стражников, чтобы те, явившись, отрубили ему ногу…

Он испытывал детскую благодарность к Илияшу — провел-таки, сберег, и не зубоскалит над его страхом, над слабостью там, на лугу…

— Штаны-то сухие? — тут же поинтересовался Илияш. Слезная благодарность Станко улетучилась, как дым.

Роща полна была дятлов — красные макушки мелькали среди листьев, и со всех сторон слышался дробный перестук. Станко вспомнил соревнование барабанщиков, на которое они с матерью однажды попали на ярмарке. Илияш, шагая впереди, что-то насвистывал, будто и не было страшного луга, страны капканов… На ходу он нашел и срезал ветку на новую палку — и теперь, довольный, стесывал кинжалом сучки.

Хорошо бы, подумал Станко, хорошо бы больше не встречать

капканов. Прав Илияш — псы эти стражники и подлецы. Нет, чтобы в честном бою исподтишка хотят укусить, внезапно, подло… Что ни говори, а капканы это, пожалуй, самое худшее, что может здесь случиться. Во всех прочих случаях… — и Станко наполовину выдвинул из ножен свой непревзойденный меч.

— Суетятся муравьи-ишки, у них темные дели-ишки… — пел Илияш.

И действительно, чем дальше они шли, тем больше становилось под ногами муравьев — один из них даже ухитрился забраться Станко в сапог и больно укусил его за палец; Станко что есть силы затопал ногой, пытаясь раздавить злобное создание.

— А вот еще ловушка, — будничным тоном сказал Илияш. — Но нам она не страшна, потому что уже сработала.

Он отступил — и Станко увидел впереди огромную муравьиную кучу. Над кучей, подвешенный за ногу, покачивался на ветру скелет. Веревка была сплошь облеплена муравьями; насекомые деловито обгладывали кости, копошились в пустых глазницах… Станко быстро зажмурился.

Не надо смотреть, — подумал он, сжимая зубы. — Добрые духи, кто же до такого додумался?!

— Это стражники? — услышал он собственный голос.

— Ну да, — отозвался Илияш, и в тоне его скользнуло почему-то раздражение, — они, сволочи… Причем им даже трудиться не надо — эта ловушка работает сама, как капкан…

— И он не смог вырваться? — спросил Станко, мельком глянув на скелет.

Илияш пожал плечами:

— Видно, не смог… Бедняга. То-то промысел на княжеских землях сегодня охотник, завтра дичь…

— У меня меч, — сказал Станко так твердо, как только мог. — Я смогу освободиться. И тебя, Илияш, освобожу, не бойся.

Илияш глянул на него со странным выражением — похоже, с интересом.

Они заночевали в лесу, не разжигая костра — Илияш сказал, что светить в темноте опасно. Установили дежурство — все дело свелось к тому, что Станко всю ночь дрожал и вслушивался, а Илияш сладко сопел, завернувшись в припасенное одеяло.

Станко не смог бы заснуть при всем желании. Иногда он впадал в оцепенение, и тогда в темном сплетении веток ему мерещилась Вила, такая, какой он увидел ее впервые, в передничке, с пивной кружкой на подносе… Пивная кружка превращалась вдруг в голый, покрытый копошащимися муравьями череп, Станко в ужасе поднимал глаза — вместо Вилы

был Илияш, довольный, смеющийся, повязанный красной разбойничьей косынкой…

Он обрадовался, когда небо, наконец, посерело, в кроне над головой пискнула первая птаха, и видны стали стволы, просветы между ними и спящий проводник рядом.

Едва продрав глаза, браконьер заявил, что голоден, что желает деликатной пищи и не сделает и шагу вперед, пока не изловит в силки завтрак. Вытащив из своего заплечного мешка некое странное приспособление, Илияш удалился за кусты, и вскоре Станко услышал оттуда нежный призывный свист…

Браконьер вернулся, потрясая двумя жирными птичьими тушками. Станко неумело помог ему ощипать и выпотрошить добычу; Илияш орудовал кинжалом ловко, как фокусник, которого Станко видал в маленьком балаганчике из рваной рогожки. Пташки были изжарены на огне крохотного костерка; Станко казалось, что он не хочет есть, первый кусок он откусил через силу — и тут же, ощутив зверский голод, заработал челюстями так, что в воздухе повис сплошной хруст костей. Илияш следил за ним с явным уважением — сам он ел очень аккуратно, беззвучно, хотя и быстро.

— Жить тут можно круглый год, — говорил Илияш, когда они двинулись в путь, — птица, зверь, в ручьях еще и рыба… Но, знаешь, где мед, там и жало — зверушки жиреют, дозорники стервенеют…

Станко после сытного завтрака тянуло в сон — ведь ночью он не сомкнул глаз! Вполуха слушая обычную болтовню Илияша, он тяжело брел следом, то и дело поправляя на спине неудобно надетый мешок.

Вышли на берег ручья, который и за мелкую речушку сошел бы. Вода лихо закручивалась водоворотами, на дне пестрели камни, кое-где в тихом месте маячила темная рыбья спина.

Илияш обернулся, открыл рот, чтобы сообщить что-то радостное — и вдруг застыл. Безмятежность сползла с его лица, и лицо это враз переменилось — потемнели глаза, ввалились щеки.

— Ой, парень, — сказал Илияш негромко, — а за нами погоня, похоже…

Станко прислушался. В утренней разноголосице птиц, ручья и ветра его ухо не уловило ничего угрожающего.

Илияш тем временем быстро стал на колени и приложил ухо к земле; Станко мимоходом подумал, что позу нелепей трудно представить.

— Всадники, — сказал Илияш, и голос его полон был такого невыносимого ужаса, что Станко наконец-то тоже стало не по себе.

— Всадники! — Илияш поднялся, и руки его дрожали. — Выследили, псы… И зачем мне теперь твое золото?!

Станко беспомощно огляделся вокруг. Редкая рощица на этом берегу ручья, поляна напротив… Чахлые кусты, невысокая мягкая трава… Не спрячешься, хоть в землю заройся!

— Вперед! — выдохнул Илияш и сломя голову кинулся невесть куда, не разбирая дороги.

Станко тоже побежал, и в ту же секунду его захлестнул ужас: он почувствовал себя травимой дичью. Заплечный мешок нещадно колотил по спине, ножны меча били по ногам и мешали бежать, сердце готово было выпрыгнуть из груди и нестись что было сил, обгоняя Илияша. Перед глазами Станко прыгали высокие ботинки проводника, летели комья земли из-под тяжелых подошв, слышалось хриплое, срывающееся дыхание.

— Сю… да…

Высокие ботинки резко свернули — задыхающийся Станко едва успел затормозить перед стеной колючего кустарника.

— Давай… Скорей… — бормотал Илияш.

Он ловко поднырнул под шипастую ветку, и через секунду Станко увидел его мешок, мелькающий в глубине зарослей.

— Туда? — прошептал Станко растерянно.

Перед его глазами раскачивались черные загнутые иглы шипов. Он с детства не любил колючек и еще вчера был уверен, что никакая сила не в состоянии загнать его в колючий кустарник; он обернулся, будто ища другого убежища, и услышал далекий стук копыт.

Такой простой, привычный звук поднял дыбом волосы у него на голове. Не помня себя, Станко кинулся в заросли.

Колючки впивались и рвали, он слышал треск ткани и собственной кожи и все-таки лез и лез вперед, потому что стук копыт за спиной становился все громче и отчетливее.

— Падай! Не дыш-ши… — прошипел откуда-то Илияш.

Станко присел, припал к земле, и ветки над его головой распрямлялись медленно, слишком медленно, и Станко казалось, что они специально кивают стражникам, будто приглашая: сюда! Здесь он!

А потом он и вправду перестал дышать, потому что на место, где он стоял пять минут назад, высыпали всадники.

Их было восемь или девять; вжавшийся в землю, съежившийся Станко видел огромные копыта черных лошадей, безжалостно давившие траву, огромные сапоги в стременах, огромные черные арбалеты за спинами плечистых, мордатых, облепленных железом молодчиков… С седел свисали петли арканов; Станко смотрел, не в силах оторвать глаз.

Лошади топтались на месте, и каждое копыто продавливало в земле глубокую круглую вмятину. Всадники вертели толстыми шеями; один взглянул, казалось, прямо Станко в глаза — и у того мучительно сжались все внутренности, он слезно пожалел, что не родился древесным клопом…

Потом кто-то, вероятно, начальник, крикнул резкую неразборчивую команду, и вся свора сорвалась с места, вздымая выдранные с корнем пучки травы, и в секунду пропала из глаз.

Станко почувствовал, как по расцарапанной щеке его ползет тяжелая капля крови.

Из кустов чуть правее поднялось белое лицо Илияша. Браконьер сглотнул и прошептал, округлив глаза:

— Без собак они были. Добрые духи, без собак.

Никакие капканы, никакие ловушки, никакие скелеты на веревках не могли напугать Илияша так, как напугали его несколько стражников на черных лошадях.

Колючие кусты пощадили верткого браконьера — мне бы так, с мрачной завистью думал Станко, слизывая кровь то с одной глубокой царапины, то с другой. Одежда его висела лоскутками, как на балаганном актере. Даже добротному заплечному мешку досталось, что уж говорить о ладонях, о щеках, об ушах!

Станко слизывал кровь и угрюмо слушал причитания Илияша, тащившегося впереди:

— Без собак… А если б с собаками, уже б на дыбе висели… Зачем мне твое золото на дыбе? Зачем, а?

Илияш обернулся и заглянул Станко в глаза с горьким упреком, переходящим в обвинение:

— Зачем золото в пыточной, а? Нашел парень старого дурака, монетками позвенел, и тащись, Илияш, смертушке навстречу… Да если бы просто смертушке… — он отвернулся и побрел, не поднимая головы, обращаясь к замшелым корням под ногами:

— Тебя они, может, и пожалеют… Повесят, и ладно. А меня они знают, знают, понимаешь! Я сбежал… Я карту спер…

Он вдруг остановился и сказал совсем другим тоном, спокойно, деловито:

— А у князя в замке чудесная камера пыток. Видывал я одним глазком… Ну чего там только нет! Ты, парень, и представить себе такого не можешь. Дивная камера, ни в чем недостатку не будет!

Тем временем путников обступил лес; на первой же поляне, затерянной в молодом густом ельнике, Илияш сел — вернее, упал, будто у него подкосились ноги.

Станко сам собрал хворосту и сам разжег костер; Илияш сидел безучастно, глядя прямо перед собой и беззвучно шевеля губами. Станко пару раз вопросительно взглянул на него — тот

не ответил.

— Да не трусь ты, — сказал Станко, когда огонь запылал и на полянке сделалось почти уютно, — обошлось ведь…

Илияш молчал.

— Сколько нам идти еще? — Станко старался говорить как можно увереннее и доброжелательнее. — Три дня, четыре?

— Нисколько, — отозвался Илияш мертво, и у Станко сжалось сердце от нехорошего предчувствия.

— Как это? — спросил он по-прежнему спокойно. — Разве мы уже пришли?

— Пришли, — глухо сказал Илияш. — Теперь надо ноги уносить.

Стало тихо, только огонь потрескивал, обгладывая еловые ветки.

— Мы так не договаривались, — сказал Станко, и голос его дрогнул. Ты же знал, на что шел! Я же золотом тебе заплатил, морда! И еще заплачу…

— Без собак они были, — сказал Илияш после паузы. — Если б с собаками…

— Хорошо, — сказал Станко зло. — Отдавай деньги.

Илияш поднял на него удивленный взгляд.

— Отдавай деньги! — Станко встал. — Ты их не заработал! Отдавай и уноси ноги, а я все равно дойду до замка и зарежу этого мерзавца князя!

При упоминании о князе руки его сами собой схватились за меч. Он шагнул вперед — Илияш испуганно отшатнулся.

— Ты… — Станко несло на какой-то дикой волне куража, — ты проводник мой, понял? Если мне придется и тебя зарезать по дороге к замку, то я и зарежу… А ну, встань!

Станко выхватил меч. Илияш медленно встал — худой, весь какой-то нескладный, съежившийся; стоял, глядя на светлое лезвие в руках парня, и глаза его отражали странную мешанину чувств.

Станко перевел дыхание. Спросил уже спокойно:

— Пойдешь дальше?

— Пойду, — отозвался Илияш, не отрывая взгляда от меча.

Где-то далеко заухала сова. Потом еще раз — ближе.

— Ну, вот и хорошо, — сказал Станко с облегчением и спрятал меч в ножны.

Стало тихо. Илияш взял охапку собранного Станко хвороста и подбросил в затухающий костер. Взметнулось пламя.

— Значит, — медленно сказал Илияш, усаживаясь напротив, — значит, ты действительно… Ты ОЧЕНЬ хочешь его убить.

Сквозь языки пламени Станко видел его задумчивое, сосредоточенное лицо.

— Хорошо… Убей его, парень. Убей.

И лицо Илияша исказила гримаса, показавшаяся Станко гримасой ненависти.

Случай этот сильно сказался на отношениях компаньонов. Станко думалось теперь, что проводник попросту его боится.

Они продвигались вперед медленно, Илияш то и дело останавливался, изучал дорогу, отдыхал, охотился… Ясно было, что путешествие ему в тягость — но он не решался заявить об этом прямо, тянул да хитрил. Два раза Станко ловил на себе странные взгляды — Илияш бросал их исподтишка, когда уверен был, что Станко ничего не заметит.

Так прошло два дня, и в душе у Станко поселилось нехорошее, гнетущее чувство. Он перестал доверять проводнику.

Меч по-прежнему был готов к бою — Станко знал, что уж в схватке-то он сможет защитить себя. Но Илияш, конечно, на открытую схватку не решится. Десять монет у него; чего стоит однажды ночью взять да и сбежать?

Дело было вечером; Илияш неподвижно сидел напротив, поворачивая над огнем костра самодельный вертел с нанизанными на него ломтями мяса. Глядя на его невозмутимое сухощавое лицо, Станко помрачнел.

Он бредет за проводником без дороги и ориентира, о замке ему известно только, что тот где-то на востоке, но чего стоит это знание в непролазных княжеских лесах? На лугах, где полно капканов? На опушках, где рыщут стражники? Если Илияш сбежит, шансы Станко на встречу с отцом сильно поредеют.

Илияш, будто читая его мысли, поднял голову и чуть усмехнулся. Глаза его, отражая пляшущее пламя, глянули на Станко остро, насмешливо, будто бы говоря: а вот поглядим, дружочек! И не успел Станко опомниться, как Илияш уже снова смотрел на свою стряпню, смотрел сосредоточенно, как ни в чем не бывало…

Он все понимает, сообразил Станко, чувствуя, как холодеет спина. Может быть, он задумал сбежать прямо сегодня? А может быть, — тут руки его непроизвольно потянулись к кошельку на поясе, — может быть, уходя, он прихватит и оставшиеся деньги? Те, которые Станко обещал отдать у стен замка?

Илияш неспешно поворачивал вертел, а Станко смотрел на него, чувствуя себя беспомощным и глупым.

Сторожить? Не спать ночь? Другую? Третью? Сколько ночей он сможет выдержать без сна, и сколько дней пути осталось до замка? Ведь они идут медленно, так медленно, а, может быть,

Илияш и вовсе водит его по кругу?!

При этой мысли Станко сделалось совсем кисло. Только наивный дурак мог довериться совершенно незнакомому, странному человеку, и вот миссия оказалась под угрозой, и некого винить…

Илияш радушно предложил ему жареного мяса. Станко угрюмо отказался.

Это была тяжелая ночь.

Костер прогорел; только красные огоньки бегали от уголька к угольку, мерцали, но не светили. Станко лежал, не выпуская из руки обнаженного меча; рядом спал Илияш — или не спал, а притворялся, выжидая своего часа.

Станко прислушался, затаив дыхание, и осторожно, как лазутчик, подполз к проводнику. Если бы тот хоть храпел… Но Илияш спал тихо, как ребенок, и Станко долго мостился, пытаясь пристроиться рядом и не разбудить.

Босая нога его касалась колена Илияша, и, если тот пошевелится, Станко мгновенно проснется… Хотя он не спит… Не спит…

Кошелек, тщательно спрятанный под курткой, теперь впился Станко в бок. Хорошо, что он не такой тугой, как раньше… Ему понадобятся деньги, скоро их свадьба с Вилой…

В темноте он различал темную глыбу на месте Илияша, бока ее то поднимались, то опускались. Браконьер был с головой укутан одеялом.

Вот из-под одеяла вынырнули руки, длинные, вороватые, с многосуставчатыми пальцами… Тянутся к кошельку, а Станко не может и шелохнуться…

Он вздрогнул. Кошелек по-прежнему больно давил на ребра. Не спать, не спать… Хоть бы луна взошла…

Ночь, однако, была темная, безлунная, и только ветер возился в черных кронах да кричали совы, заставляя Станко вздрагивать…

…Он открыл глаза.

Полянка была залита светом — из-за деревьев поднималось солнце. На месте костра остался черный круг; на месте Илияша осталась чуть примятая, уже успевшая подняться трава.

Станко машинально потянулся к кошельку — тот был тоже на месте, золото тускло звякнуло.

Меч лежал рядом и был совсем мокрый от росы. Станко провел пальцем по лезвию — сверкающие капельки полетели в траву.

Он снова тупо уставился на место, где недавно лежал браконьер, укутавшись с головой старым одеялом.

Ну и ладно, подумал Станко с горестной решимостью. Остался, с чем был… Меч при мне. Замок на востоке. Дойду.

Он с трудом встал и огляделся. Его заплечный мешок был рядом; мешок Илияша, конечно же, исчез.

Шакал, подумал Станко, натягивая сапоги. Трус. Предатель.

Солнце поднималось, надо было отправляться в путь, а Станко все топтался, будто чего-то ждал, и все не мог выбрать, по которой из двух чуть заметных тропинок ему идти. Решился, прошел несколько шагов — и сразу понял, что возвращается, что проделывает в обратном порядке путь, по которому они с Илияшем пришли вчера.

Угрюмый и злой, Станко вернулся на полянку. Посмотрел на черный круг от костра — Илияш всегда маскировал такие отметины — и сжал зубы. Вытащил из ножен меч.

— Подходи, трус, — сказал он хрипло, обращаясь к одинокому кусту, так и затрепетавшему от страха. — Подходи, мерзавец. Тебе не спастись, слышишь?! Все равно не спастись!!

И меч заблистал, отражая солнце.

Он вращался все быстрее и быстрее, и пропал из глаз, и на его месте осталась только серебристая сетка, напоминающая крылышки стрекозы. Станко чувствовал каждую свою мышцу; вся его горечь и досада выливалась в это бешеное вращение, и куст перед ним побледнел, почуяв, что его ждет.

— Не спастись! Не уйти! Все равно! Все равно!

Станко сделал выпад и нанес первый удар. Куст вздрогнул, две толстые ветки, отсеченные с маху, повалились в траву. Станко не поленился тут же отразить воображаемый удар врага, а потом напал снова, одним ударом снеся с куста верхушку. Жалобно сыпались листья; шипел воздух, рассекаемый сталью, да тяжело дышал Станко:

— Подходи! Ближе!

Он не знал уже, кого крошит — предателя Илияша или самого ненавистного князя. Куст раскачивался, неся ужасные потери, землю вокруг него устилали отрубленные ветки, но Станко не остановился, пока пот не залил ему глаза.

Тогда он опустил меч; в глазах его стояли злые слезы, на месте пышного, зеленого куста остался теперь жалкий обрубок.

— Все равно, — сказал он упрямо. — Доберусь и…

— Эй, парень!

Станко обернулся, будто его ужалили.

Рядом стоял Илияш — в одной руке мешок, в другой — окровавленная тушка зайца. Штаны его были по колено в росе, а голубые глаза сверкали довольно и проницательно. Станко сразу отвернулся, чтобы скрыть предательские слезы — и глупую

счастливую ухмылку.

Илияш обошел куст кругом:

— Да уж… Знавал я одного брадобрея, так тот тоже любил… Обкорнать… За что ты его, парень?

Станко буркнул, не поднимая головы:

— Ты… где был?

Илияш, похваляясь, подбросил тушку:

— Косого изловил… Съем вот… Тебя угощу, быть может. Да и дорога здесь раздваивается, как у змеюки язык, разведать не лишне…

Станко не знал, чего ему больше хочется — съездить проводнику по носу или расцеловать его. Илияш подошел ближе, склонил голову к плечу, пытаясь заглянуть Станко в глаза:

— А ты что… Плохое что-то подумал, да?

Станко досадливо плюнул и пошел за своим мешком, но Илияш не отставал, тянулся следом, с интересом выспрашивая:

— Подумал? Нет, скажи, о чем ты подумал!

Глаза его буравили и насмехались, и Станко, красный как рак, сам стыдился теперь своих мыслей.

С возвращением Илияша к Станко, в свою очередь, вернулось душевное равновесие. Шагая вслед за проводником, он чувствовал себя легко и надежно, хотя нет-нет да и корил себя за мрачную подозрительность.

Илияш, похоже, тоже пребывал в добром состоянии духа, до ушей Станко доносилась то одна, то другая песенка:

— Ти-ри-ри, та-ра-ра…
Ми-илая, ми-илая,
нынче ночка дли-инная…

Станко мечтательно улыбался. Они преодолели ловушки и засады, замок неотвратимо приближался, и неотвратимо приближалось возмездие. Улыбаясь, он не сразу заметил, что песенки Илияша почему-то стихли; Станко споткнулся и тогда только обнаружил с удивлением, что сам бормочет в такт шагам, как песню:

— Смерть князю, тра-ла-ла…
Смерть бандиту, тра-ла-ла…
Бойся, Лиго, тра-ла-ла!

В полдень остановились отдохнуть у источника, пробившего себе дорогу между корнями исполинского дуба.

— Князь, выходит, уже покойник? — поинтересовался Илияш, с удовольствием вытягивая длинные ноги в запыленных ботинках.

Станко уловил в его голосе насмешку, но рука его сама собой легла на рукоятку меча.

Помолчали. Тонко пел родник, трещали кузнечики, тянуло в сон.

— Слушай, Илияш, — Станко заколебался, — а ты, когда стражником служил…

Илияш нахмурился. Напоминание было ему неприятно.

— Да нет, — Станко хотелось сгладить неловкость, — я только хотел спросить… Ты князя видел?

Браконьер медленно повернул голову. Губы его неспешно расползлись в ухмылке:

— Конечно. Как не видать.

У Станко страшно заколотилось сердце. Сжав зубы, вытащил монетку:

— Он… похож? Такой точно?

Илияш и не глянул на чеканный профиль. Лег, закинул руки за голову. Сказал чуть погодя:

— Ты его узнаешь.

Снова стало тихо.

— Ты его… вблизи видел? — снова спросил Станко. Илияш лениво повел бровью:

— Как тебя.

Станко облизал пересохшие губы. Ему было странно неловко, будто он спрашивал о чем-то запрещенном, постыдном.

— А… жена есть у него?

Илияш молчал долго. Протянул наконец:

— Нету жены.

В двух шагах от путников вынырнула из травы непуганая полевая мышь. Удивленно воззрилась на незнакомцев. Илияш — заметил Станко краем глаза прищурился, неподражаемым охотничьим взглядом отмеряя расстояние до глупого зверька.

— Да оставь ты ее! — возмутился Станко. — Есть ее будешь? Что она тебе сделала?

Мышь испугалась громкого голоса и нырнула обратно в траву.

— Мышку жалко тебе, — вздохнул, расслабляясь, Илияш, — мышку жалко, папу не жалко…

Станко стиснул зубы и ничего не ответил, но на этот раз молчание длилось недолго:

— Илияш… А как он живет, там, в замке? — и тут же добавил небрежно: — Мне побольше узнать надо… Чтобы впросак не попасть, выследить и не промахнуться.

Илияш сел. Посмотрел на Станко долгим серьезным взглядом. Сказал со вздохом:

— Хорошо живет. Богато. Не очень весело, правда… Сам знаешь, какая у него история. Предки твоего папы, и твои предки, значит, всю жизнь воевали… А жизнь у них, правда, была короткая, пока не зарубят, не проткнут, со скалы не сбросят… И вот перебили всех, один князь Лиго и остался. Злющий, как одинокая змея, — Илияш недобро усмехнулся. — В замке сидит, и комнат там, Станко, как пьявок у цирюльника. А в самой главной комнате… Я там не бывал, конечно, но рассказывают, что там на атласной подушечке лежит княжий венец… — голос Илияша смягчился, обрел бархатные нотки, будто он рассказывал мальчику старую сказку. — Венец этот, Станко, о четырех зубцах, и выкован, конечно, из чистого золота. Предки князя за него дрались — брат с братом, отец с сыном… Венец этот ковали четыре колдуна, и коснуться его может только тот, кто по крови — прямой потомок княжьего рода. Коснется самозванец — умирает в корчах, страшное это дело…

Илияш замолчал, задумавшись.

— Я могу коснуться, — сказал Станко.

Илияш поднял голову:

— Что?

— Я могу коснуться. Я — прямой потомок княжьего рода.

Браконьер помолчал. Сорвал травинку, сунул в зубы. Пробормотал, теребя изрядно отросшую бороду:

— Ну, ты и нахал… Наглый мальчишка…

Последовала пауза. Илияш отшвырнул травинку и встал:

— Ты доберись до него сначала, до венца-то! И князя убей, тогда посмотрим…

Станко усмехнулся.

В следующую секунду на солнце вспыхнул его верный меч. Парень, который только что сидел, развалившись, опершись спиной о ствол, в одно мгновение оказался на ногах, в боевой стойке. Без единой заминки, без паузы, в бешеном темпе перед глазами явно струхнувшего Илияша промелькнул каскад боевых приемов; Станко припадал к земле и подпрыгивал высоко вверх, меч слился в одно целое с его рукой, и разгоряченное лицо выдавало свирепую радость сильного и бесстрашного зверя.

— Аха! — Станко замер в живописной позе, изображающей смерть противника на острие меча; потом покосился на своего обмершего зрителя и преспокойно спрятал оружие в ножны.

Притихшие было кузнечики возобновили свои рулады. Илияш уважительно кивнул:

— Что ж… Это, конечно… Ну да. Только… ты ведь не

думаешь, Станко, что у князя в охране пастухи да лавочники? Тоже бойцы, и не простые, у каждого свой секретный удар… А сам князь Лиго, говорят… — произнося имя князя, Илияш хищно оскалился, — сам князь в поединке великий мастер, и любимое оружие у него — меч и кинжал… Думаю, какой-то мальчишка, хоть и сильный и обученный… — он поджал губы и скептически покачал головой.

Разгоряченный Станко озлился. Сомнения Илияша бесили его; упершись в бока, он тучей навис над проводником:

— По-твоему, мне только с лавочниками сражаться?!

Илияш вскинул руки, как бы говоря — что ты, как можно так подумать!

— По-твоему, я просто «какой-то мальчишка»?! — продолжал Станко.

Илияш рьяно замотал головой, изо всех сил желая опровергнуть это предположение.

— А ну, — Станко несколько успокоился, и на место гнева пришла снисходительная улыбка, — а ну… Давай померяемся силами!

Илияш, кажется, смутился. С опаской посмотрел на меч в ножнах:

— Что ты… У меня и оружия… подходящего нет, — и рука его виновато скользнула по кинжалу на поясе.

Станко отстегнул меч, бросил в траву. Когда некая идея овладевала им без остатка, отказаться от нее уже не было никакой возможности.

— На палках, — сказал он тоном, не терпящим возражений. — Посмотрим, какой ты боец!

Илияш растянул губы в странной, чуть кровожадной усмешке.

Они сошлись посреди широкой, залитой солнцем поляны. У каждого была длинная свежевырезанная жердь; Станко радостно ухмылялся, Илияш был спокоен, только глаза его, сузившись в голубые щелки, выдавали веселый кураж.

— Ай-я! — выкрикнул Станко и пошел в атаку — палка в его руках замелькала, как спица в колесе, полусогнутые ноги твердо упирались в траву, каждая мышца слушалась точно и безотказно.

Илияш отступил, посмеиваясь. Палка в его руках была почти неподвижна, как застывшая перед броском змея.

— Хей! — Станко нанес первый удар, и жерди впервые звонко соприкоснулись. — Хей-я! — Станко наступал и наваливался, и противник его едва успевал уворачиваться из-под увесистых ласк бешено вращающейся палки.

Станко раздухарился, и то, что противник его был недосягаем, совершенно выводило его из себя. Они проделали на

полянке круг, второй; Илияш ускользал либо парировал удары, отбрасывая их в сторону.

Пот прошиб Станко. Волосы налипли на лоб; на лице противника он вдруг увидел улыбку — Илияш смеялся довольно, будто перед ним, зрителем в балагане, разворачивалось забавное действие, и разворачивалось именно так, как он того хотел.

— А-а-а! — завопил Станко благим матом и удесятерил усилия; в момент, когда он должен был наконец достать Илияша, тот вдруг крутнулся волчком, припал к земле и быстрым незаметным движением ударил Станко по щиколотке.

Удар не был силен, но юноша, потеряв равновесие, покачнулся и чуть не упал.

Илияш стоял в трех шагах, и палка в его руках упиралась концом в землю — знак перемирия.

— Ну, что, парень? Потешились, может, хватит?

Станко убрал со лба мокрую прядь и судорожно сглотнул. Улыбки давно не было на его губах. Он терпел поражение.

— Нет, — сказал он чуть слышно. — Еще.

Илияш сокрушенно пожал плечами — как хочешь, мол.

И противники сошлись снова, но Станко больше не видел солнца.

На него накатило. Впервые это случилось с ним лет в двенадцать, и с тех пор уличные мальчишки разбегались кто куда, стоило появиться в его глазах этому сухому, сумасшедшему блеску.

В глазах его потемнело, будто тяжелая туча навалилась на солнечный день. Он не видел рук Илияша, его оружия — глаза, только насмешливые глаза! Звуки долетали до его ушей обрывками, будто он то зажимал их ладонями, то отпускал; небо, трава, стволы деревьев — все перемешалось, как тряпочки на лоскутном одеяле. Станко уже не выкрикивал боевых кличей молча, стиснув зубы он бился, как в последний раз в жизни. На пересохших губах выступила пена.

Илияш был сильным противником, но сейчас Станко этого не осознавал. Не он был господином палке — она вела его, превратившись в живое, злобное, беспощадное существо.

Удар. Еще удар. Отражение. Поскользнулся на траве, но устоял. Захлестывает горячая, темная волна…

— Станко! Станко, очумел?!

В уши его хлынул отдаленный птичий щебет. Он снова увидел небо и траву, и трясущиеся руки опустили оружие.

Илияш стоял перед ним, бледный, удивленный, сжимая правой рукой левое предплечье:

— Очумел?! Ты… что?

Из-под пальцев его показалась кровь. Станко стало страшно.

— Я… Илияш, я не хотел, — он шагнул вперед, но проводник отшатнулся, изучая Станко внимательным, каким-то отстраненным взглядом:

— Мы ведь не на смерть бьемся… Как мне показалось, — сказал он сквозь зубы.

Он закатал рукав рубашки, и Станко увидел рану — края рассеченной кожи быстро оплывали кровоподтеком.

— Я думал, ты меня убьешь, — сказал Илияш с усмешкой.

Опираясь на палку, как на посох, он повернулся и пошел к старому дубу, у корней которого были припрятаны оружие и заплечные мешки.

Станко тащился следом. Душу его грызло раскаяние, но сквозь него упрямо пробивалась совершенно неприличная радость: ага! Победил! Показал насмешнику, где у змеи норка!

Илияш обернулся, и Станко увидел, что он почему-то усмехается.

В тот день им так и не довелось продолжить путешествие. Развели костерок; Илияш, осторожно ощупывая пострадавшую руку, то и дело бормотал почти удовлетворенно:

— А кости целы! Целы кости, вот удача!

Станко хмурился и чувствовал себя довольно скверно.

Вечером доели добытого Илиящем зайца. Браконьер, кажется, успокоился и подобрел; растянувшись у костра, он поглядывал то на темнеющее небо, то — искоса — на Станко, и тот понял, что сейчас последует вопрос.

— Здоров ты биться, — Илияш щурился на огонь, как огромный худой котище, — нечего возразить… Можно подумать, ты родился… м-да… родился с мечом на боку, с ножом в зубах и с палкой наперевес!

Станко фыркнул.

— Наверное, — Илияш скосил на собеседника внимательный глаз, пожалуй, в недалеком детстве ты был забиякой… Раздавал гостинцы направо и налево, и без меча и без палки: вон кулачища какие!

Станко посмотрел на свои руки. Костяшки пальцев выдавались вперед, круглые, белые, будто распухшие, покрытые не кожей даже — шкурой, толстой и грубой, как рогожа. Такие руки будут у него всегда.

Он вспомнил деревянную колоду, обтянутую мешковиной. Колода эта помещалась в дровяном сарае, но никто никогда не колол на ней дрова. Маленький Станко, обливаясь слезами, изо дня в день отбивал об нее кулаки.

Плакал он от боли. Руки кровоточили; кисти поначалу

опухали так, что он не мог удержать ложки за ужином. Мать смотрела косо, но молчала.

Маленькие детские кулаки, израненные, исцарапанные, понемногу теряли чувствительность. Каждый день, каждый день приходил он к колодце; глаза его теперь оставались сухими, он только сильно закусывал губу.

«У тебя некрасивые руки», — презрительно сказала однажды соседка. Он только усмехнулся — в ту пору его рук уже боялись.

Тихонько хмыкнул Илияш, Станко вздохнул и вернулся к действительности.

— Да уж, — протянул он с кривой улыбкой, — будешь тут забиякой… Когда на тебя сразу пятеро, на одного-то, а еще десять стоят в сторонке и зубы скалят!

Илияш, похоже, заинтересовался:

— Пятеро? Какие это пятеро, какие десять?

— Да мальчишки, — буркнул Станко сквозь зубы. — Соседские, из школы…

— Вот как? Ну, мальчишки всегда дерутся… Но почему все на одного? Чем ты насолил им, а?

Станко раздраженно плюнул в костер: издевается? Не понимает?

— Да байстрюк же, — сказал он нехотя. — Нагульный, прижитый, и… он вспомнил еще одну кличку — «шлюхин сын» — но произнести ее вслух у него никогда не хватило бы сил.

Илияш молчал. В свете костра Станко увидел, как сошлись на переносице его изогнутые брови.

— Да, — сказал наконец Илияш, — вот так штука… Какое странное слово — байстрюк…

Станко бросил на него быстрый взгляд — окажись на лице браконьера хоть тень издевки, ему бы несдобровать, но Илияш смотрел в огонь серьезно, отрешенно, будто действительно впервые слышал ненавистное слово.

Станко вздохнул и опустил голову.

…Это начиналось сразу же, как он сворачивал со своей улицы в сторону школы. Его уже ждали; дюжина радостных, предвкушающих забаву ребят немедленно брала его в кольцо. Он молчал, сжавшись в комок, озираясь, как затравленный лисенок; потом кто-то один — чаще всего это был рыжий сын бондаря — громко и ласково спрашивал:

— Станко, а где твой папа?

Остальные прыскали в рукава, до времени не давая волю своему веселью.

— Станко, а где твой папа? — спрашивали сразу несколько

голосов.

Он молчал, прижимая к груди ободранный букварь.

— Наверное, — предполагал кто-то, и голос его дрожал от сдерживаемого смеха, — наверное, он ушел на ярмарку?

— Нет, — перебивал другой, пуская от радости слюни, — он улетел на небо!

— Он живет на луне?

— Он спрятался под лопухом?

Они говорили, перебивая друг друга; каждая новая шутка встречалась все более звонким смехом, пока наконец в общем галдеже не рождалось пронзительное:

— Байстрюк! Байстрю-ук!

И они начинали лупить его, щелкать по затылку, подбивать под колени, наступать на ноги, пока он не срывался и не бросался бежать, вырвавшись из круга… И тут наступало полное веселье — ребята гнались по пятам, завывали и улюлюкали, и спину его то и дело больно доставал умело брошенный камень…

Станко не раз случалось видеть, как смотрят на эту забаву взрослые женщины из-за заборов, угрюмые мужчины с инструментом на плечах… Смотрели устало, порой неодобрительно, как на что-то неизбежное, докучливое, но вполне правильное и естественное.

— …Что, Станко?

Илияш смотрел внимательно, Станко даже померещилось в его глазах беспокойство.

— Ничего, — ответил он, переводя дыхание.

— Нет, скажи, что ты сейчас вспоминал?

— Вспоминал, — буркнул Станко раздраженно, — как петух курицу топтал…

Стало тихо. Илияш, похоже, раздумывал, не обидеться ли, но вздохнул и решил не обижаться.

— Вообще-то, — сообщил он задумчиво, — на самом-то деле ты не байстрюк, а бастард.

Станко напрягся, ожидая подвоха:

— Чего-чего?!

— Бастард, — все так же задумчиво пояснил Илияш, — бастард, что означает — незаконнорожденный сын знатной особы.

Станко сидел нахохлившись, пытаясь сообразить, польстил ему браконьер или обидно обозвал.

Илияш прервал его мысли:

— Так, значит, они лупили тебя, а ты… отбивался?

— Не сразу, — отозвался Станко нехотя. — Потом… да,

отбивался.

…Один только взрослый человек заступился за него — бродячий торговец, ненароком забредший в село. Увидев, как толпа мальчишек гонит затравленного малыша, он так закричал и замахал своей палкой, что обидчики струхнули и отстали, запустив, правда, и в торговца парой гнилых яблок.

Тот подошел к плачущему Станко:

— За что они тебя, малыш?

— У меня нет отца, — ответил Станко, всхлипывая. И тут же предложил, загоревшись надеждой: — Дядя, может быть, вы будете моим отцом? А?

Торговец снял руку с его плеча и ушел, часто оборачиваясь.

В тот день Станко не пошел в школу. Он пошел на край села, где в на отшибе жил старый отставной солдат.

В деревне ходила о нем дурная слава, и самый сильный мужчина не решался повздорить в трактире с этим сухим жилистым стариком. Всю свою жизнь он воевал наемником в чужих далеких странах — воевал за золото, проливая кровь за чьи-то троны и чьи-то земли, а теперь вот коротал старость — зажиточно и одиноко. К нему-то, преодолевая страх, и направился маленький Станко.

Старик был дома — мастерил что-то во дворе. Злющий пес на цепи свирепо оскалил зубы.

— Чего тебе, мальчик? — неприветливо спросил солдат.

Станко остановился в воротах:

— Господин, научите меня драться так, чтобы все меня боялись, как вас! За это я буду делать любую работу.

Солдат смотрел на него долго и удивленно. Потом встал и подошел; Станко очень хотелось убежать, но он не двинулся с места.

— Ты, — медленно начал старик, оглядывая мальчика с ног до головы, ты сын той женщины… Ты байстрюк?

Станко вздрогнул от этого слова — и кивнул.

— Хорошо, — как-то отрешенно продолжал солдат. — Я посмотрю, чего ты стоишь.

…Над головами путников пронеслась пара летучих мышей. Потом еще одна — вдогонку.

— Такой маленький сарай, — усмехнулся Станко, — и на длинных веревках качаются мешки с камнями… Десяток мешков. И надо пробраться… Пройти между ними, а они так больно бьют… А надо увернуться, ускользнуть, выгадать минуту… Сначала я был весь в синяках. Ну весь синий, как дохлая

лягушка… Этот солдат, Чаба его звали, все ждал, когда я запрошу пощады.

— Чаба? — переспросил Илияш.

— Да… Он меня и учил. Палку вертел, заставлял уворачиваться… У меня долго не выходило, он разозлился и гвоздей набил на концах… Я так этих гвоздей испугался, что завертелся, как ящерица… — Станко бледно усмехнулся.

— Гвоздей?

— А как же иначе? Он сразу сказал: будет больно. Не помучишься — не научишься. Я ему еще воду носил, дрова колол, полы драил… Он меня порол. Мать меня пороть не смела — а он бил, потому что, понимаешь… Он меня всему научил. Всему. Эти парни в конце концов разбегались, как только я в конце улицы появлялся. Все, а те, кто был старше и здоровее — попросту быстрее удирали. Вот так.

Станко замолчал. Илияш смотрел на него, теребя бороду.

— Но они все равно меня ненавидели, — вздохнул наконец Станко. — Боялись… и не любили.

— И Чаба тоже? — бросил Илияш.

— Чаба? Нет… Он… Другое. Он меня опекал. Можно сказать, воспитывал.

— Он… заменил тебе отца? — наивно спросил браконьер.

Станко выпучил на него глаза:

— Отца?! Да ты что! Мой отец… — он осекся, пробормотал чуть слышно: — …князь Лиго, и я его убью.

Стайка нетопырей пролетела в обратном направлении.

— Н-да, — Илияш погладил свою пострадавшую руку, — парень ты решительный, за что берешься — до конца доводишь… А вот интересно мне, ты в детстве еще чему-нибудь учился, кроме драки?

В словах браконьера Станко опять померещился скрытый подвох. Он подозрительно покосился на Илияша:

— Ну, Чаба меня ремеслу учил… Немножко. А что?

Илияш вздохнул:

— Ничего. Читать-то ты умеешь?

Станко вспомнил ненавистную школу, презрительного учителя с длинной линейкой и скалящих зубы однокашников.

— Выучили… — процедил в ответ.

— Хорошо… А книжку видел когда-нибудь?

Станко разозлился. Браконьер предусмотрительно отодвинулся, придерживая раненую руку:

— Ну, ладно… Пошутил я, забудем.

Помолчали. Костер погас.

— Меч-то у тебя откуда? — спросил Илияш в темноте.

Станко любовно коснулся ножен:

— Солдат подарил… Когда мне пятнадцать исполнилось. Это его меч, хоро-оший, заморской закалки… Только он не разрешал мне его носить, ты, говорит, простолюдин, оружие тебе не положено, за это, говорит, и в тюрьму можно… А я не простолюдин, мой отец — князь… Не байстрюк я, а…

— Бастард, — вполголоса закончил Илияш.

Утром они снова двинулись в путь; Илияш морщился, задевая больную руку. В другое время Станко терзался бы угрызениями совести — но сейчас ему было не до того. Воспоминания детства здорово его растревожили, и теперь он шагал вперед мерно, твердо, ни на секунду не забывая о предстоящей миссии.

Днем они снова видели всадников, на этот раз издали, Станко почти не испугался, да и браконьер не поддался панике — только проворчал, проводив стражников взглядом, что, мол, надо быть осторожнее, а то беспечность может и на дыбу привести.

После опасной встречи дорога стала труднее. На вопрос Станко, далеко ли до замка, проводник отвечал туманно: по прямой, мол, быстрее, но, скорее всего, придется петлять.

И скоро Станко понял, что такое «петлять»: тропинка исчезла, дорогу то и дело загораживал кустарник, ветки которого переплетались, будто поклявшись до скончания века не пропустить ни одного живого существа; из земли выпирали древние, замшелые камни, в очертаниях которых Станко мерещились злобные, искаженные лица.

Илияш, к чести его, всегда находил удобную тропу. Иногда он оставлял Станко позади, велев ему «с места не сходить», и ускальзывал вперед разведывать путь.

В очередной раз они расстались в глухой чаще — стволы и стволы, зеленые глыбы кустов, под ногами мелкая трава и мелкие же камни, неба не видно из-за путаницы ветвей. Илияш ушел вперед, повторив сурово: «Чтоб с места не сходил!», а Станко, повинуясь его указанию, остался стоять столбом.

Время шло, а проводник не возвращался. День был пасмурный, под сводами леса висел серый полумрак, и в этом полумраке Станко разглядел рядом, совсем в двух шагах, пышный куст малины.

Ягоды, кое-где переспелые, гнули ветви до самой земли. Станко внезапно понял, что умрет, если не попробует хоть одну.

Впрочем, почему одну? Достаточно протянуть руку, и красная, сладкая горсть ссыплется в ладонь, а потом можно будет слизать густой малиновый сок… Станко вспомнил тот единственный хилый куст малины, который рос у его двора и который соседи обносили быстрее, чем он успевал съесть хотя бы

три зеленых ягодки.

Радостно улыбаясь, уже чувствуя во рту малиновый вкус, Станко шагнул по направлению к кусту и протянул ладонь.

Будто жирная тугая змея вдруг оплела его ноги. Станко вскрикнул, а петля вокруг щиколоток рывком стянулась, дернула, и он потерял равновесие. Земля рванулась, Станко шлепнулся на живот, вцепился в траву, будто она могла удержать его. Еще рывок, и земля оказалась на месте неба.

Станко висел вниз головой, раскачиваясь, как большой тяжелый маятник. В глазах у него понемногу темнело от прилива крови. В поле его зрения попеременно попадали то куст малины, то изъеденный временем древесный ствол, то гора покрытых мхом угрюмых камней. И все время маячила темная, высокая куча, в которой Станко внезапно узнал очень большой муравейник.

Перед глазами его запрыгал скелет, подвешенный за ноги над такой же муравьиной кучей. «Ловушка срабатывает сама собой»… Деловитое копошение в пустых глазницах…

Меч был при Станко, ножны висели теперь за спиной; изловчившись, сильным уверенным движением он потянулся к оружию. «У меня меч… я смогу освободиться, и тебя, Илияш, освобожу, не бойся»…

Лучше было бы, чтобы Илияш не видел его в этом положении. Хорошо, что хоть руки свободны…

В этот момент сверху, с дерева, свалилась будто бы сетка — множество спутанных веревочных петель. Одна петля захлестнулась у Станко под мышками, но множество других нашли более удачное место — одни стянули плечи, другие — локти, третьи охватили ноги выше и ниже колен. Станко, не веря себе, задергался — петли тут же стянулись так туго, что Станко почувствовал под веревками биение крови.

Меч был теперь бесполезен. Станко раскачивался все медленнее, и, проходя самую нижнюю точку, он почти окунался головой в муравейник.

Он забился, как кролик в сетке. Петли стягивались все туже, и у Станко перехватило дыхание.

Так вот почему тот несчастный не смог освободиться!

Перед глазами его качался древесный ствол. По стволу ровной веревочкой взбирались муравьи — Станко знал, куда они ползут. Ему чудилось, что он слышит их глухой, зловещий топот.

— Муравьи, — сказал он с жалкой, растерянной улыбкой. — Мурашечки… Малюточки…

На вершине муравейника тем временем тоже царило оживление — сотни маленьких тварей собрались на самой

верхушке, чтобы поскорее полакомиться Станко. Ему мерещилось, что в серой массе он различает красные огоньки жадных глаз — но это, конечно, была лишь фантазия.

Все медленнее, медленнее… Судорожные движения не спасают, только больнее рукам и ногам, стянутым петлями…

Может быть, ему удастся вывалиться из собственных сапог?! Но сапоги сидели крепко, и веревки, стягивающие щиколотки, были, похоже, вымазаны чем-то… Не то скользким, не то липким…

И только тогда Станко позвал на помощь. С трудом набирая воздух в перетянутую веревками грудь, он закричал что есть силы:

— Илияш! Илияш!

Тихо. Нет ответа.

— Илия-аш!

Маятник остановился. Станко висел почти неподвижно, медленно вращаясь вокруг своей оси.

Самые алчные муравьи уже были у него на волосах. Добрые духи, зачем ему такие длинные волосы?!

Он почувствовал, как маленькие лапки щекочут его лоб, щеки… И немилосердный укус. Еще. Еще.

— Илия-аш!!

Тем временем взбиравшиеся по стволу муравьи уже спустились по веревке, миновали сапоги и принялись искать прорехи в поношенных Станковых штанах.

Глаза! Только бы не трогали глаза!

Он извивался, как сумасшедший, тряс головой и вопил не переставая:

— А-а-а! Илия-аш!! Помоги-и!

Кто-то из насекомых забрался уже и в сапоги. Станко заплакал.

Слезы его стекали не на щеки, как обычно, а на брови, на лоб; он снова закричал и в отчаянии подумал, что будет, если его крик услышат стражники.

Мысль о дозорниках заставила его на минуту умолкнуть. Бесполезный меч колотился о спину; муравьиное пиршество продолжалось.

— Илияш, — сказал Станко шепотом, — пожалуйста. Пожалуйста, Илияш!

Кто-то рассмеялся в двух шагах от него. Стражники, подумал Станко, но в этот момент ему даже хотелось на дыбу.

— Ну, парень, — донесся насмешливый голос браконьера. — Влип-таки… А кому я говорил — не сходить с места?

Почему он смеется, подумал Станко. Муравьи жрали его со

все возрастающей жадностью.

— Кому я говорил, а? — бодро продолжал Илияш.

— Освободи… — простонал Станко, не узнавая собственного голоса.

Сильная рука дернула его в сторону. Станко снова качнулся, потом качнулся сильнее, потом веревка, держащая его за ноги, оборвалась. Станко упал лицом в траву.

Лежа на животе, он ощущал, как браконьер режет стягивающие его путы; вот отпустило плечи, грудь, живот… Вот легче стало ногам… Руки не слушались — Станко их попросту не чувствовал. Подвывая от боли и облегчения, принялся сметать муравьев, катаясь лицом по траве.

Илияш, стоя над ним, строго выговаривал:

— Если я сказал — на месте, то это, будь уверен, «на месте» и значит! Надо было тебя полчасика тут подержать, хорошая была бы наука… Помнишь того парня, что мы видели?

— Скотина ты, — шептал Станко, вытирая вместе с муравьями и слезы, — скотина… Хороша наука… Я посмотрел бы на тебя, свинья ты…

Он всхлипнул и перевернулся на спину. С трудом сел. Сказал прямо в смеющиеся глаза:

— Свинья! Ты где был?! Я звал тебя, звал…

— Сам свинья, — отозвался Илияш в тон. — Я, что ли, не предупреждал тебя? Сам виноват, не скули теперь!

— Это я скулю? — Станко зашелся от гнева. Веки его быстро опухали, не давая глазам раскрыться. — Я еще и скулю?!

— Знаешь, — протянул Илияш с насмешливой рассудительностью, поговорка есть: — мишка любит мед, а пчелки виноваты!

Станко сердито отвернулся.

Этой ночью им не пришлось спать.

Пригас костер, Илияш прикорнул рядом. Станко, которого весь день колотил озноб от муравьиного яда, потихоньку бредил с открытыми глазами. Ему мерещилась Вила в подвенечном платье и с красной косынкой на голове; в этот момент Илияш, всегда чуявший опасность за версту, дернулся и сел, беспокойно уставившись на Станко соловыми глазами. Обоим стало вдруг ясно, что рядом, в темноте, находится кто-то третий.

Ни шороха, ни звука, ни привычного крика ночной птицы; Станко, мгновенно покрывшись испариной, нащупал в темноте обнаженный меч. Илияш сжимал в одной руке кинжал, в другой — тлеющую ветку из костра.

Тот, третий, смотрел на них из глубокой, как колодец, тьмы. Станко казалось, что он слышит мерное, сухое дыхание. Потом —

тресь! — сломанная веточка щелкнула со звуком разгрызенной кости.

— А… — начал было Станко, но Илияш так глянул на него, что тот прикусил в пересохшем рту и без того непослушный язык.

Прошла минута, потом еще невесть сколько времени, ветка в руке Илияша перестала тлеть, пальцы Станко, сжимающего тяжелую рукоять, онемели — а третий, ночной гость из темноты, все не уходил.

Он двигался по кругу — они поняли это по неспешному треску веток, чуть слышным вздохам, по дуновению ветра. Размеры гостя установить было трудно — если он и был массивен, то двигался с удивительной легкостью.

Станко старался держаться лицом к неведомой твари, по крайней мере лицом к тому месту, где она должна была быть. Илияш сидел неподвижно, наклонив голову, подчинив все чувства слуху.

— Омм! — в темноте, похоже, зевнули, и в нос Станко ударил густой запах гнилого мяса. Потом он увидел прямо перед собой два круглых красных ободка — и еле сдержал крик.

Красные ободки расширились и сузились опять. В центре каждого из них посверкивала белая искорка.

В следующую секунду ночной гость удалился. Слушая стихающее потрескивание веток, путники обнаружили, что сидят, мертвой хваткой вцепившись друг в друга.

…Утром они осмотрели следы — будто кто-то через равные промежутки вдавливал в землю огромные бочки. На дне одного из них окоченела расплющенная мышь.

— Это, — пояснил неприятным голосом Илияш, — это из беззаконных земель забрело… Там полно всяких… Расплодили колдуны проклятые… — Илияш вытер лицо и посмотрел на Станко длинным странным взглядом: — Да, парень… далеко мы зашли… — и усмехнулся.

— Далеко зашли? Замок близко? — быстро спросил Станко.

— Беззаконные земли близко, — протянул браконьер. — А замок… Дня три… Четыре… Если все будет «бархатом»… А еще лучше…

— Что?

— Ничего, — носком ботинка браконьер сбрасывал на дно бочкообразного следа жирную глину.

Станко окинул взглядом место ночевки, и ему снова стало не по себе.

— А… беззаконные земли… — и не стал продолжать.

— Здесь, — нехотя кивнул проводник, — рядом уже… Но мы туда не пойде-ем! — он усмехнулся и погрозил Станко пальцем.

— Давай-ка… поскорее, а? — предложил тот, взваливая на плечи исхудавший мешок.

Илияш отрешенно кивнул.

Идти было тяжелее, чем обычно. Еще одна бессонная ночь давала о себе знать.

Лес поредел. Ноги увязали в противно мягком, податливом, зыбком слое прошлогодних листьев. То и дело приходилось обходить выпирающие из земли высокие камни.

Илияш по привычке что-то напевал — уже не так весело, как в начале пути, но Станко сумел-таки разобрать песенку про милую деву, про длинную ночку, про то, что у кого-то там захромал конь и луна теперь в ущербе; потом песенки-прибаутки стихли, и, протискиваясь в очередную щель между стволами и камнем, Станко услышал вдруг, как Илияш вполголоса произносит странные, звучные слова.

Это были, кажется, стихи — но стихи на непонятном языке, чеканные, зловещие, одновременно ласкающие и терзающие слух; Станко не мог уловить ни одного знакомого слова, но в железном ритме строк ему слышались звуки битвы, звон мечей и военные клятвы.

Дождавшись, пока стволы и камни чуть расступятся, позволяя двоим идти рядом, Станко догнал проводника. Тот, покосившись на него, осекся и замолчал.

— Что это? — спросил Станко удивленно.

— Где? — буркнул Илияш.

— То, что ты говорил только что… Это стихи?

— Это, — Илияш досадливо поморщился, — это так… ничего.

Станко обиделся — ему показалось, что браконьер скрытничает и не желает с ним разговаривать. Фыркнув, он отстал.

Илияш шел теперь молча, а Станко, глядя ему в спину, крепко задумался.

Он думал о том, что, в сущности, об Илияше знает совсем немного и все — с его слов. Что он в страже служил — это похоже, боец отменный, а вот почему сбежал? А главное — кем раньше-то был, ведь не родился же он стражником, а?

Морща лоб, Станко вспоминал все мелкие Илияшевы повадки — как ест, как умывается, как палку держит… Охотник умелый, и шкурку сдерет, и ощипает, и зажарит, и… А вот только не из простых он, Илияш. Не из простолюдинов.

Станко и сам не знал, почему именно сейчас в этом уверился. Может быть, смутная тайна, связанная с его проводником, давала о себе знать и раньше, но именно сейчас, вспоминая чеканные слова непонятных строк, Станко понял вдруг, что браконьер — не

совсем тот, за кого Станко принимал его раньше.

Может быть, шпион?

Ему очень не хотелось так думать — после всего, что было. А было множество ловушек, и в каждую из них Станко не надо было даже толкать сам угодил бы, не окажись рядом проводника…

Все это верно, но кто такой Илияш? Откуда он знает громкое слово бастард? «Незаконный сын знатной особы»… И что за счеты у него с князем Лиго? Как зло он сказал тогда у костра: убей его…

— Осторожно, — бросил идущий впереди Илияш, перелезая через поваленный ствол.

Станко тряхнул мешок, поудобнее устраивая его между лопатками, и продолжал свои молчаливые рассужденья.

Опять-таки, если Илияш не из простых, почему он стражников боится, как школьник розги? Может быть, князь специально за ним охотится? Может быть…

Ноги Станко соскользнули, он потерял опору и сорвался куда-то вниз. Не очень глубоко. По сапогам застучали комья глины. Где-то наверху ахнул Илияш.

Станко, скорее раздосадованный, чем испуганный, стоял на дне широкой ямы; влажная стенка ее осыпалась в том месте, где ее потревожили сапоги, локти и колени неловкого путешественника. И еще — стена была вся испещрена дырами, как ломоть хорошего сыра.

— Стой на месте, — Станко показалось, что голос Илияша странно изменился.

Станко опустил взгляд.

Из круглой дырочки, темной норки в сырой стене показалась плоская треугольная голова. Полоснул воздух тонкий раздвоенный язык; голова поднялась, закачалась, как на пружине, и матово блеснула бронзово-черная чешуя.

Станко отшатнулся. Змея смотрела ему в глаза — прямо, неотрывно, а из множества нор уже радостно выглядывали ее товарки.

Станко задрожал и отступил. Под ногами подминалась жирная земля, и, мельком взглянув вниз, он вскрикнул и замер — прямо у его сапог покачивались треугольные головы.

Он боялся змей. Он с детства очень боялся змей, с тех самых пор, как во время сенокоса умер от укуса гадюки мальчишка — один из его обидчиков. Мальчишка носился в горах сена, шумный, обалдевший от счастья — чтобы через минуту забиться на земле, крича от ужаса, и умереть в корчах, и оставить на руках обомлевшей матери только синий, раздувшийся маленький труп…

Станко огляделся. Кое-где яма поросла травой, и у противоположной сырой стены валялась на боку корзинка — птичье гнездо. Внутри него полно было битой скорлупы, а рядом грязной грудой перьев лежала сама хозяйка дохлая пичуга.

— Стой на месте! — отрывисто повторил Илияш. Голос его донесся до Станко глухо, как сквозь вату.

Змеи продолжали лезть изо всех дыр. Оцепеневшему Станко показалось, что сырые стенки ямы на глазах обрастают черным, шевелящимся ворсом. Тусклые глазки безучастно смотрели парню в лицо, раздвоенные языки подрагивали, будто дразнясь.

Он скорее почувствовал, нежели услышал шорох чешуи, скользящей по голенищу. Нервы его не выдержали. Завизжав, как девчонка, Станко изо всех сил затопал ногами, пытаясь сбить, отшвырнуть, вдавить треугольные головы в мякоть земли.

— Не двигаться! Не двигаться!! — надрывался Илияш, но Станко уже не мог остановиться. Он лупил и давил, и несколько тварей, лишившись в пылу боя голов, теперь корчились на дне ямы, как толстые блестящие шнурки. Со стенок, утыканных норами, теперь сползал на дно сплошной шипящий поток. Птичье гнездо и мертвый комок перьев скрылись под грудой извивающихся тел.

— Станко!

Сразу несколько пар челюстей бессильно соскользнули, пытаясь прокусить голенище. Он успел сбросить тварь, взбирающуюся по сапогу вверх; змеи уже не ползали, не извивались — они просто кишели.

Станко метался, в мыслях своих уже сто раз укушенный и тысячу раз мертвый. Прямо перед лицом у него вдруг оказалась стенка со змеиной головой, выглядывающей из укрытия; в ту же секунду — ему показалось, что он бредит — голову эту накрыла плотная темная ткань.

— Сюда! Скорей!

К нему тянулась чья-то рука… Судорожным движением сбросив с ноги цепкие змеиные объятья, Станко качнулся вперед, позволяя этой руке схватить себя за шиворот.

Одеяло, наброшенное на стенку, уже злобно шевелилось; Станко увидел, как треугольная голова мелькнула у самого лица Илияша, и в ответ ей мелькнул кинжал… У него красивые руки, отрешенно подумал Станко. Он не сбивал кулаки о колоду…

Рывок. Станко проехался животом по стенке ямы, чувствуя под тканью змеиные тела… Еще рывок — он был уже на поверхности, на траве, и, вскочив как сумасшедший, принялся колотить себя по коленям, по бокам, сбивая и стряхивая воображаемых змей.

Илияш привел его в чувство, ухватив за волосы и рывком повернув лицом к яме. Над кромкой ее покачивались треугольные головы.

Потом они отступали — вернее, бежали без дороги и направления, ветки били по лицу, и Станко видел только мятую траву, да желтую глину, да ботинки Илияша… Мокрые, как мыши, задыхающиеся, остановились не на полянке даже — на узком пространстве между тремя соснами.

Тут Илияш повернулся к Станко лицом. По щекам, по бровям, по бороде его крупными каплями стекал пот. Двумя широкими шагами подойдя к парню, Илияш наотмашь ударил его по лицу.

Станко сел в траву — да так и остался сидеть.

Ночью ему стало плохо.

Изо всех сил обхватив колени, он лежал на сырой земле и всхлипывал. Он слаб. Ему не выдержать этого пути. С него хватит. Он пробовал, он сделал все, что мог…

Он раскачивался, пытаясь унять дрожь, но кругом была только ночь, только смерть, только ужас. Подобное чувство он испытал лишь однажды когда трехлетним малышом потерялся на ярмарке.

Вокруг стояли гам и хохот, множество незнакомых, шумных, грубых или слащаво-добродушных людей… Перед ним был целый лес чужих ног, обутых в сапоги и деревянные башмаки, поднимающих пыль, топающих по своим делам… Он чуть не попал под телегу, и возница посмотрел в его сторону мутным, ничего не выражающим взглядом — одним мальчиком больше, одним меньше… Не путайся под ногами! Кто-то раздавил в пыли помидор, и тот вывалил на дорогу кроваво-красные внутренности… Станко был потерян, забыт навсегда, обречен, одинок, и только отчаянный рев, в который он вложил всю душу и весь свой страх — этот рев принес облегчение, и этот рев издалека услышала в базарной многоголосице его перепуганная мать…

Станко всхлипнул. Чья-то рука осторожно легла ему на плечо:

— Парень… Ты спишь?

Илияш уселся рядом, рука его, которую Станко не сбросил, скользнула на его мокрый от пота затылок:

— Послушай, я тут раздумывал… Надо нам вернуться, парень. Очень тяжко… Барахтаемся, как мышка в смоле… А дальше — хуже. Не дойти до замка… Умереть здесь поганой смертью, да за что? Нам и так… подарили жизнь… По всем делам в яме этой нам и… Остаться… Со змеями… Чудом ведь выбрались!

Илияш прерывисто вздохнул. Убрал руку. Добавил тихо,

твердо, как взрослый, уговаривающий малыша:

— Пойдем домой.

Станко молчал. Где-то перекрикивались совы. Небо казалось темной ямой — ямой, где прячутся змеи.

— Мне… очень надо, — тонким дрожащим голосом выговорил Станко. — Мама… Просила… Я должен, — и он снова всхлипнул, будто сам объявил себе приговор.

— Но разве, — отозвался Илияш, — разве твоя мать хотела… Чтобы ты умер?

— Я не умру, — прошептал Станко, изо всех сил сжимая веки, чтобы слезы не пролились наружу. — Я… дойду… — Он сцепил зубы, слезы были унизительны. Тогда он наконец-то разозлился на себя, и эта злость была благотворна.

— Я дойду! — сказал он твердо. — И ты дойдешь! И не раскисай!

Илияш сидел рядом, но в темноте не разглядеть было его лица.

3

Они стояли над обрывом.

Внизу неспешно текла речушка; прямо за ней тянулись леса — старые темные леса с редкими проплешинами полян и буреломов.

— Беззаконные земли, — устало сказал Илияш. — Мы пойдем в обход.

— Долго еще? — спросил Станко, но в голосе его не было обычного нетерпения: та же усталость.

— Как дорога ляжет, — отозвался Илияш и осторожно подошел к крутому склону.

Станко спускался следом, сапоги его тут же наполнились песком и отяжелели, как гири. То и дело случалось терять опору и ехать вниз на животе; перед глазами взад-вперед шныряли потревоженные уховертки.

— А что… почему эти земли зовут беззаконными? — спросил он, волоча ноги по вязкому речному берегу.

Илияш шагал рядом, и обычно легкая его походка теперь отяжелела, заплечный мешок свесился на бок:

— Воевали здесь…

Земля под их подошвами глухо, недовольно чавкала.

— Везде воевали, — заметил Станко, воротя лицо от дохлой рыбины, чей бледный живот покачивался в тихой заводи.

Илияш, наверное, оскалился — но Станко видел только его спину.

— Воевали, да… Только тут из года в год, изо дня в день… Веками. Дрались за замок, будь он неладен, да за княжий венец… — он перевел дыхание.

— Ты же говорил, — Станко приятна была собственная осведомленность, что его может коснуться только прямой потомок…

Илияш кивнул, не дал ему закончить:

— Прямые потомки и дрались… Брат с братом, сестра с сестрой… Отцы с сыновьями, и такое бывало… Внуки с дедами… Если те доживали до внуков…

Он вдруг остановился и обернулся — в бороде песок, в волосах песок, глаза по обыкновению сужены в щелочки:

— Ты, думаю, тоже послан не случайно. Признавайся, за венцом идешь?

Станко стоял, удивленный, немного смущенный странной шуткой проводника. В том, что это шутка, он ни на секунду не усомнился.

И браконьер, мгновенно оценивший его растерянность, немедленно зашелся радостным хохотом, будто шутка в самом деле удалась.

Некоторое время они шли молча.

— А колдуны? — наконец спросил Станко.

— Что — колдуны?

— Ты говорил, что ловушки и все прочее… колдуны расплодили?

Илияш поддал ногой ссохшийся ком глины:

— Да, колдуны… Но главное, парень, не это. Главное, — он зачем-то посмотрел на небо, — главное, злоба там… Загустела. Столько злобы за столько веков… Беззакония там творились. Кровь лили — свою, чужую, виновную, невинную… Колдуны просто собирали сгустки ненависти, как змеелов собирает яд. И на этих сгустках ставили ловушки… Ловушки порождали страдание, новую ненависть… И теперь там, парень… Я даже не знаю, что там теперь.

Станко передернул плечами. Вспомнилась та тварь, что не дала им спать, блуждая ночью вокруг костра.

А Илияш, поправив заплечный мешок, проговорил вдруг со странной усмешкой:

И на стене горел огонь,
И крепкие вцепились крючья
В твердыни камень…
И с боевым ужасным кличем
На стену кинулись враги,
Но на стене огонь горел,
И одолеть им не судилось,
Но цепки когти колдовства…

Он нахмурился, будто припоминая, потер переносицу и начал снова:

…Но меч ушел по рукоятку
В его младенческую шею,
Потоком хлынула оттуда…

Илияш поперхнулся и замолчал.

— Это что? — спросил Станко, снова передернувшись.

Тот пожал плечами:

— Какие-то обрывки каких-то легенд… Я в свое время их много слышал. Но забыл, Станко. Одинаковые они — «он воткнул

меч туда-то и туда-то и оттуда полилось то-то и то-то»…

Станко пожалел, что вообще затеял этот разговор.

Через несколько часов путь им преградил обвал.

Тихая речка бурлила и пенилась, наткнувшись на неожиданную преграду. Желтая стена обрыва слоилась, как пирог, которым Станко угостили однажды на детском празднике. На глазах растерянных путников завал все рос и рос, а речка растекалась, превращаясь в неспокойное озеро.

— Ты плавать умеешь? — спросил Илияш сквозь зубы.

Но откуда же, добрые духи, Станко уметь плавать? Самая глубокая река в его родных местах была корове по вымя…

Илияш двинулся в воду. Вода, впрочем, только того и ждала — озеро ширилось, прижимая Станко к осыпающейся желтой стене.

— Живо в воду! — зло выкрикнул проводник. Кинжал и заплечный мешок он держал над головой; нечистая пена подступила уже к его груди.

Здоровенный ком глины свалился сверху, ударив Станко по затылку и чуть не сбив с ног. Следующий, окажись он поболее, вполне мог воздвигнуть над его головой похоронный курган.

Сцепив зубы, вскинув дрожащей рукой мешок и ножны с оружием, Станко шагнул в мутный водоворот.

Дно было склизкое и вязкое. Вода, неожиданно холодная, подступала все выше. Илияш достиг уже середины разлившейся реки, над поверхностью виднелись только его голова да заплечный мешок.

Может быть, речку удастся перейти по дну?

Воспрянув от этой мысли, Станко отважно поспешил вперед. Множество беспорядочных течений толкали его в бока, грозя сбить с ног. Вот вода добралась до груди, вот коснулась шеи…

Станко в ужасе понял, что твердая земля уходит из-под ног. Илияш уже выбирался на берег, вода стекала с него потоками…

Только не звать на помощь!

Вскинутая над головой рука судорожно опустилась, ища опоры… Мешок мгновенно вымок и стал тяжелым, как камень на шее утопленника. Меч… Добрые духи, меч!

Он хотел отступить — но вода не позволила, толкнула вперед, и Станко повис между небом и землей, чтобы тут же камнем пойти на дно.

Ноги его коснулись твердого. Он оттолкнулся изо всех сил, и голова его взвилась над поверхностью; хватая воздух ртом, как жаба, он мельком увидел стволы на том берегу, мокрого Илияша, пену…

Ему вспомнилась дохлая рыбина в заводи. Только не

выпустить меч!

Он снова ушел в воду с головой, и снова выпрыгнул, задыхаясь. Илияш, кажется, смотрел на него; высокая волна плеснула Станко в рот, он закашлялся, забарахтался — и тут же понял, что стоит, твердо стоит на дне, и голова его при этом находится над водой.

Илияш смотрел в другую сторону. Станко перевел дух.

Медленно, наваливаясь на массу воды, потом все быстрее, потом вовсе бодро Станко выбрался на берег. Заплечный мешок его являл жалкое зрелище, вода лилась из него в три ручья. Мокрый меч тускло блеснул, показавшись из мокрых ножен.

— Все в порядке? — небрежно поинтересовался Илияш.

— А как же, — в тон ему отозвался Станко, выплескивая воду из сапога.

Происшествие с обвалом оказалось лишь первым звеном в цепи других неприятных, порой пугающих.

Продолжать путь вдоль реки они не смогли — дорогу преградил бурелом. Огромные сосны, поверженные на землю, громоздились одна на другой как гигантская, поросшая мхом поленница; верхушки их, будто вражеские копья, направлены были путникам наперерез.

После нескольких попыток преодолеть завал Илияш повел Станко в обход. Проводник мрачнел все больше, и Станко впервые увидел у него в руках карту.

Карта эта оказалась свитком тонко выделанной кожи; Станко, не вытерпев, заглянул браконьеру через плечо. Среди блеклых линий беспорядочно разбросаны были странные и зловещие символы, но гораздо больше было грязных пятен и дыр. Станко удивился — неужели этот потертый лоскуток в самом деле настолько ценен?

— Опасно идем, — бормотал Илияш, терзая карту ногтем и все мрачнее сдвигая брови. — Ну да ладно… Мир мудро устроен — волки без шипов, а розы без зубов… Взялся, Илияш, — он усмехнулся, видимо, сам себе, — взялся, так давай уж… Поглядим.

И решительно свернул влево.

А неожиданности продолжались — откуда ни возьмись, навстречу путникам вылез овраг, неглубокий, но расползающийся на глазах; прямо под ногами идущих обнаружился вдруг оползень, и Илияш, стиснув зубы, свернул еще левее.

— И чего я с тобой связался?! — раздраженно рыкнул проводник, когда спустя полчаса пути обнаружил вдруг, что сбился с дороги.

— Поляна тут… — бормотал Илияш, с ненавистью

поглядывая на небольшую опрятную полянку с весело журчащим ручьем. — Поляна, р-раздери ее… А не должно было быть поляны, и родника не должно было быть!

Станко обрадовался отдыху и свежей воде.

Он долго умывался, вытряхивая песок из волос и бровей, фыркал, пил прямо из горсти… Потом наполнил флягу, ощущая на губах вкус воды, вкус травы.

Садилось солнце. Последние красные лучи скользнули по верхушкам сосен. Прилаживая пробку, Станко рассеянно глянул на ручеек.

Журча по камушкам, обмывая травы, у ног его струился поток густой темно-красной жидкости. Не веря глазам, Станко глубоко вдохнул, набирая воздух для удивленного восклицания; в нос ему ударил сильный, тошнотворный запах крови — как на бойне.

Фляга выскользнула у него из пальцев и шлепнулась в траву, разбрызгивая кровь.

Руки его были в крови, и корка чужой крови застыла на лице — он чувствовал, как стянуло кожу.

Пошатнувшись, как слепой, Станко опустился на четвереньки, и его вывернуло наизнанку.

Солнце село.

— Все уже, — сказал Илияш, и голос его доносился до Станко будто из далекого далека. — Все, это наваждение, уже прошло…

Станко открыл глаза и увидел собственные руки, в каждой — по пучку выдранной с корнем травы.

— Это наваждение… — Илияш стоял рядом, бледный, угрюмый. — Тут бывает… На этом месте, наверное, — он с отвращением оглядел полянку, крови пролито совсем уж сверх меры… Из земли выступает.

Хоть как ни устали путники, как не манила зеленая полянка оставаться здесь на ночлег они не стали.

Над лесом висела, не давая ни капли света, бледная круглая луна; мутные лоскутья облаков затягивали ее до половины. «Полуголая луна», — почему-то подумал Станко. Отогнал навязчивое воспоминание о Виле. А вслух сказал:

— Мы в беззаконных землях, да?

Илияш запустил пальцы в бороду, пробормотал чуть виновато:

— Не удалось обойти, понимаешь ли… Не везет.

В который раз с начала путешествия они сидели, сгорбившись, у догорающего костра.

— А князь… Не колдун часом? — ни с того ни с сего спросил Станко.

Илияш вздрогнул. Спросил настороженно:

— А с чего ты взял?

Станко недобро усмехнулся:

— Да не везет, говоришь… А мне сдается, сама земля нас толкает, куда хочется ей. Прямо крысе в глотку…

— Ну-у, — протянул Илияш как-то неопределенно, — князь-то уж точно тут не при чем…

— Откуда ты знаешь? — тут же взвился Станко.

Его собеседник пожал плечами, уклоняясь от разговора, и парень снова подумал, что Илияшу известно про князя куда больше, нежели полагается знать простому браконьеру… Он не удержался от вопроса:

— А правда… Слышал я, что князь умеет чужой облик принимать… Оборачиваться… В женщину превращается, в ребенка, ходит среди людей да высматривает…

— Чего высматривает-то? — Илияш, кажется, удивился.

— Ну, мало ли…

Браконьер фыркнул:

— А волком не перекидывается, не слыхал?

Смеется, с обидой подумал Станко. Опять смеется.

— Не обижайся, — вздохнул Илияш. — Но то, что умеет и чего не умеет князь Лиго, ты у князя спроси, ладно?

Помолчали. Костер догорал; пора было устраиваться на ночлег.

— А твоя мать, наверное, красавицей была? — проронил Илияш, вороша красные пульсирующие угольки.

После памятного случая в трактире Станко впервые услышал от него упоминание о своей матери.

Обрывки облаков лениво тянулись по диску луны.

— Да, — отозвался он глухо, — была красавицей.

— Черноволосая, как ты?

— Нет, — буркнул Станко сквозь зубы, — у нее были светлые волосы…

— Значит, ты по масти в отца пошел?

Станко отвернулся и свирепо сплюнул.

— Ну хорошо, — тут же примирительно отозвался Илияш, — хорошо… Наверное, к матери… сватались? Когда ты был маленький, а?

Станко крепко-крепко обнял колени. Ткнулся в них подбородком. Когда-то он умел сидеть так часами — в сарае, или на печке в темном углу…

— Ты не понимаешь, — сказал он тихо. — Не понимаешь. Она…

Ему вдруг захотелось плакать. Луна выползла из-за туч; Станко вспомнилась колыбельная, там говорилось про зайца,

который увезет мальчика прямо на луну…

— Она родила ребенка в девичестве, — прошептал Станко, обращаясь к луне. — Это было… Хуже смерти. Ее с животом посадили на цепь у колодца… Чтобы все плевали, кто мимо идет. Такой обычай… И плевали! Она поначалу желала ребенку, то есть мне, смерти… Но я не умер.

Он перевел дыхание.

— Разве она не любила тебя? — спросил Илияш, и тоже шепотом.

Станко усмехнулся через силу:

— Еще как любила! Как станет обнимать… Конфеты, сладости, лучший кусочек… А жили-то бедно… Сама худая, как щепка, того и гляди, ветром унесет… Я, пока маленький был, не понимал ничего, жрал все это… Потом только соображать начал, отказываться стал, назад отдавать…

Он замолчал на полуслове. Вспышки горячей нежности сменялись у матери приступами раздражения, и, жалея ее, он то и дело обливался слезами, забившись под кровать.

— Бедно, говоришь, жили? — Илияш все ворошил угольев, глаза его были опущены.

— Да… Она, знаешь, ужасно гордая была. Ни от кого помощи не принимала…

— Так предлагали, значит, помощь?

Станко скривил губы:

— Был один купец… Уже на моей памяти… Часто ходил, и все с подарками… То смолка с благовониями, то светильник особенный, то мне игрушку…

Он снова задумался. Перед ним, совершенно осязаемая, появилась вдруг маленькая повозка на колесах — как настоящая, со шкатулку величиной, с двумя оглоблями, с высокими бортами, на одном из которых нарисована сова, а на другом — цветок… И запах, запах лака, свежей краски! И как он принял игрушку в дрожащие руки, и повернулись маленькие крепкие колеса, будто просясь в дорогу… И он уже забыл обо всем на свете, готовый ехать в дальние края, когда руки матери выдернули невиданное чудо из его инстинктивно сжавшихся пальцев, и голос ее сказал ровно, безжалостно:

— Спасибо, господин Анс. У малыша уже есть игрушки.

И купец ушел, удрученный, с повозкой под мышкой! И как глупо, как странно выглядывали маленькие колеса из-под руки этого большого, грузного, богатого человека! А у Станко действительно были игрушки — крашенная говяжья кость и пустая катушка из-под ниток…

— …Отказала мать купцу? — спросил Илияш.

Станко опустил голову:

— Да не одному ему… Мельник тоже ходил, и даже один актер из балагана…

— Вот как, — протянул Илияш с непонятным выражением.

— Гордая она была, — сказал Станко со вздохом.

…У соседки был фарфоровый синий петушок, однажды она, увидев на улице хмурого Станко, зазвала мальчика в дом… У петушка снималась головка, вовнутрь можно было залить воду, а потом наклонить его, как чайничек… И тогда из золотого клюва струйкой бежала вода.

Очарованный Станко снова и снова проделывал эту операцию, когда на пороге встала разъяренная мать. Слова, которыми она обозвала соседку, были страшными и непонятными. Он испугался и заплакал, и мать, вырвав у него из рук петушка, сгоряча отвесила сыну подзатыльник:

— В твоих жилах дворянская кровь, да как ты смеешь побираться!.. А ты, — это обомлевшей соседке, — только посмей еще раз затащить его к себе!

С тех пор Станко и соседка избегали друг друга.

— …Значит, — снова вторгся в его мысли браконьер, — она хранила верность князю?

— Может быть, — сказал Станко сквозь зубы. — Она не хотела… Не хотела забывать свою ненависть. Она его ненавидела.

— Всегда?

— Всегда. Все годы.

…Дрожит огонек свечки, какая-то ткань колышется, темно… Голос матери издалека: «Люли, люли, баю, бай… Поскорее засыпай… Серый пес, белый кот… Заяц скоро увезет… На луну нас увезет…» Всхлипывания. Пауза, он приоткрывает глаза, песня длится: «Из-за гор, из-за болот… Твой отец… к тебе придет… Из-за гор, из-за болот… К нам, сынок, отец придет»…

— …А с каких лет ты себя помнишь, Станко?

«Серый пес, белый кот»…

— С пятнадцати лет! — он вскинул голову и глянул на браконьера в упор, насмешливо. Не лезь, мол, куда не следует.

…Однажды мать услышала во дворе цокот копыт… Вздрогнула, будто ждала кого-то… Выскочила, в чем была… Он

остался один в своей кроватке и так испугался, что промочил и рубашку, и простынку, и тюфячок… Оказалось, кто-то ошибся двором…

— …Что ты мрачный такой?

Станко смотрел на луну, а луна клонилась к горизонту. Добрые духи, как он одинок. Матери нет уже полгода. Даже больше…

— Станко, — Илияш подался вперед, — а князь-то знает, что у него есть сын?

Станко вперил в него удивленный взгляд. Подумал, шевеля губами. Потом признался, будто через силу:

— Не… не думаю.

Откуда князю знать. Откуда ему знать-то?!

— Она была гордая, — пробормотал чуть слышно.

Илияш шумно вздохнул.

— Интересно, — пробормотал Станко, будто про себя, — а у князя есть… еще дети?

Илияш дунул в угли — ответом ему была красная вспышка.

— Не знаю… Может быть, где-то… Рядом с ним никогда не было никаких детей.

Луна спряталась.

— Может быть, ты единственный, — закончил Илияш чуть слышно.

Несколько минут было тихо. Потом прошелестел выдвигаемый из ножен меч:

— Прекрасно! — сказал Станко, и в полутьме Илияш не видел его кровожадной усмешки. — Если я единственный сын этого подонка, если только я смогу положить конец его смрадному существованию… Тем лучше! Я иду, и пусть Лиго плачет!

Легко, как пружина, Станко вскочил и нырнул в темноту. Вскоре оттуда послышался свист рассекаемого мечом воздуха.

— Влезли мы, парень, в довольно гадкие места, — пробормотал Илияш, с ненавистью разглядывая свою карту.

Путники стояли под черным, сожженным молнией дубом — обугленным, неподвижным, как изваяние. С утра было холодно и сыро; Илияш за полдня успел трижды сбиться с дороги.

— Что ж ты, — процедил Станко сквозь зубы. — А хвалился, проводник…

Тот пожал плечами:

— От похвальбы язык не отвалится… А места эти знаю плохо, потому что никогда такой дорогой в замок не ходил. Ты думаешь,

у князя сыновей пруд пруди, и каждый день к замку шастают?

Станко фыркнул, хотел ответить — и замер с открытым ртом.

Совсем недалеко, да вон, пожалуй, за теми кустами, кто-то тонко вскрикнул. Вскрикнул коротко, будто от боли — «Ай!» Станко схватил Илияша за локоть, и тут же до путников донесся пронзительный, отчаянный крик:

— А-а-а! Помогите!

Кричал ребенок. Мальчик или девочка не более десяти лет от роду. Голос срывался, захлебывался, звал опять:

— На помощь! На помощь!

Добрые духи!

Илияш перехватил Станко на бегу, ловко подставил ногу, повалил в траву:

— Куда?! Ловушка, дурак!

— Сам дурак! Там человек! — орал Станко, отталкивая проводника руками и ногами. — Ты слышишь?! Там ребенок!

— Какой ребенок?! — Илияш схватил его за шиворот, сдавил шею, как тисками, ткнул лицом в землю. — Ты ребенок, ты! Ты глупый ребенок, оста…

— Помоги…

Станко слышал такой крик раньше. Пронзительный, захлебывающийся, полный ужаса крик. Ему было лет четырнадцать, летом, в ужасную жару, взбесилась деревенская собака. Дочке школьного учителя было лет семь, бешеному псу и девочке суждено было встретиться на пустынной улице. На шум выбежали люди; девочка заходилась криком, но помочь ей было уже нельзя. Собаку зарубил топором бывший наемник Чаба, учитель чуть повредился в уме, и осенью школа не открылась, как обычно, каникулы, на радость детворе, тянулись до самой зимы…

— Помоги-ите!!

Вывернувшись, как змея, из рук удерживающего его Илияша, Станко выхватил меч и поспешил на помощь. Он летел, едва касаясь земли, меч бледно полыхал на горе всем злодеям мира, и в широкой мускулистой груди желание спасать переплелось с восторгом от собственной смелости.

Браконьер, кажется, бежал следом. Один раз его пальцы ухватили Станко за ворот — и соскользнули, не удержав. Кусты раздались, не вынеся напора; в стороны полетели обломанные ветки и сорванные листья. Размахивая мечом, Станко вылетел на песчаный склон, и на языке его готовы были слова грозный оклик, вызов, властный приказ.

Но приказывать было некому; перед ним лежала круглая воронкообразная выемка, крутые песчаные склоны ее были пусты, и напрасно Станко вертел головой, высматривая окровавленного

ребенка и мучивших его мерзавцев.

Удивленный, но нисколько не утративший боевого запала, Станко поднял меч.

Сухо зашелестел песок. Дунул ветер и ощутимо толкнул Станко в спину. Через кусты проламывался Илияш:

— Назад! Наза…

Ветер обернулся ураганом. Земля под ногами Станко пришла в движение, песчаный склон стал зыбким, как вода, и пластами стал стекать вниз, вниз, к центру воронки, на дно ее…

У Станко расширились зрачки. На дне воронки обнаружилась круглая черная дыра, она была центром урагана, к ней тянулись, истязаемые ветром, ветви кустов и окрестных деревьев, и к ней же с неумолимой силой влекло Станко, защитника детей.

— Помоги!.. — тонко донеслось прямо из дыры, крик превратился в издевательское бульканье, и Станко, не веря своим глазам, разглядел обрамляющие дыру черные губы — тонкие, морщинистые, будто песьи.

Он забарахтался — совсем как букашка, угодившая в гости к муравьиному льву. Как букашка, он был слаб и беспомощен; как букашка, он что было силы стремился вверх — и сползал вниз, влекомый, всасываемый, втягиваемый. Добрые духи, к чему тут меч?!

— «Зажора»! Это «зажора»! — надрывался где-то наверху забытый Илияш.

Пасть, кажется, ухмыльнулась. В утробу ее ветром вносило сорванные листья, комариные стаи, зазевавшихся пташек… Станко был желанным угощением, изысканным блюдом на этом скудном столе, ему казалось, что он видит на растянувшихся черных губах мутные капли алчной слюны.

Он упал на четвереньки (меч ужасно мешал) и принялся вырываться с удесятеренной силой. Рядом с ним боролся за жизнь невесть как угодивший в ловушку суслик. Усилия обоих были совершенно безнадежны.

Пасть удовлетворенно заухала. Оглянувшись через плечо (глаза слезились от набившегося в них песка) Станко увидел черные губы совсем рядом.

И только тогда он все понял и испугался.

Испуг лишил его силы; пасть чмокала, пуская слюну, и готова была ухватить Станко за ногу.

— Сгинь!

Выкрик, резкий, свирепый, хлестанул откуда-то сверху. Сразу вслед за выкриком прямо в черную губу ударил камень.

Губа треснула. Из трещины показалась черная густая жидкость. За первым камнем подоспел второй.

— Сгинь! Сгинь!

Дикий вой вырвался из недр земли. «Зажора», которая уже столетия не встречала сопротивления, возмущалась.

По лицу Станко проехался тугой конец веревки:

— Ну! Ну-у! — кричал где-то Илияш.

Ветер изменил направление. Пасть уже не втягивала воздух — выдыхала, и в ноздри Станко ударила волна смрада.

— Ну!!

Он вцепился в веревку. Песок на мгновение перестал оседать, и, чуть не падая с ног от мощных рывков Илияша, Станко одним махом преодолел половину расстояния от пасти до края воронки.

Пасть снова взревела — на этот раз теряя драгоценную добычу. Песок хлынул вниз — и Станко сразу потерял большую часть своего успеха.

Он не видел Илияша, только чувствовал, как дрожит от напряжения веревка. Рывок… Еще…

В это время суслик, товарищ Станко по несчастью, проиграл свою битву.

Столь мелкая добыча все же на прошла для «зажоры» незамеченной — она сглотнула. Песок снова приостановился; веревка зазвенела, как струна, и край воронки снова стал приближаться.

Ближе… Ближе… Вот протянутая рука Илияша… Вот Станко вцепился в эту руку…

«Зажора» покончила с сусликом. Станко показалось, что руку его сейчас вывернет из плеча — такой силы рывок дернул его назад.

Илияш что-то кричал — свирепое, злое, слов не разобрать… Его тоже тянуло в воронку, но Станко видел рукоять кинжала, вогнанного в землю, рукоять, удерживающую Илияша на самом краю…

Пасть исходила ревом. В реве этом обезумевшему Станко тоже чудились слова — нечленораздельные, ведь черные губы не созданы для бесед… Борода Илияша встала дыбом.

— А-а-а!

Неуклюже, как лягушка на рыболовном крючке, Станко вылетел из воронки — так могла бы чувствовать себя жареная курица, покидая тарелку, где ее чуть не сожрали.

— Ты добрый, выходит? — сладко спросил Илияш.

Они брели по дну длинного сырого оврага, над головами надсадно визжали стаи комаров и прочей кровососущей мелочи. Станко едва перебирал ногами; ныли суставы, саднили ладони, а скула, к которой от души приложился браконьер, вообще

потеряла чувствительность.

— Ты добрый? — в который раз поинтересовался Илияш, оглядываясь через плечо.

— Отстань, — процедил Станко сквозь зубы.

Браконьер пожал плечами, отвернулся и двинулся вперед, не переставая, впрочем, рассуждать как бы сам с собой:

— Ясное дело… Мышка чует сало, спешит, радуется… А что пружинка по темечку хлопнет, из мышки дух вон — так это злые люди мышеловок наставили… А этот благороден, его салом не корми — дай защитить и спасти… То, что папу убивать идет — ничего, пустяки… Вот схватила бы «зажора» князя Лиго — была бы потеха…

Он снова обернулся — глаза-щелочки, сочувственная усмешка в жесткой бороде:

— Ты спас бы князя Лиго, парень? Угоди князь в ловушку?

— Отстань, — рука Станко сама собой потянулась к рукояти меча. Илияш прищурился так, что глаз вовсе не стало видно; Станко осознал собственную глупость и нехотя опустил руку.

Выбравшись из оврага, они сгрызли по сухарю каждый, запили водой из баклажек и двинулись дальше.

Станко смотрел себе под ноги, и растравленное Илияшем воображение рисовало одну и ту же картину — вот князь Лиго угодил в «зажору», а Станко стоит над ним и наблюдает…

«Зажора» виделась ясно, до мельчайших подробностей, до капель слюны на черных губах, а вот облика князя Станко никак не мог себе представить подворачивался профиль на серебряной монетке. Устав от усилий, Станко мысленно махнул рукой, и князь в его воображении представлялся теперь со спины.

Итак, князь Лиго угодил в ловушку, пасть алчно щерится, Станко стоит наверху и смотрит… Нет, не смотрит. Разве «зажора» умеет ненавидеть? Разве у чудовища в земле есть мать? Разве это ее навеки обездолил этот мерзавец? В мыслях своих Станко бросает князю веревку, чтобы вытащить его и тут же убить; князь отчаянно цепляется за тугой конец, оборачивается к Станко лицом…

— Смотри-ка, — глухо сказал Илияш. Видения Станко оборвались.

Перед путниками в земле зияла воронка — точно такая же, круглая, с крутыми песчаными склонами. Станко отпрыгнул раньше, нежели успел что-либо сообразить.

— Дохлая, — сказал Илияш все так же глухо.

На дне воронки навеки застыли сведенные судорогой губы. Они были уже не черные — грязно-сизые, высохшие, мертвые.

— Можешь спуститься и посмотреть, — предложил Илияш.

Станко молча помотал головой.

Илияш поднял с земли камень, примерялся, метнул — камень поднял на дне воронки пыль, стукнул по губе, свалился вниз, в дыру. Ни шороха, ни движения.

— Издохла, — подытожил Илияш уже уверенно. — Недавно. Интересно, от чего?

Станко повернулся и зашагал прочь. Ему совсем не было интересно.

Дождь так и не собрался, но все в лесу пропиталось сыростью, обвисло, отяжелело. Под вечер из всех ложбин клочьями пополз белый туман.

— Они пожирали целые армии, — сказал Илияш. — Этих «пастей» вокруг замка было видимо-невидимо.

— Колдуны, — прошептал Станко.

Илияш кивнул.

Туман поднимался все выше, становился все гуще.

— Нехороший туман, — Станко поежился. — Липкий какой-то… Он нас не сожрет?

Это была шутка, но Илияш не засмеялся.

— Столько сил, — пробормотал Станко горестно. — Столько усилий, столько… этой… магии… На такую дрянь…

— Дрянь, — коротко согласился Илияш. — Но многие готовы были целовать эти пасти прямо в их мерзкие губы.

— Что?! — Станко передернулся.

— Да… Ведь если у тебя есть враг, верный, старый, ненавидимый враг… Как у твоей матери князь Лиго… И пасть сожрала его… Это ли не радость?

— Какая мерзость, — сказал Станко от всей души.

Илияш усмехнулся:

— Власть… Ради власти, Станко, да еще вот ради мести… Да мало ли… Бывало так — свершил месть и заполучил власть одним ударом… Ты вот что станешь делать… с княжеским венцом? С тем самым? Предположим, убьешь князя… Предположим, коснешься венца и не окочуришься… Дальше что?

Станко потряс ладонью у лица, будто пытаясь разогнать туман. Провозгласил гордо:

— Я — свободный человек. Не месть и не власть. У меня долг, понимаешь? Свободному человеку венца не надо… Убью Лиго, а цацку его кину в болото.

Илияш присвистнул.

Спустя час, когда туман стал совсем уж непроглядным и близок был вечер, оба услышали под ногами чавканье и почувствовали, как трудно отрывать подошвы от липкой, вязкой земли.

— Вовремя ты болото помянул, — процедил Илияш и попытался вернуться назад. Они шли и шли, а земля не становилась тверже.

— Прекрасно, — Илияш был раздражен, — ни вперед, ни назад, ни стоять, ни идти… Карты не разглядеть, своего носа не увидать, веселенькая будет ночка…

Станко подавленно молчал. Он очень устал и продрог до костей.

Некоторое время они брели молча; Станко, боясь потеряться в тумане, ухватился за лямку Илияшевого мешка. Так и шли, как слепые.

Не было ни дня, ни ночи, ни севера, ни юга — только муть, да сгущающаяся тьма, да чавкающие ботинки Илияша. Станко опустил голову и закрыл глаза — все равно смотреть было не на что.

…В базарный день по толпе пробежала вдруг весть: князь Лиго на базаре! Сам князь!

Станко издалека услышал топот копыт. Ветер развевал черные плащи стражников, щелкали бичи, очищая дорогу. В толпе возникла давка; прижимая к груди корзинку с покупками, Станко, как безумный, рванулся князю навстречу.

У него сразу же оказалось множество соперников — а как же! И я хочу посмотреть, куда прешься, балда? А ну, назад, пацан! Всем охота!.. Ты посмотри, какой нахальный, лезет и лезет!

Его пихали в бока и били по затылку, он потерял в толчее корзинку, а кавалькада стремительно продвигалась сквозь толпу, кто-то кричал «Ура!», кто-то бранился… Станко что было сил работал локтями и коленями, подныривал, уворачивался, однажды даже закричал в отчаянии: «Пустите! Там мой отец!»

Кавалькада промчалась, оставив на спинах самых ретивых полосы от ударов бича. Станко вырвался на дорогу, когда она была уже снова запружена народом; всадники умчались, базар шел своим чередом, а он стоял, помятый, потрепанный, затерянный в толпе, и смотрел вслед…

Илияш остановился, радостно схватил Станко за рукав:

— Смотри-ка, нашел!

— Что? — он все еще переживал горечь того далекого дня.

— Переправа! Гать! Не думал, что она сохранилась… Но на карте есть — отчего же и на земле не быть, а? Теперь потихоньку пойдем гатью, а там до замка три дня пути… Три дня по прямой!

Станко опустил глаза, но ничего не увидел. Илияш уже шел вперед; Станко нащупал ногой твердый настил — бревна,

уложенные бок о бок, какие-то трухлявые ветки… Это была гать, но гать очень пожилая, вернее сказать, дряхлая.

Тем не менее Станко приободрился. Догнал Илияша, и тот, озабоченно пробуя палкой настил, пробормотал сквозь зубы:

— Только… Осторожно тут. Под ноги смотри, ни шага в сторону! Ни полшага…

Через минуту в темноте вспыхнул огонь — Станко так и не понял, как удалось Илияшу среди такой сырости поджечь мокрую ветку…

Они шли до полночи, и туман рассеялся, и очистилось небо. Взошла луна, и тогда Станко увидел ломаную линию гати, неподвижные деревья вокруг, и картина эта показалась ему жуткой и неправдоподобной.

Болото вздыхало и ухало; из-под корней то и дело вырывались вереницы пузырьков, которые лопались с тихим вкрадчивым бульканьем. Между стволами бродили стайки бледных огоньков; задумай сказочник рассказать сказку пострашнее, он обязательно начал бы ее с описания огромного, залитого луной болота.

Станко догнал Илияша и крепко уцепился за его плечо.

— Скоро рассвет, — пробормотал тот, не оборачиваясь.

Покачивались бревна под их осторожными шагами. Подошвы то и дело соскальзывали, и тогда путники судорожно хватались друг за друга.

— Комаров здесь нет, — бормотал Илияш, — надо же, нет комаров!..

Он хотел что-то добавить, но в эту секунду горестный стон донесся откуда-то из топей и протянулся над болотом.

Станко замер, оцепенев. Илияш, чье плечо сжимали его пальцы, тихонько вскрикнул от боли.

Стон повторился — тоскливый, душераздирающий.

— Ничего, — прошептал Илияш, но голос его дрогнул. — Это ничего, главное — с гати не сходить… Что бы там ни было, Станко, помни: только не бежать!

Станко кивнул, не в силах выдавить ни звука.

Так стояли они, замерев, ухватившись друг за друга; в белом лунном свете можно было разглядеть каждый волосок в густой бороде Илияша. Вокруг зависла неправдоподобная, мертвая тишина.

И вот тишину нарушили мерные, повторяющиеся звуки. Размеренно чавкала трясина — кто-то шел, шел прямо по топям, и к звуку его шагов вскоре прибавилось такое же мерное, жалобное бормотание.

— Стоять, — прошипел Илияш.

Шаги приближались; среди корявых стволов брела, направляясь прямо к путникам, приземистая фигура.

Мелко трясясь, Станко разглядел дорогой камзол, расшитый золотом и каменьями; кое-где к драгоценностям пристала тина и болотная ряска. Голову пришельца, гордо вскинутую, покрывала высокая, богато изукрашенная шляпа. Лицо — Станко быстро отвел глаза — было мертвым, землисто-серым, с глубокой рубленной раной от виска до подбородка.

Чав… чав… чав… — постанывала трясина под каблуками высоких ботфортов. Станко хотелось бежать, бежать что есть мочи.

— Ми-илостивые господа-а… — прогнусил призрак тонко и жалостливо. — Ми-илости… ми-илости…

— Не смотри на него, — выдохнул Илияш в самое ухо Станко. — Стой на месте.

— Премногие скорби и не утолимы… Премногие беды в моем чертоге… Почтите, господа… Почтите честью… — призрак перестал стонать, теперь он, казалось, приглашал — рука его поднялась в широком приветственном жесте, и Станко разглядел на его боку черную дыру от удара мечом и пустые ножны на перевязи.

— Добрые господа… Не почтите за труд… Ясные перлы, чистое злато… — из рукава призрака выпали и утонули в трясине несколько драгоценных камней и слиток золота. — Премногие скорби в моем чертоге… Войдите… Войдите… Почтите честью…

И призрак стал раскланиваться.

Он раскланивался долго, старательно, с некой неуклюжей грацией, с приседаниями и прыжками, от которых глухо чавкало болото. Он прижимал руку к сердцу — или к тому месту, где должно быть сердце. Наконец, он обеими руками взялся за поля своей роскошной шляпы и в глубоком поклоне стянул ее с плеч вместе с головой.

Станко потерял над собой власть. Не видя и не соображая ничего, влекомый одним-единственным желанием — бежать, он рванулся прочь.

— Стоя-ать!

Призрак продолжал раскланиваться, пока на гати кипела борьба. Илияш стал втрое, вчетверо сильнее; он сдавил Станко горло, у того помутилось в глазах, он ослабел — и был плашмя брошен на гать, лицом в тину, и, ухитрившись повернуть голову, видел, как призрак, не переставая кланяться и приседать, подходит ближе, ближе, вплотную, как его страшное лицо сливается с бледным лицом упавшего на колени Илияша, как потом отделяется — с другой стороны, и, пройдя сквозь путников,

как нож сквозь пену, удаляется, бормоча непонятные жалобы, невнятные просьбы…

Илияш, оказывается, вовсе не стоял на коленях. Он стоял, по колени уйдя в трясину, и продолжал медленно, медленно погружаться.

— Илияш… — прошептал Станко.

— Тяни, — отозвался тот сквозь зубы.

Утром они вышли на твердую землю, и Станко сразу же лег, окунувшись лицом в небольшое озерцо. Ему вдруг стало все равно, жив князь или умер, взойдет солнце или не взойдет никогда — лишь бы никто не мешал, лишь бы лежать и лежать так вечно, изредка хватая ртом воздух…

Илияш тяжело опустился рядом.

— Ну, все, дружок, — в голосе его не было обычных насмешливых ноток, это был голос смертельно усталого человека. — Ты многое видел… Ты многое понял… Теперь подумай. «Жадные пасти» людей жрали-пожрали… Люди сами друг друга резали, как свиней на бойне, в крови купались… Этот, что на болоте, тоже проклят за что-то, нет ему покоя, и не будет, верно… А теперь еще ты убивать идешь.

Илияш выжидательно замолчал. Станко поднял голову; по щекам стекали грязные потеки воды.

— Это как же понимать? — поинтересовался он медленно. — По-твоему, зарезать невинного человека, ребенка или женщину, и убить князя Лиго — это одно и то же?!

Илияш вздохнул:

— Видишь ли… Тот, кто убивает, всегда убежден, что поступок его оправдан и свят.

Станко вытер лицо и поднялся. Илияш остался сидеть и смотрел на него снизу вверх.

— Вот как ты заговорил, — процедил Станко, пытаясь стряхнуть и боль, и слабость, и безразличное оцепенение. — Вот как… Да если не убить убийцу, он же обязательно снова кого-то убьет!

— Да, — отозвался Илияш устало.

— А если война… Если на тебя — с мечом, то ты что же… с колокольчиком?!

— Да, — снова повторил Илияш. — Но причем здесь ты и при чем здесь князь? Он тебе лично ничего не сделал, он тебя не трогал, он вообще о тебе… ничего и не знает…

— Сдался ты, — горько сказал Станко. — Сдался… У тебя ведь тоже к князю счет, я знаю! Я вижу, как ты вздрагиваешь, когда я его поминаю… Тайна твоя, молчишь — и молчи… Но ты же сам хотел, чтобы я добрался до замка! Золото — золотом, но

ты же хотел! А теперь… Не благородство какое-то фальшивое, а трусость в тебе говорит…

— Очень интересно, — проронил Илияш со вздохом, — кто из нас струсил сегодня ночью?

Станко осекся. Пробормотал зло:

— Я трушу, но я же делаю… Я же иду! Я же…

На него вдруг навалилось нестерпимое, неудержимое желание вернуться. Он увидел трактир; он увидел улыбающихся людей на улицах, Вилу, детишек на куче песка, огонь в печурке, пиво на столе, свежий хлеб… Добрые духи, только вы знаете, как в этот проклятый момент Станко хотелось вернуться!

— Я иду! — сказал он непривычным, слишком тонким и ломким голосом. — Я иду, и пусть он… дрожит… Я убью… Он…

Илияш печально покачал головой, и Станко взорвался:

— Он мерзавец! Ничтожная мразь! Жеребец поганый! Грязный похотливый козел! Кобель, кобель! Трус! Женщину обидеть… Это он мастак! А вот пусть встретится с мужчиной, блудливый вонючий кобель!

Он кричал, брызжа слюной, и Илияш отвернулся, и черный поток ругательств тек над его головой, над озером, над стенами камыша… Потом Станко выдохся, и в наступившей тишине Илияш проронил:

— Через шестнадцать с половиной лет некая женщина по имени Вила скажет то же самое своему сыну… Твоему сыну, Станко. И отправит его убивать отца… Тебя, Станко, если ты до той поры не сгниешь у князя в темнице.

Станко лишился дара речи. По поверхности озерца пронеслась стая водомерок.

Илияш поднял голову, и ни тени смеха не было в его широко раскрытых глазах.

— Вила, — сказал Станко, но не услышал своего голоса, — Вила, повторил он громче, — Вила — моя жена! — наконец выкрикнул он, вкладывая в свои слова всю ярость, на которую был способен. — Я женюсь на ней, ясно?! Она любит меня, а я люблю ее!

— А если ты забудешь ее, а если ты встретишь другую… — начал было Илияш, но Станко перебил его, взревев:

— Она меня любит, любит, любит! А ты…

Он хотел придумать оскорбление пообиднее. На секунду стало тихо, и Илияш сказал с кривой усмешкой:

— Цена ее любви — две серебряных монетки. Две моих кровных, честно заработанных монетки.

Молчание длилось долго. Дунул ветер со стороны болота, принес опротивевший запах тины. Илияш наклонился над

озерцом и неспешно, аккуратно принялся умываться.

— Ты… — прошептал Станко ему в затылок, — ты что такое сказал, а?

Илияш поднял голову, вытирая лицо:

— Я заплатил ей. Я купил ее для тебя. Я это сделал потому, что…

Самый свирепый бык не мог бы сравниться норовом с разъяренным Станко.

Илияш отбивался. Уворачиваясь из-под мощных, не особенно точных ударов, он выкрикивал Станко в лицо:

— Дурак! Дурак! Да я это сделал для тебя! Мне это надо?! Ради тебя, дурень! Да погоди ты!..

Станко сопел и напирал. На него накатило; он снова не видел ни неба, ни травы, он только напирал и наступал, и браконьер шлепнулся-таки в озеро, и Станко кинулся на него сверху — но холодная вода отрезвила его.

— Дурак, — бормотал мокрый Илияш, отползая и отряхиваясь, мальчишка… На смерть ведь идешь, почти верную смерть, неплохо было бы стать мужчиной… Мужчиной, сопляк! Чтобы хоть понять, что же это такое…

Станко с трудом поднялся, подобрал с травы меч и заплечный мешок, не оборачиваясь, пошел прочь — назад, к болоту, к гати.

— Куда? — безнадежно кричал ему вслед Илияш. — Погоди!

Идти по склизким бревнам при свете дня было легче и удобнее. Он шагал, стиснув зубы, и твердо знал, что браконьер зачем-то соврал.

— Вот и хорошо, — рассуждал Илияш, а он, как на зло, спешил следом. — Вот и ладно… Любит она тебя, конечно же, любит! Ох и напьюсь на вашей свадьбе… Ох и напьюсь, Станко! За тебя, за нее, за ваше счастье… Я ведь хочу, чтобы ты был счастлив, Станко. Честно, хочу. Ты мне чужой человек — а только привязался я к тебе… Чем убивать людей — лучше людей рожать, это старая истина, и доказывать не надо…

Станко до боли закусил губу. Каждый шаг удалял его от цели, а ведь пройдено так много, осталось так мало… Неужели это правда? Неужели он, Станко, возвращается, оставив князю жизнь?

Он замедлил шаг, и Илияш, заметив это, засуетился:

— Нет, если ты захочешь князя зарезать — это пожалуйста… Потом. Дом заведете, хозяйство… Нечего Виле в трактире прислуживать, пусть детей растит… А когда дети подрастут — тогда пожалуйста, Станко, за меч, и вперед — по князеву душу… Верно?

Станко шагнул еще и остановился. Илияш занервничал:

— Ну, в чем дело? Снова на гати ночевать? Пошли, пошли,

через недельку дома будем, на перине, у огонька…

Станко стиснул свой меч и обернулся:

— Хватит.

И двинулся прямо на Илияша, тот едва успел уступить дорогу:

— Эй, эй! Ты же хотел с Вилой сначала… Разобраться же надо, а вдруг я правду сказал?!

Не останавливаясь, Станко проговорил, едва разжимая губы:

— Врешь ты. И сейчас врешь. Я женюсь на Виле! Увидишь, женюсь… Дети будут, и все… Только потом. Я князя убью, а потом, ладно уж, напивайся на свадьбе…

Илияш, кажется, поперхнулся.

До замка оставалось три дня пути, и путники двигались прежним порядком — браконьер впереди, за ним Станко. Но в обычный ритм вкралась ошибка — Илияш молчал.

Он замолчал, когда они покинули гать; он не пел, не свистел, не бормотал про себя и не бранился со Станко — просто молчал, безразлично, мертво. Станко, прежде уставший от браконьеровой болтовни, теперь радовался каждому его «да» или «нет».

Так они миновали невысокий каменистый кряж и оказались перед длинной, изломанной трещиной — без края, без дна.

Станко не побоялся глянуть вниз — нет, дно было. По черной щели его бежал ручей — но шум не достигал поверхности земли, только изредка вспыхивали блики на темной воде. Станко швырнул в расщелину камень — тот летел долго, и звука падения тоже не было слышно.

— Глубоко, — сообщил Станко молчащему Илияшу.

Тот кивнул, не отрывая глаз от карты. Потом повернулся и побрел вдоль трещины, внимательно поглядывая по сторонам.

Через полчаса они увидели мост.

Древний, полуразрушенный, он держался на двух опорах и нависал брюхом над самой пропастью. Время разъело раствор неведомых каменщиков, и мост, похоже, понемногу терял камни, как старуха зубы.

Станко внутренне сжался, ступая на мост — но древняя работа оказалась прочнее, чем можно было предположить. Илияш шел впереди, внимательно глядя под ноги, ощупывая, оглаживая подошвами каждый камень, каждую подозрительную щелку.

Благополучно выбравшись на твердую землю, путники огляделись. Перед ними лежала, похоже, старая дорога — когда-то широкая и ухоженная. И справа, и слева ее окружали скалы да колючие кусты.

— Нам туда? — радостно спросил Станко, указывая на

дорогу.

Илияш медленно кивнул.

— Замок близко, да? — сомнений в этом быть не могло, вот же дорога, в старину, наверное, по ней тянулись к замку обозы с продуктами, купеческие повозки, отряды вооруженных людей…

— Не ходи туда, — сказал Илияш. Станко вздрогнул — это была самая длинная его фраза за последний день.

— Почему? — спросил он простодушно. — Это же прямая дорога, тут и карта ни к чему! Три дня, может быть, даже два с половиной…

— Там смерть, — сказал Илияш, и в голосе его была такая спокойная уверенность, что Станко вздрогнул снова.

— Откуда ты знаешь? — спросил он заносчиво, хотя в душе его что-то неприятно сжалось.

— Чую, — отозвался Илияш, глядя на дорогу устало и равнодушно.

— Ерунда, — пробормотал Станко, не очень, впрочем, уверенно.

— Обойдем, — проронил Илияш и решительно свернул влево, проламываясь прямо через колючие кусты.

Они шли и проламывались, и внезапно Станко почувствовал давящую тяжесть. Он тряхнул головой — тяжесть нарастала с каждым шагом, колени дрожали от напряжения, почти пустой мешок тянул к земле, глаза заливал пот… Он едва смог поднять руку, чтобы вытереть лицо, и увидел, как впереди пошатнулся Илияш.

Воздух загустел и пробивался в горло рывками, со свистом, через силу. Добрые духи, подумал Станко, и упал на колени.

Илияш обернулся. Лицо его перекошено было усилием, он что-то хотел сказать — не смог, с трудом махнул рукой — возвращайся, мол…

Станко повернулся и побрел обратно, спотыкаясь, едва не падая — но теперь с каждым шагом тяжесть становилась легче, отваливалась, отпускала.

Он выбрался на дорогу — и все закончилось. Светило солнце, где-то под камнем верещал сверчок.

— Так, — сказал Илияш, опускаясь прямо на серый песок. — Так.

Помолчали.

— Попробуем… С другой стороны, — Илияш потер лицо и поднялся.

И они свернули вправо.

Сначала все шло совсем неплохо, Илияш видимо приободрился, шел все быстрее, спешил — и вдруг будто налетел

на невидимую преграду. Станко видел, как ссутулились его плечи, подогнулись колени, как проводник зашатался… Через секунду давящая тяжесть навалилась и на Станко тоже.

Полумертвые, подавленные, они вернулись на дорогу. Сели рядом, бросив в пыль заплечные мешки.

— Это клещи, — сказал Илияш безучастно. — Эта ловушка называется «клещи». С двух сторон… А потом сжимаются.

Станко панически огляделся. Ничто не предвещало беды — круглые облака на синем небе, сверчок под камнем, безветрие… Но справа и слева от дороги стояли непроходимые стены, и сейчас, быть может, они медленно двинулись навстречу друг другу.

— Вот что, — Илияш поднял голову. — Хватит. Пойдем.

Он встал и поднял свой мешок.

— Куда? — Станко остался сидеть.

— Обратно, — Илияш кивнул в сторону моста. — Дальше хода нет. Пойдем скорее.

— Я пришел сюда, и я пойду дальше, — шепотом отозвался Станко.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

— Это жаль, — сказал Илияш наконец. — Но решать за тебя я не могу. Могу только сказать так искренне, как никогда никому ничего не говорил: если хочешь увидеть отца, идем со мной. Останешься — встретишь его на том свете.

Тишина.

— Нет, — сказал Станко медленно. — Я пойду в замок.

— Дурак, — к Илияшу, казалось, вернулись прежние силы. Он раздраженно забросил мешок за спину, потом сорвал снова и в сердцах швырнул им о землю:

— Дурак! Дурень сопливый… Мне что же, силой тебя волочь?!

Станко удивленно поднял брови: попробуй, мол.

Илияш неразборчиво выругался под нос, резко повернулся и зашагал к мосту. Шагал размашисто, изо всех сил впечатывая, вбивая каблуки в землю, и спина его выражала злое бессильное возмущение.

С каждым его шагом Станко чувствовал себя все более одиноким. Он отвернулся, чтобы не видеть этого ухода; он отвернулся и посмотрел на заброшенную дорогу. Идти будет легко; через три дня, а может, через два с половиной…

Он уговаривал себя, он гладил потной ладонью рукоять меча и воображал, как вернется к Виле — вернется победителем. Потом ему увиделся собственный растерзанный труп во-он под тем камнем.

Он глянул Илияшу вслед — тот всходил на мост. Еще не поздно броситься бегом и догнать.

Он снова посмотрел на дорогу. Да нет там ничего, добрые духи! Старый браконьер окончательно струсил, а он, здоровый парень, поддался и готов был бежать…

Ни звука не донеслось от моста, но Станко вдруг вздрогнул и обернулся.

Илияша не было. Ни на мосту, ни на той стороне пропасти, ни на этой. Он будто провалился сквозь…

…землю, — додумал Станко на бегу.

Он бежал что есть сил, ветер свистел в ушах, разлеталась из-под сапог ссохшаяся глина, и вот уже видно, что мост провалился на самой середке, что камни продолжают беззвучно падать, и что Илияш…

Станко громко, отчаянно всхлипнул — и увидел пальцы, вцепившиеся в камень по эту сторону пролома.

Мост вел теперь никуда, в пропасть, на той стороне каменной щели рухнула и опора — а здесь сохранилась часть кладки, от разлома пиявками ползли черные трещины, и за медленно разлезающиеся, как мертвая плоть, камни цеплялись человеческие руки.

Илияш висел над бездной, и висеть так ему оставалось несколько минут.

— Ой, нет, — сказал Станко шепотом.

Обычное желание броситься и спасти безрассудно толкнуло его вперед, он сделал шаг… и отпрыгнул, потому что камни ходуном заходили под ногами, и зашаталась кладка, и разом приблизилась Илияшева гибель.

— Добрые духи… — прошептал Станко.

Илияш попытался подтянуться — оборвался и полетел вниз камень, вслед за ним сорвалась рука. Станко вскрикнул — но Илияш удержался, и пальцы, окровавленные, снова вцепились в край разлома.

— Что мне делать… Что мне делать?! — Станко заломил руки, как часто заламывала их мать. Это совершенно женское движение вдруг сделало его слабым, ему захотелось, чтобы все поскорее закончилось, лишь бы не стоять бессильно и не смотреть на сползающие руки Илияша…

— Я не могу тебе помочь, — прошептал он, и черные трещины, удовлетворенные, еще быстрее поползли по щелям между камнями.

Станко беспомощно оглянулся — веревка осталась в заплечном мешке Илияша. Ни палки, ни дерева, ни помощи.

Он снова всхлипнул и лег на живот. Теперь он не видел

пальцев Илияша, а только покрытые пылью, слепленные негодным раствором камни да черные трещины между ними.

Тогда он крепко зажмурился и пополз.

Он не открывал глаз, но все тело его в секунду стало зрячим. Тело видело каждый расшатанный камень, каждую мелкую трещинку в толще кладки, влажный мох на брюхе моста, засохшие кляксы птичьего помета на спине его… А внизу, под остатками моста виделась бездна, изголодавшаяся, ощерившаяся скалами, как кривыми зубами…

Он заставил себя открыть глаза. Он лежал теперь у самого разлома.

Кладка дрогнула, еще несколько камней сорвались и бесшумно полетели вниз.

— Я здесь, Илияш! — сдавленно крикнул Станко.

Ни звука в ответ. Станко продвинулся вперед еще на ладонь — и заглянул вниз.

Не следовало этого делать. Ему показалось, что его подталкивают сзади. Бездна тянула, жадная, как упырь.

Обломок моста дрогнул. Еще минута — и он рассыплется, как неумело сложенная поленница.

Станко протянул руки и вцепился Илияшу в запястья. Тот поднял голову — из-под спутанных волос на Станко глянули круглые, будто удивленные, голубые глаза.

— Давай, — сказал Станко одними губами. Теперь он страховал браконьера, и тот мог побороться за свою жизнь.

Илияш снова попробовал подтянуться. Станко сжал его запястья до хруста, в ту же секунду вывалился еще один камень, за ним другой — и обе руки Илияша сорвались почти одновременно, и Станко дернуло в пропасть, и он, не выпуская рук проводника, вцепился в кладку коленями, ступнями, животом…

С превеликим усилием ему удалось удержаться на краю пролома. Положение Илияша не улучшилось ни на волосок.

— Еще, — прохрипел Станко. Ему почему-то вспомнилась торговка леденцами — такие вкусные звезды на палочках, а мать не купила, так он в жизни и не попробовал леденцов…

Илияш медленно, задержав дыхание, двинулся вверх. Вот его голова показалась над проломом… Вот рука, за которую тянул Станко, оперлась о кладку локтем… Станко пятился, отползал, давая Илияшу дорогу… Вот проводник лег грудью на край пролома, он уже выбрался, он уже…

Черная трещина разошлась с торжествующим треском, подобно прогнившему шву, и под браконьером обрушился целый пласт.

Станко удержался. Проводник, чудом уцепившись, снова повис на руках повис, с каждой секундой теряя силы.

Он поднял голову — Станко вздрогнул, увидев его лицо. Серые губы шевельнулись, беззвучно произнося: «Уходи».

— Попробуй еще, — попросил Станко, и тоже почти беззвучно. От напряжения он перестал различать цвета, кровь на лице и руках Илияша казалась ему черной, а где-то на краю сознания маячил проклятый леденец: надо же, за всю жизнь так и не попробовал…

— Уходи, — сказал Илияш. Станко подполз ближе и снова взял его за запястья.

Глаза Илияша странно изменились. Не сводя со Станко взгляда, он разжал пальцы.

Бездна дернула — так рыбак подсекает рыбину. Станко заскрипел зубами, вся тяжесть Илияша оказалась подвешенной на нем, на сведенных судорогой мышцах, на цепляющихся за камни коленях, на тисками сжавшихся пальцах. Станко был ниточкой, на которой еще держалась Илияшева жизнь.

Проводник смотрел Станко в глаза:

— Пускай.

Под животом у Станко гадюкой поползла трещина.

— Ты что… — прохрипел Станко, — делаешь, ты?! Тянись, ты… Я же с тобой сейчас… Вытягивайся, ты!..

Илияш застонал и снова вцепился в разлом. Станко сразу стало легче, и он смог почувствовать, как под ним расползаются камни.

— Дурак, — сказали губы Илияша.

И он снова стал подтягиваться — безнадежно, силы его исчерпались, сейчас камни обрушатся, и ясно было, что проводник ненавидит Станко — за то, что тот сорвется вместе с ним…

…Перед глазами Станко стеной стояла трава. В траве лежала бессильно откинутая рука Илияша — с белым шрамом на пальце.

Он не помнил, как им удалось выбраться. В памяти его зиял провал почти такой же, над которым он провел… полчаса? час? минуту? Невозможно определить…

Пыльные камни, пьяные камни, они качались, как пьяные… Редкий мох в бороздках сочленений, трещины, трещины… Белые пальцы, вцепившиеся…

А он, Станко, жив. Он не валяется где-нибудь на темном дне, изуродованный, мертвый, мертвее камня. Он не висит, насаженный на острый выступ скалы, как на вертел. Он жив и будет жить долго, и все леденцы мира…

Илияш застонал. Станко с трудом поднялся — тело не

слушалось, ноги отнимались.

Браконьер лежал на спине, кровь запеклась на губах и на виске — след удара о камень. Глаза смотрели в небо устало и безнадежно:

— Как ты… говорил… Добрые духи… Добрые духи, о добрые духи, какой ты дурак, Станко… Какой ты дурак, во что ты нас втравил…

На запястьях у него наливались кровоподтеки — как от цепей.

4

Солнце стояло высоко, камни почти не отбрасывали тени, и раздолье было сверчкам и ящерицам.

— Вот и прекрасно, — ровным голосом сообщил Илияш. — Клещи сжимаются, назад дороги нет, а впереди нас ждет та самая крыса, к которой ты так желал забраться в глотку.

Станко жалко улыбнулся. Больше всего на свете ему сейчас хотелось ничком лечь на землю и пролежать так несколько дней.

— Ладно, — проводник с сомнением разглядывал свой кинжал. — Ладно, коли так повернулись события… Я не намерен умирать из-за твоего упрямства.

«Я же спас тебе жизнь», — хотел сказать Станко, но вздохнул и не сказал.

Проводник, прищурившись, огляделся.

— Когда-то, — сказал он, тяжело поднимаясь с камня, на котором сидел, — когда-то клещи умели сжиматься мгновенно… А теперь ловушка обленилась, либо одряхлела, либо попросту забыла, как поступают с неудачниками вроде тебя… да и меня тоже. Но кто знает?

Станко улыбнулся еще жалобнее. Илияш скептически поджал губы:

— Поэтому, дружок, мы пойдем сейчас в гости к крысе. К старой отвратительной крысе с просторной глоткой, где полно места для всяких юных дураков… Но я-то совсем не юный. Я-то не намерен подыхать… и так глупо!

Он ощерился. Глаза его полыхали холодным злым огнем; Станко поразился. В этот момент Илияша и в мыслях нельзя было назвать браконьером: это был воин, мощный, сосредоточенный, и даже старый наемник Чаба, Станков идеал мужественности, казался бы рядом с ним всего лишь забиякой.

— Вперед, — бросил Илияш, и Станко сразу встал — будто получил приказ от облаченного властью.

И они двинулись заброшенной дорогой, обочины которой поросли колючим кустарником, и кустарник становился все гуще, а каменные гряды по сторонам — выше и неприступнее. Они шли рядом, плечо к плечу; Станко держал в опущенной руке обнаженный меч, а Илияш хищно вглядывался вперед, и ноздри его раздувались.

На обочинах кое-где маячили мертвые деревья — грузные, черные, неподвижные, распростершие над головами путников судорожно раскинутые лапы. В изгибах вздутой коры Станко мерещились искаженные мукой лица; ладонь его, сжимающая

меч, давно была мокрой от пота.

А под камнями тем временем трещали кузнечики, грелись на солнце полчища ящериц, хлопали в воздухе чьи-то крылья, замершие столбиками суслики провожали идущих удивленными глазами… Давно, ох как давно здесь не видывали человека.

Дорога повернула — впервые от начала пути. Борода Илияша встала дыбом, но ритм его шагов остался неизменным, и засеменивший было Станко поспешил приноровиться к нему.

За поворотом дорога раздавалась вширь. На правой обочине, властно протянув во все стороны жирные корни, стояло еще одно дерево.

Станко захотелось улыбнуться — до чего потешно! Один столяр в его селе на досуге мастерил поделки из замысловатых веток, небольших пней… Но произведение неизвестного мастера, когда-то хлопотавшего вокруг этого мертвого великана, поражало и искусством, и размерами: огромный профиль старика с крючковатым носом, в зубах — длинная трубка… А на селе у Станко почти никто не курил, только корчмарь и сумасшедшая старуха, жившая около…

Невиданной силы удар бросил Станко на землю.

— Вот оно, — прошипел упавший рядом Илияш.

Радостно чирикнул над головой воробей.

Черное лицо с трубкой в зубах казалось умиротворенным, даже добродушным. Ни ветерка, ни дуновения. Станко удивленно моргнул — и в эту минуту из трубки крючконосого старика вылетело колечко дыма.

Станко разинул рот. Дым был нехорошего грязно-желтого цвета, колечко не расплылось, как это обычно бывает, а, повисев неподвижно, сжалось в плотное облачко.

— «Желтомара», — прошептал Илияш в тоске. — «Желтомара», вот что это такое!

Облако висело неподвижно. Вот со стрекотом пронеслась пара сорок облако лениво выгнулось, зацепив одну из них краем.

Станко не знал, что птица может так кричать. Посыпались перья; вторая сорока заметалась над бесформенным клубком, который, дергаясь, повалился в камни и скрылся из глаз. Крик стих.

— Не… двигайся, — выдохнул Илияш.

Облако помедлило и опустилось к самой земле, где на камне стоял, поджав лапки, глупый суслик.

— Как неудачно, — сказал Илияш.

Облако подползло к суслику и ласково заключило его в объятья.

Суслик умер молча. Когда облако снова поднялось, на камне

лежала только вывернутая наизнанку, окровавленная шкурка.

Илияш, мучительно скривившись, бормотал проклятия в адрес Станко. Облако неспешно поплыло прямо к путникам.

Оно плыло величественно и грациозно; по краям колыхалась желтенькая кисейная дымка, тело же тучи было плотным, матовым, там сплетались и расплетались вязкие на вид рыжие клубы.

— Оно… видит? — прошептал Станко.

По обочине скользнул уж — блеснула гладкая спина. Облако не обратило внимания.

— Оно… змей не жрет?

— Не видать тебе отца, парень…

— Как оно видит?! Как?! — Станко почти кричал, шептаться уже не было смысла.

— Не двигайся… Может быть, оно чует движение… — Илияш удерживал Станко за воротник.

— Да суслик же стоял!! — Станко рванулся, ворот затрещал.

— Это колдовство! — Илияш бессильно засадил кулаком в землю. — Оно нюхом чует… Чует!!

Оба неудержимо пятились назад, а облако, поднявшись выше, плыло все быстрее, и ясно было, что пешеход для него — не соперник в беге, оно и за всадниками поспевало когда-то…

— Тепло, — лихорадочно прошептал Илияш. — Может быть, оно чует тепло. Ты теплый, я теплый…

— Суслик теплый, — простонал Станко, — змея холодная… Змей не тро…

Илияш уже возился с огнивом.

Он умеет поджечь ветку на сыром болоте, бессильно думал Станко. Почему теперь он копается, как больная старуха? Еще минута, и огонь не понадобится… А может быть…

«Желтомара» висела в зените, чуть колыхая телесами, поводя кисейной желтой каемкой.

Пучок сухой травы в руках Илияша задымил.

Облако качнулось и двинулось вниз — опять-таки плавно, неспешно. Вот оно приостановилось на уровне человеческого роста…

Трава вспыхнула радостно, как праздничный костер. Илияш приподнялся на локте, несильно размахнулся — распадаясь, роняя горящие травинки, весь пучок угодил прямо в колючий куст.

Куст задымил. Облако снова качнулось, будто в замешательстве. Выбирает, подумал Станко.

— Ну… — выдавил Илияш.

Куст нехотя занялся, чтобы тут же, войдя во вкус, выкинуть

пламя до самого неба. В лица путникам ударил жар.

Облако дернулось, сжалось, потом набрякло, потом выгнулось дугой… Илияш, за ним Станко, откатились в сторону.

Облако стремительно кинулось в огонь.

Негромкий хлопок. Радостный треск пламени. Отвратительный запах. Все.

И раньше, чем Станко успел перевести дух, Илияш оказался у пылающего куста, сунул руки прямо в огонь, выдернул и вскинул над головой две горящие ветки:

— Вперед!

Отблески огня плясали на его лице, отражались в прищуренных глазах, и Станко подумал, что так полководцы поднимают войско в атаку, и солдаты пойдут за такими полководцами прямехонько крысе в глотку…

Потом они бежали.

Они бежали, и Илияш поджигал все на своем пути. Из трубки черного курильщика вылетали одно за другим новые облака, свивались кольцами, рыскали, искали, но вокруг пылали сухие кусты и жухлая трава, тучами поднимался удушливый дым, и облака сбивались, путались, теряли двух теплых людей из виду. Крючконосый старик пыхтел и пыхтел своей трубкой, и Станко, пробегавшему мимо, померещился злобный блеск в прикрытых деревянных глазах. Впрочем, ему могло в тот час померещиться все, что угодно, он потерял свой заплечный мешок, да и меч уцелел только потому, что вовремя оказался в ножнах.

Они бежали, задыхаясь, не разбирая дороги. Упали на землю тогда только, когда устроенный Илияшем пожар остался далеко-далеко позади.

На ночь остановились в чахлом леске. Костра не разводили, сидели молча, плотно прижавшись друг к другу. Лесок вокруг наполнен был тяжелым дыханием, криками и стонами.

— Беззаконные земли, — бормотал Илияш. — Много о них болтают… Про «желтомары» я еще стражником слышал… Только никто и вообразить не может толком, что это такое…

Станко ежился — вокруг, то разгораясь, то затихая, разворачивалось какое-то давнее призрачное сражение.

— Да… Они все здесь шли, — бормотал Илияш, — пехота с копьями, конница с арбалетами… Здесь их встречали ловушки, засады… Горстка продиралась к замку, лезла на стену, убивала женщин, детей… Брали замок и жили там, пока их обиженные родственники не собирали новое войско… Наемникам платили щедро, княжеские сокровищницы славились богатством… Твой учитель Чаба здесь не нанимался?

Станко нахмурился в темноте:

— При чем здесь…

«Ко мне… Ко мне…» — стонали в лесу, и отзвук: «Вперед… вперед…»

Звон оружия. Ржание испуганной лошади. Звук рога. Яростный вопль, влажный хруст. Станко передернуло.

— И колдунов нанимали, — вздохнул Илияш. — Колдуны всю жизнь, всю длинную жизнь ставили ловушки. Одни — хозяевам, потом другие — против первых… Колдунов не трогали. Колдун — достояние…

Кто-то задышал в темноте — хрипло, тяжко, кажется, над самым ухом. Станко прижался теснее к проводнику:

— А ты… Откуда ты все знаешь?

— Поменьше бы мне этого… знания, — со вздохом признался Илияш.

Помолчали.

— Колдун — достояние, — горько сказал Станко. — Увидеть бы мне только ту тварь, что эти «желтомары» придумала… Это же… Это же палач придумал, зверь безжалостный, стоял, небось, и смотрел, как это его чудо людей… выворачивало…

Илияш хмыкнул. В лесу тонко закричал ребенок.

Станко вздрогнул:

— И дети… Зачем здесь были дети?

Илияш помолчал. Ответил нехотя:

— Заложники… Да мало ли… В двенадцать лет мальчиков уже ставили в цепь… В цепь копейщиков…

— Хорошие предки у князя Лиго, — сказал Станко от души.

— Это и твои предки, — тихо отозвался Илияш.

Молчали долго, и каждый думал о своем.

— А кто ты, Илияш? — спросил Станко ни с того ни с сего.

Тот удивился:

— Я-то? Заморский император, а что?

Станко терпеливо вздохнул:

— Я не прошу, чтобы ты выдал мне свою тайну… Я просто думал… Что ты мне уже… ну, доверяешь, что ли… Что я не ребенок и не болтун… И не слепой, между прочим… Никакой ты не браконьер, ты, может быть, благородной крови… Может быть, тоже этот… бастард, как и я… И тебе случалось командовать войском. Неужели… ты служил простым стражником? А почему? И чем тебе досадил князь Лиго?

Илияш обхватил Станко за плечи, потормошил, прижал к себе:

— Фантазер ты, парень… Фантазер…

Станко, уязвленный, высвободился и некоторое время молча хранил свою обиду.

Лес жил своей жизнью. В чаще бродили бледные огни; «Попа-ался… попа-ался»… — отчаянно плакало эхо.

— Страна ловушек, — сказал Станко с ненавистью.

— Да, — кивнул в темноте Илияш, — и сам княжий венец… Тот самый, четырехзубый… Тоже ловушка. Для самозванцев. Законнейшие из законных наследники — и те дрожали, впервые касаясь его…

— Я бы не дрожал, — проронил Станко сквозь зубы.

В темноте не было видно лица Илияша, однако послышался, кажется, смешок:

— Ты храбрец, как известно… Твоя мать… честнейшая из женщин… А если тот негодяй, что надругался из ней, обманул… ее? Может, он назвался князем Лиго просто из хвастовства, глумясь?

Станко заскрипел зубами. У него не было сил спорить.

Во мраке вокруг сновали белесые призраки, то приближались, то отдалялись звуки боя, победные крики, стоны раненых, хрипы умирающих, мольбы о пощаде.

— А зачем? — спросил Станко шепотом. — Зачем? За что они бились? Им так важен был этот проклятый замок? Этот венец… Их награда — смерть… Все получили сполна… Так за что же?

Илияш прерывисто вздохнул:

— Ты… благостный. Знаешь такое слово? Человеколюбивый мальчик. Отца вот идешь убивать, но жестокости этого мира, конечно, тебя возмущают. Обижают даже. Ты любитель искусства — искусства драки, причем с малых лет, и превыше всего ценишь кулаки свои дубовые да умение обращаться с оружием… И что же? Что так задевает тебя в этих старых кровавых историях?

Призраки не унимались до самого утра, и до самого утра Станко молчал.

На другой день они впервые увидели замок. Илияш, взобравшийся на очередной скалистый выступ, вдруг радостно вскрикнул и выбросил вперед руку; подоспевший Станко приложил ладонь к глазам. На горизонте, за зубчатой кромкой леса маячила, полускрытая туманом, одинокая башенка.

Станко смотрел долго. Ему виделось то, чего и разглядеть-то нельзя было — ленты флагов на ветру, стражники с копьями, чье-то бледное длинное лицо в прорези бойницы…

Рука Станко привычно скользнула к рукояти меча. Скоро. Уже скоро. Он идет, и князь Лиго, колдун, наверняка чует его приближение. Пускай. Он идет, и ничто в мире теперь не может его остановить…

— Ну, — хрипло окликнул спутника Илияш.

Вечером пошел дождь — мелкий, промозглый, пробирающий

до костей. Костер упорно не желал гореть — напрасно Илияш ползал вокруг него на коленях и уговаривал, как ребенка, бормоча ласковые слова, чуть ли не целуя. Станко сидел, обхватив колени руками, тихо покачиваясь из стороны в сторону, и мечтал о молоке.

Старый наемник Чаба смеялся над его любовью к молоку — настоящий мужчина должен пить пиво, а если богатый — вино… Станко не теленок, чтобы сосать корову… А Станко тайком от Чабы бегал к молочнице, за медную монетку она наливала почти ведерко… А мать не любила молочницу, в раннем детстве Станко твердо знал, что все молочницы мошенничают и разбавляют молоко чуть ли не вдвое… Он думал так до тех пор, пока мать не послала его, подросшего, за молоком, он шел через все село с пустым ведерком, затравленно оглядываясь — не встретить бы обидчиков… Он постучал к молочнице, боясь ее и презирая, но та встретила его радушно, и, ожидая во дворе, Станко видел, как, облачась в чистый передник, толстуха принялась доить задумчивую рыжую корову, как звенящие струйки молока колотились о жесть ведерка — его собственного ведерка! Потом молочница с улыбкой покачала головой и посетовала — такому маленькому мальчику тяжело будет нести такое тяжелое ведро… А Станко не слушал, его мучила одна-единственная мысль — когда же она успела разбавить?!

Он всю ночь вертелся с боку на бок, из темноты на него укоризненно смотрела рыжая корова… А утром он сказал матери, пораженный собственным открытием: молочница НЕ РАЗБАВЛЯЕТ молоко, она…

Мать в сердцах отвесила ему оплеуху. Он слишком доверчив, добрые духи, он глуп и доверчив, как он будет жить в этом мире, среди подлецов и мошенников?!

Станко плакал, он боялся подлецов и мошенников, и ему так не хотелось быть глупым…

…Илияш развел-таки хилый, дымящий костерок, вытащил из мешка заплесневелый сухарь, оглядел его с отвращением, страдальчески сморщился, откусил.

— Долго еще? — задал Станко свой обычный вопрос.

Проводник криво усмехнулся:

— Завтра… Нет, послезавтра будем на месте. Деньги-то не потерял?

Рука Станко механически потрогала грязный, тускло звякнувший кошелек, но сам он не заметил этого жеста — его обдало жаром. Так скоро… Готов ли он, добрые духи… Он готовился всю жизнь — и вот так скоро… Послезавтра… Послезавтра князь будет мертв, но сперва… Сперва он, Станко,

посмотрит на отца.

Невесть как на его ладони оказалась потертая серебряная монетка. Тонкий хищный профиль, выдающийся подбородок, впалые щеки…

— А я похож на него? — спросил он совершенно неожиданно для себя.

Илияш поднял брови:

— Что?

Станко смутился:

— Ну… я похож на князя Лиго?

И, давая Илияшу возможность сравнить, он протянул ему монетку — а сам повернулся в профиль.

Илияш сравнивал долго, вертел монетку так и сяк, то отодвигаясь от Станко, то придвигаясь опять.

— Не видно, — сказал он наконец, и с явным сожалением. — Темно, пр-роклятье… Ничего не разобрать.

Станко разочарованно забрал у него монетку.

Через некоторое время ему удалось прикорнуть; он дремал без снов, то и дело открывая глаза и тупо глядя на тлеющую груду угольев. Потом сон мгновенно слетел с него, он сел, чем-то внезапно обеспокоенный.

Илияша рядом не было. Возможно, отлучился по нужде, предположил Станко, но беспокойство не утихло, а, наоборот, усилилось.

Куртка, рубашка, штаны, сапоги — все набрякло влагой, угли шипели, исходя паром, в воздухе космами висела нудная, бесконечная морось. Станко привычно обхватил колени и стал ждать.

Ночь тянулась, костер умирал, Илияш не возвращался. Проклиная все на свете, Станко готов уже был сам отправляться на поиски — но вот треснула ветка, раздвинулась темная громада кустов, и длинная тень проводника бесшумно выбралась на полянку:

— Станко… вставай!

Куда и подевались все опасности, злоключения и бессонные ночи — голос проводника был весел и бодр, таким голосом он распевал свои песенки в самом начале пути.

— Вставай, дурачок! Иди сюда, скорее…

Станко, долгое время пребывавший в тревоге и напряжении, не сразу смог разделить непонятную радость проводника. Набычившись, он процедил сквозь зубы:

— И где это ты…

— Идем… Да идем же… Идем, сам увидишь…

Проводник так нетерпеливо топтался, так настойчиво

взмахивал руками, что Станко, успокоившись наконец, нехотя поднялся:

— Ну куда… в ночь, в лес… Подожди утра…

— Да нет же! — возмущенный самой мыслью о промедлении, Илияш чуть не подпрыгнул на месте. — Идем… Ты все сам увидишь… Скорее, ну…

По-прежнему ворча, Станко покорно двинулся вслед за поспешившим вперед Илияшем — вернее, за его тенью, потому что черное небо обложено было тучами, и даже тусклый отблеск углей остался позади.

Илияш двигался легко, почти бесшумно, Станко трудно было бы уследить за ним в темноте, если бы проводник, вспомнив старую свою привычку, не напевал под нос, перемежая песни радостным бормотанием:

— Ну вот и ладно… Ну вот и повезло нам… Цве-етик, цве-етик, шлю тебе приве-етик… Давай, давай, парень, иди, иди, не отставай… Лю-юбовь, лю-юбовь, как ки-ипит моя кровь…

Станко приходилось труднее — ветки хлестали его по лицу, больно царапались сучки, скользил под ногами слой прошлогодних листьев. Пробираясь почти на ощупь, он десять раз готов был впасть в раздражение но веселый голос Илияша звал, обещая удачу, и Станко вновь приободрялся.

— Давай, парень… Бедам нашим конец, и целы остались, видишь… Теперь все будет «бархатом»… Теперь уж точно…

— Долго… еще? — спросил Станко, переводя дыхание.

Илияш рассмеялся, будто услышав удачную шутку:

— Нет… Еще чуть-чуть… Ты не отставай, а то еще потеряешься в темноте…

Тем временем дождь перестал; в сплошной пелене туч кое-где появились просветы.

— Уже утро скоро, — сказал Станко капризно. — Несет тебя… Или подожди, пока луна выйдет…

Будто отвечая на его слова, из-за туч выглянул тусклый лунный серп. Стало чуть-чуть светлее.

— Ну вот, — Станко вздохнул с облегчением, теперь видна была Илияшева фигура в десяти шагах перед ним — неимоверно высокая, никогда Станко не замечал, что Илияш так высок, может быть, это игра теней?

— Идем, — забормотал проводник еще радостнее, еще поспешнее, — идем, что стоишь, на ходу засыпаешь… Идем, уже близко…

И он снова заскользил вперед, но и Станко теперь стало легче — отводя от лица ветки, он почти догнал проводника.

Луна спряталась.

— Все, почти пришли, — шептал Илияш совсем рядом, — еще чуть-чуть…

Станко замешкался было — но луна вышла опять, засветила ярче, будто собравшись с силами, и в бледном свете ее Станко разглядел, как изменилась походка проводника — он будто крался, полусогнув колени, вытянув вперед руки, причем пальцы постоянно и сложно шевелились; время от времени он нежно, ласково поглаживал себя по бедру, и что-то нехорошее было в этом странном, таком несвойственном ему движении.

Станко споткнулся и стал. Ему вдруг стало страшно.

— Не медли, парень…

И Станко снова пошел, но каждый шаг давался ему через силу. Теперь он заметил, что кинжал Илияша висит не на левом боку, а на правом.

— Идем же, парень… — Илияш обернулся, поторапливая, но Станко будто в землю врос — такой нестерпимой жутью повеяло вдруг из темных проемов между стволами.

— Ну же! — Илияш готов был плясать от нетерпения, — ну…

Он вдруг шагнул к Станко, и тусклый лунный свет упал на его лицо.

Волосы зашевелились у Станко на голове.

Стоящий перед ним не был Илияшем. Это был некто, носящий личину. Искусную маску на чужом одутловатом лице. Из прорезей маски…

Станко затрясся.

— Идем, парень… Идем…

— Н-не… — выдавил Станко, не в силах сойти с места. Тот, кто не был Илияшем, укоризненно качнул головой и мягко погладил себя по длинной шее. Личина, вероятно, собралась улыбнуться — полускрытые бородой губы принялись вдруг растягиваться, как тугое тесто. Маска исказилась, как отражение в кривом стекле.

Добрые духи!

И тогда Станко наконец-то обрел способность кричать и бегать.

Он несся через тьму, подгоняемый розгами веток, спотыкаясь, падая, задыхаясь, пугая лес хриплыми воплями, вымещая в беге, в крике весь свой холодный ужас. Потом, запнувшись о корень и угодив лбом в твердое, он ощутил мгновенную боль и перестал себя помнить.

Первое чувство, пришедшее на смену забытью, оказалось снова-таки болью — тупой, тяжелой, надежно поселившейся в голове. Он застонал — без умыслу, без надежды, просто от жалости к себе.

— Станко… Станко…

Его осторожно трясли за плечо. С трудом повернувшись, он увидел над собой ясное утреннее небо в путанице ветвей и склонившегося Илияша.

Ночной кошмар вернулся. Станко бросило в жар; дернувшись, он сел боль в голове толчком усилилась. Добрые духи, чего он хочет? Чего хочет этот… это…

— Станко… Это я… Не бойся…

Голос был хриплый, усталый, не было в нем ни давешней бодрости, ни веселья. Станко смотрел, широко раскрыв глаза.

— Не бойся… Это я, посмотри…

Склонившийся над Станко человек ткнул пальцем в свое лицо. Это было лицо Илияша — бледное, измученное, с темными кругами вокруг глаз и травинками в бороде, но живое, человеческое, ничуть не похожее на ту страшную личину:

— Это я, да я же…

Станко вдруг ослабел. Невиданное облегчение отобрало последние силы; локти подломились, он тряпочкой растянулся на траве, и сразу вернулась забытая было боль.

— Это призраки такие, мары… — Илияш попробовал усмехнуться. — Мне тоже… привиделось… Ты мне привиделся, Станко… — и проводник передернулся.

Станко лежал и смотрел на него почти с любовью. Жесткая борода, красные, припухшие веки, глаза с остатками былого куража… Это Илияш. Добрые духи, это действительно Илияш, и как он, Станко, рад его видеть, ни одному человеку в жизни он так не радовался…

Он засмеялся — тихо и глупо, от смеха голова заболела сильнее.

Илияш, который, похоже, вполне разделял его чувства, засмеялся тоже:

— Надо же… Ну, парень, и ночка выдалась… Ну и ночка…

Он помог Станко подняться — осторожно, тоже, по-видимому, удивляясь и радуясь тому, что парень-то настоящий. С трудом встав на ноги и справившись с головокружением, Станко увидел рядом — в двух шагах отвесный обрыв. Внизу, поодаль от каменистого склона, трепетала листьями изящная березовая рощица. Станко подобрался к краю — в камнях под обрывом белели чьи-то кости.

— Да, — Илияш все еще смеялся, — это они… Промышляют так, да…

Не оборачиваясь, путники побрели прочь.

Они шли и шли, и счастье, что дорога была легкой — оба вконец измучились и едва переставляли ноги.

— Молока хочу, — сказал Станко запекшимися губами.

Илияш удивился:

— Что?

— Молока… С ржаной поджаристой корочкой.

— Понятно, — Илияш скептически улыбнулся, — а сдобной булочки с кремом?

— Нет, — сказал Станко трагическим голосом. — С кремом я в жизни не пробовал.

— Плохо, — отрывисто посочувствовал Илияш и вытащил из-за пазухи карту.

За время пути карта еще больше истрепалась и вытерлась, Илияш подносил ее к самым глазам, страдальчески морщился и водил пальцем по дырам и пятнам; утвердившись в некой важной мысли, проводник поднял на Станко довольные глаза:

— Завтра выйдем к замку. С пути бы не сбиться… Тут овражек должен быть, прямой, как стрелочка… Смотри по сторонам, ладно?

Станко рассеянно кивнул. Ему как-то сразу стало не до того.

Завтра. Всю жизнь готовился — и завтра. Радоваться бы… Откуда же это тягучее, холодное, тяжелое чувство?

— Молока хочу, — сказал Станко печально. Илияш сочувственно усмехнулся.

Днем, окончательно выбившись из сил, путники устроили привал. Доедали остатки сухарей, лежали, вытянув ноги, бездумно глядя в небо.

— Илияш, — сказал наконец Станко. — Илияш.

Тот чуть поднял бровь.

— Я хочу поговорить с тобой… Только… серьезно. Без смеха, ладно?

— Без смеха кисло будет, — протянул проводник, жуя травинку. — А впрочем, давай…

Станко собрался с духом:

— Послушай, ты воин… Тебе наверняка случалось… убивать.

— Я охотник, — сказал Илияш после паузы. — Я убиваю зайца, чтобы съесть его.

— Нет, — в голосе Станко скользнули просительные нотки, — я не о том… Поговори со мной откровенно, не прячься за свои шуточки… Тебе ведь случалось убивать и людей?

— Своими руками? — поинтересовался Илияш.

— Да… В бою.

— Случалось, — бросил Илияш коротко.

— И… что?

— Что?

Станко сел:

— Понимаешь… Я никогда никого не убивал. Мой учитель Чаба говорил, что мужчина… Ну, да не в этом дело. Я… боюсь струсить, Илияш.

Стало тихо. Проводник лениво перекатился со спины на живот. Выплюнул травинку, подпер подбородок локтями:

— Струсить? Надеюсь, ты по-прежнему не боишься стражи… Да и самого князя, кстати?

— Нет, — Станко облизал губы, — не боюсь… Я боюсь другого. Вот я победил стражу, вот я победил князя… И надо убивать его, а я… Ну, понимаешь?

— Нет, — сказал Илияш безжалостно. — Не понимаю. Ты мне все уши прожужжал уже — ненавижу, убью, убью… Врал, значит?

Станко потупился. Ему тягостен был разговор, но еще тяжелее носить в себе то новое сомнение, что без спросу поселилось в душе.

— Я не врал, — отозвался Станко медленно. — Я…

По небу с оголтелым карканьем пронеслась пара ворон.

— Я… — Станко не знал, что говорить, — я…

Он вспомнил перепуганное, с разбитым носом, с выпученными глазами лицо рыжего сынишки бондаря — своего главного обидчика. Рыжий лежал в пыли, дружки его сверкали пятками в самом конце улицы, а Станко — рваная рубашка, кулаки в ссадинах — орал прямо в эти белые от страха глаза:

— Есть у меня отец, понял?! Есть у меня отец! Он князь, понял, ты?! Он князь, я его сын, а ты — холоп вонючий, понял?!

Он вспомнил бледное, гордое до надменности лицо матери: «В тебе благородная кровь».

Зачем ей было гордиться князем — ведь он был ее позором?

Илияш смотрел насмешливо — и вместе с тем почему-то печально.

— Пошли, — сказал наконец, поднимаясь. — Нам еще идти и идти… до темноты.

Вскоре нашелся и желанный овражек — «прямой, как стрелочка». Станко он не очень-то понравился: идти удобно, а вот свернуть с дороги — поди попробуй…

— Не трусь, — говорил Илияш негромко, будто сам с собой, — главное добраться до князя… А там сам увидишь, как обернется…

Станко тянулся следом и печально кивал.

Края овражка становились все круче и совсем уж задрались к небу, когда Илияш вдруг замедлил ход и стал. Станко остановился рядом.

Угнездившись корнями на левом склоне оврага, протянув толстую ветку поперек тропы, перед путниками стоял изрядных

размеров дуб. Пышная крона говорила о мощи и здоровье старого дерева; на толстой горизонтальной ветке рядком висели шесть повешенных за шею трупов.

— Вот бедняги, — прошептал Станко.

Все шесть повешенных были с ног до головы облиты смолой; кое-где из черной заскорузлой массы виднелись белые оконечности костей. Одежда почти не сохранилась — но на ногах у каждого крепко держались кованые, просмоленные сапоги. В опущенной правой руке каждый мертвой хваткой сжимал боевой меч.

— Впервые… вижу, — Илияш сглотнул, — чтобы вешали с мечом в руке… Не знаю о таком поверье…

— Может быть, они сами… повесились? — нетвердым голосом предположил Станко. — Может, это был последний отряд… Горстка храбрецов… Они покончили с собой, но меча из рук…

— Что это за воины, которые вешаются? — презрительно оборвал его Илияш. — Позорная смерть… Для воров, бродяг… А эти — с мечами…

Оба стояли, переминаясь с ноги на ногу.

— А смола… зачем? — Станко старался не смотреть на черные остатки лиц.

— Смола — понятно, — бросил проводник, — смолой обливают трупы казненных… Чтобы дольше висели, чтоб другим было неповадно…

— Так их казнили?

— Вот что, — Илияш хмуро окинул повешенных взглядом. — Кто они и кто их убил… Не наше дело. Мы должны идти вперед.

— Как? — упавшим голосом спросил Станко. — Под ними?

Илияш скрипнул зубами:

— Другого пути нет.

И Станко двинулся вслед за проводником, глядя в землю: идти было гадко и страшно.

А в овраге тем временем поднялся ветерок, и тела повешенных грузно закачались. Один медленно, тяжело повернулся вокруг своей оси; мечи двух других, соприкоснувшись, тускло звякнули.

— Наваждение, — бормотал успокоительно Илияш, — тут полно страшных наваждений… Кровь стынет, а безопа…

Они оказались под самой веткой; длинно, тягуче заскрипело дерево, скрип морозом продрал по спине Станко, он охнул и наступил на пятку Илияшу…

В этот момент повешенные ожили.

Веревки, захлестнутые вокруг осмоленных шей, мгновенно и

неимоверным образом удлинились. Кованые сапоги коснулись земли, и земля застонала. Трое оказались прямо перед путниками, еще трое — сзади.

По-прежнему привязанные к ветке, как псы на длинных поводках, черные, оскаленные, трупы одновременно вскинули мечи.

— Спина к спине! — взревел Илияш, и этот крик вернул мужество ослабевшему, оцепеневшему Станко. Трясущейся мокрой рукой он выдернул меч из ножен.

Добрые духи! Думал ли кузнец, думал ли искусный оружейник, думал ли старый наемник Чаба, что этот светлый, для благородного дела кованный меч встретится с…

Спина Станко плотно прижалась к спине Илияша. Тому придется совсем туго — у него только палка и длинный кинжал…

Висельники, став кругом, одновременно сделали шаг вперед. Я умру, подумал Станко. Меч готов был вывалиться из его руки; добрые духи, им достаточно глянуть в лицо — и умереть…

Но в это время обрушились шесть мечей, и тело Станко, закаленное, вышколенное с детства тело выручило бедную, ошалевшую от ужаса голову.

Рука сама, не дожидаясь приказа, выбросила оружие навстречу оружию врагов; кисть, неутомимая, гибкая кисть пошла вращаться, как мельничное колесо, успевая отбивать и удары, направленные против Илияша. Глаза, приученные видеть и прямым, и боковым зрением, не давали противнику напасть врасплох. И когда зазвенела сталь, когда Станко понял, что сражается — тогда только схлынул немного панический ужас и проснулись в душе остатки хладнокровия.

Он чувствовал спину Илияша. Он чувствовал каждую напряженную мышцу проводника, тот с кинжалом, с кинжалом и палкой против трех мечей, его надо прикрыть… Висельники дрались молча, а Илияш хрипло выкрикивал непонятные, но яростные боевые кличи… Но и он держится, молодец, проводник, прикрой мне спину… Чего их бояться, это же гниль, это же трупы, это же падаль… Раз не умерли — помоги им, Станко, умереть дважды!

Удар — отражение. Удар…

Один из висельников не устоял против блестящего потайного приема старого Чабы. Сверкающий меч Станко на треть вошел ему в живот.

Станко тут же выдернул оружие и отразил нападение двух других, светлое лезвие потемнело, тьфу ты, гадость… Ну, падай, ты, неудачник!

Неудачник не упал. Замешкавшись на секунду, он снова

вступил в бой, хоть в животе его явственно виднелась дыра.

Станко сузил глаза: ах, так…

Он еще не устал. Он никогда не устанет. Эта гниль еще узнает, как…

И его меч обрушился на голову другого, развалив ее до самой шеи, так что в стороны полетели комья плоти и куски смолы!

Он едва успел выдернуть оружие — ему чуть не отрубили руку. А тот, с разваленной головой, продолжал биться, как ни в чем не бывало!

Сзади хрипло выругался Илияш. Станко закричал; это был истошный крик отчаяния. Мертвецы оказались неуязвимыми; жутко ощерившись, они двигались четко и слаженно; просмоленные веревки на шеях придавали им сходство с марионетками.

— Да пропади же! Пропади! — орал Станко, метя в пустые глазницы, когда два меча одновременно захватили его оружие, рукоятка вырвалась из руки, чуть не вывихнув кисть, и светлый меч взлетел высоко в послеполуденное небо.

Он летел долго и красиво; он поворачивался, ловя на лезвие солнечные блики; он на мгновение задержался в зените, чтобы так же медленно и красиво ринуться вниз…

— Пригни-ись!!

Станко все еще, как завороженный, следил за мечом — а Илияш, отбросив палку, взвился в воздух и схватил еще теплую рукоятку:

— Пригнись!

И тогда Станко увидел искусство боя, о котором никогда не слыхивал даже старый Чаба.

Илияш дрался с шестерыми — в одной руке меч, в другой — кинжал. Выпады его были схожи с движениями танцора; стремительно и изящно он протыкал животы и вышибал из черных рук клинки, и противники его давно легли бы трупом — если б изначально не были мертвецами.

Припавший к земле Станко не мог уследить за всеми движениями меча и кинжала. Это было зрелище, достойное сотен зрителей, это был упоительный сложный танец, так не дрался Чаба, так не дрался никто — это были новые, невиденные приемы. Но висельники оставались равнодушными к красоте; они бились, даже будучи разрубленными пополам.

Илияш зарычал — так рычит загнанный на копья зверь. Опомнившись, Станко схватил откатившуюся в сторону палку; он бил и молотил по черным головам, и пот заливал глаза, а кольцо нападавших сжималось, не давая уйти, не давая сбежать…

Станко не помнил, как меч снова оказался в его руке. Илияш

сражался теперь черным, из отрубленной руки вырванным оружием. Спина проводника, горячая, мокрая, снова прижалась к лопаткам Станко; хрипя и отражая удары, парень понял вдруг, что эта спина — единственная его опора и надежда, что если он умрет — то вместе с Илияшем, и собственная его, Станко, спина послужит последним прикрытием проводнику…

Отчаянно взмахнув мечом, он рубанул почти наугад — и перерезал просмоленную веревку, стягивающую шею ближайшего мертвеца.

Мертвец оглянулся назад. Страшное лицо его ничего не выражало, но Станко померещилось удивление; зашатавшись, висельник неуклюже рухнул под ноги сотоварищам.

— Ага-а-а! — взревел Станко, и ни с чем не сравнимая злая радость тут же и вернула ему угасшие было силы. — Ага-а! Сгинь! Пропади! Падаль! Падаль! По веревкам, Илияш!

Кольцо нападавших чуть разжалось, будто в замешательстве. Мертвецы теперь действовали осторожно, боясь подставлять под удар свои драгоценные веревки-пуповины.

— Руби! — ревел Илияш, и, дотянувшись кинжалом, резанул по ближайшей веревке; та устояла, но на ней появился глубокий надрез; раненный висельник качнулся, неловко взмахнул мечом — Илияш ткнул его в грудь, веревка лопнула, и второй мертвец грянулся оземь.

Оставшиеся висельники кинулись в бой с удвоенной яростью; лишившийся руки подобрал меч сотоварища и рубился левой. Просмоленные тела упавших мертвецы подкатывали под ноги противникам, чтобы те спотыкались; Станко, потеряв равновесие, едва увернулся от смертоносного удара. Мышцы на спине Илияша ходили ходуном:

— На… ша… берет…

Рухнул еще один мертвец. Меч другого задел Станко по щеке; тот не почувствовал боли. Висельников осталось трое, но легче бой не стал — меч в руках Станко налился неподъемной тяжестью.

— Ну-у!

Удар. С треском рвется веревка. Падает еще один, теперь двое против двух…

Уцелевшие мертвецы, будто сговорившись, одновременно отступили. Руки с мечами безвольно упали; веревки, когда-то удавившие осмоленных, резко вздернулись вверх, ноги висельников оторвались от истоптанной травы, и вот уже оба как ни в чем не бывало покачиваются на ветке, а рядом — четыре обрывка, четыре срезанных веревочных хвоста…

Илияш и Станко прошли прямо под качающимися сапогами.

Ясным утром солнечного дня двое вышли на берег чистого, спокойного озера.

Озеро выгибалось подковой; на той стороне его вросла в землю тяжелая туша княжьего замка. Снизу разглядеть можно было только зубцы на массивной, кое-где подновленной стене.

Двое стояли молча; густые кроны прикрывали их от взглядов со стены.

— Вот и все, — нарушил молчание Илияш. — Сказал — приведу тебя, и привел… А когда Илияш хвалился попусту, а?

Голос проводника снова был весел и беззаботен — совсем как в начале пути.

Станко смотрел на замок — темный, зловещий, как спящее чудовище. Его путь не закончен, его путь только начинается. Там, за грузными стенами, в путанице муравьиных ходов притаился тот, кому суждено умереть от меча.

— Давай-ка, — радостно потребовал Илияш, — должок за тобой…

Станко не сразу понял:

— Что?

— Да десять монет! — проводник, кажется, даже возмутился. — Десять монет, как условились, а в замок я не пойду. Ни носом, ни пяткой, ни драной заплаткой, уговор есть уговор!

Станко вытащил потрепанный, заскорузлый от грязи кошелек и выкатил на ладонь все десять золотых. Они показались ему тусклыми бесполезными кругляшками.

— Возьми, — сказал он, глядя в сторону. — Уговор есть уговор…

Илияш, урча от радости, пересчитал деньги, вытер каждую монетку о штаны и спрятал где-то на груди:

— Ну вот… Ну вот, и у нас сдобный квас… Все, с промыслом покончено. Дом куплю, хозяйство заведу, работника найму…

Слова его лились и журчали, а Станко отчего-то становилось все горше и горше. Дались они ему, эти деньги…

Кошелек совсем опустел, превратился просто в грязную тряпку, и только одна серебряная монетка, монетка с профилем князя каталась из уголка его в уголок.

— Теперь мне надо в замок, — бросил Станко, прерывая Илияшевы восторги. — Как мне пройти в замок, Илияш?

Тот запустил пальцы в бороду:

— Не знаю… Тут я не советчик тебе… На воротах стража, по стене не влезть… А полезешь — так тут же на тебя смолы горячей, чтоб неповадно было…

Станко привычно сжал рукоятку меча:

— Мне надо пройти, и я пройду. Ты знаешь, я…

— Ты всегда делаешь, что решил, — продолжил Илияш насмешливо.

Над головами их радостно перекликались мирные, чуждые духу убийства птахи. Илияш уселся в траву, скрестил ноги, поднял лицо, подставляя его пробивающимся сквозь ветви лучам:

— Есть тут одно дело… Опять же, может быть, и слухи только. Стражники, знаешь ли, все подземный ход искали.

Станко вздрогнул:

— Что?

— Подземный ход, — Илияш прищурился, — говорят, он здесь с незапамятных времен, то ли враги его прорыли, чтобы внезапно напасть, то ли сами хозяева замка — чтобы сбежать вовремя… А может быть, и те и другие, враги ведь то и дело становились хозяевами… Только вот не нашли хода-то…

— А где искали? — спросил Станко отрывисто.

Илияш тихо засмеялся:

— Умный парень, соображаешь… Искали со стороны замка. А со стороны леса… Беззаконные земли рядом.

— Трусы, — уронил Станко. Илияш оживился:

— Еще какие! Так и не нашли хода, но говорят… — он загадочно улыбнулся, — говорят, что князь Лиго, негодяй, знает, где он… Знает, но молчит, для себя бережет, вдруг пригодится…

Он вдруг вытянул ноги и сообщил равнодушно:

— …А может, врут все, и нет никакого хода. Наверняка даже нет.

…Вход скрывался в зарослях на самом берегу и был ненамного больше лисьей норы.

— Ну вот, как просто! — радовался Илияш. — Везет тебе все-таки, парень… Илияша встретил, до замка добрался, а тут еще ход подземный проложили тебе… Чую — убьешь ты папу, как пить дать убьешь. Посчастливится и в этом…

Станко нагнулся и заглянул в нору. Узкий коридор казался нутром голодного зверя — почти круглый, темный, ребристые стенки пронизаны венами и сухожилиями корней.

Пусть так.

Станко выпрямился и посмотрел на замок, будто желая встретиться глазами с князем Лиго. Илияш хохотнул и довольно потер руки.

Со стены, едва слышный, донесся звук рога, и проводник вздрогнул:

— Вот я тут с тобой болтаю… А мне еще назад идти. Мимо кордонов… Время не ждет, давай прощаться, парень.

Станко опустил голову — что-то внутри у него болезненно сжалось.

— Ты… точно не пойдешь со мной?

Илияш расширил глаза в чуть преувеличенном ужасе:

— Да что ты! Разве князь — мой папа?

Станко молчал. Ему было ясно, что проводник не передумает.

Илияш стал проявлять признаки нетерпения:

— Парень, ну время же… Не тяни — прощаемся и расходимся.

Станко стало обидно чуть не до слез: он-то считал Илияша… Другом, что ли… А тот ничуть не огорчен прощанием, ничуть не беспокоится о судьбе товарища, ему бы свою шкуру спасти…

Исходила соком трава, бездумно истребляемая носком сапога. Столько пережить вместе, столько раз спасать друг другу жизнь… Неужели и впрямь проводник старался только из-за денег?

— Илияш, — Станко трудно было говорить, так перехватило горло, — тебе что же… все равно? Убью я князя или князь убьет меня?

Проводник, похоже, чуть устыдился:

— Нет, что ты… По мне, знаешь, пусть бы все жили, всем места хватит.

Станко стало еще горше. И это вместо того, чтобы подбодрить перед смертельным поединком…

— Ладно, — сказал он, давя в себе слезы, — прощай… Мы, похоже, никогда больше не встретимся?

Илияш неуверенно пожал плечами:

— Ну, это… Как уж рассудится…

— Как рассудится, — отозвался Станко эхом. И тут же предложил громко, весело, как только мог: — А знаешь что, приходи ко мне на свадьбу!

Илияш закивал, как ученая лошадка. Станко продолжал, все более и более воодушевляясь:

— В трактире и встретимся… Через недельку-другую… Ты возвращайся в трактир, ладно? Через Вилу весточку передай… Свадьбу сыграем осенью, я тебя уже, считай, пригласил… Ладно?

С каждым словом он все тверже верил в то, что говорил. Илияш слушал невнимательно, оглядывался, качал головой:

— Ладно… Мне бы только мимо дозорников… А там — прямо на свадьбу…

Станко сник. Отвернулся. Плечи его опустились.

— У меня к тебе тоже дело, парень, — пробормотал Илияш озабоченно. Важное дело.

Станко молчал, борясь со слезами.

— Ты… Ну, если поймают тебя, то, знаешь ли, пытать станут.

Голова Станко опустилась еще ниже.

— А выспрашивать будут про то, как ты в замок попал… Ну, тут и крыса догадается, что самому тебе не пробраться, а провел кто-то… Вот и станут дознаваться, кто провел. И если ты меня выдашь… Мне тут же и конец, устроят облаву, возьмут, у них на меня давно уже счет открыт… Так я тебя попрошу, Станко, — проводник вдруг жалко, немного заискивающе улыбнулся, — уж не выдавай… Пожалей старого браконьера. Пожалуйста.

Станко, наконец, проглотил застрявший в горле ком. Проронил негромко, устало:

— Я не выдам тебя, Илияш. На части будут рвать — не выдам.

5

Станко пробирался вперед на четвереньках, боком, как охромевший пес, потому что в правой руке его вздрагивал пламенем огарок свечи — последний подарок Илияша.

Толстые корни, свесившиеся в подземелье, жадно ощупывали чужака, путались на лице, сетью перегораживали путь. Несколько раз ему пришлось вынимать меч — хоть это и было мучительно трудно в узкой норе с осыпающимися стенами. Потом ход резко свернул вниз, и продвигаться стало легче — корни не дотягивались на такую глубину, зато пол и стенки отсырели.

Упрямо, как полуслепой крот, он полз вперед, но занимали его не мстительные раздумья и не планы покушения — стыдясь сам себя, Станко думал об Илияше.

Они так и не простились по-человечески. Их так ничего и не связало; они проделали вместе этот длинный, жуткий путь, и вот Илияш ушел, насвистывая и бренча монетами, озабоченный лишь собственным благополучным возвращением; Илияш ушел, а Станко ползет этим темным ходом навстречу неведомо чему, и жить ему осталось, скорее всего, несколько часов…

Пламя свечки заколебалось сильнее, завалилось на бок, горячий жир закапал Станко на пальцы. Он чуть не выронил огарок; нора вывела его в настоящий подземный коридор — сводчатый, со стенами из тесаного камня, с истертыми плитами на сыром неровном полу.

Станко выпрямился и огляделся; слева коридор заканчивался тупиком, справа веяло затхлой влагой.

Я под озером, понял Станко и испугался, так ярко представилась ему масса земли и воды, нависающая у него над головой.

Стуча зубами от холода и нервного напряжения, он свернул направо.

Он больше никогда не увидит Илияша. Здесь, в подземелье, некого обманывать и не перед кем притворяться — они больше не встретятся.

Станко вдруг стало мучительно, нестерпимо одиноко. Всю жизнь он мечтал иметь рядом кого-то, кто придет на помощь и спасет во что бы то ни стало, на кого можно рассчитывать, с кем можно говорить… Ерунда, он просто увидел в Илияше то, чего не самом деле не было. Он так и не вырос; он до седых волос останется растерянным сельским сопляком, готовым броситься на шею первому приглянувшемуся мужчине: «Ты — мой папа? Да?»

И, окончательно разбередив себя, он со злостью плюнул на

покрытый плитами пол. Хватит. Теперь у него один друг и одна надежда — меч. Тот не подведет и не запросит денег. Впереди последний шаг, последний удар…

Стиснув зубы, Станко поднял свечку над головой и пошел быстрее.

Коридор не расширялся и не сужался; на уровне человеческого роста в стены вмурованы были кольца — для факелов, подумал Станко. Где-то капала вода; по полу бежал пропахший гнилью ручей, и каждый шаг непрошенного гостя отдавался шлепаньем, будто плюхались в болото сытые жабы…

Не думать ни о чем, вспомнить мать. Ее похитили из родительского дома накануне свадьбы… Неужели он, Станко, когда-нибудь женится на Виле? Вила… Вот так штука, он совсем забыл о ней, забыл ее лицо, забыл ее голос… Почему? Разве это правильно? Почему то, что казалось таким важным, теперь отошло, стерлось, выцвело… Снова Илияш: «А если ты забудешь ее»… Да нет же, не то! Он должен думать о другом… Мать похитили накануне свадьбы, князь Лиго вывез ее в поле, и там, под гогот стражи… А вдруг это и вправду был не князь Лиго?! Какой-то мерзавец, глумясь, присвоил себе княжеский титул… «В тебе благородная кровь»… Но она же ненавидела его?!

Станко остановился. Дрожащей рукой прилепил свечку к стене. Вытер пот со лба.

Э, так не годится. Воин не может идти на бой в рассуждениях и раздумьях… А все проклятый Илияш! Не друг он, а враг заклятый, тайный сеятель сомнений…

Станко тряхнул головой — пышные когда-то, а теперь слипшиеся в грязи длинные волосы мотнулись и упали. Прерывисто вздохнув, он вытянул меч.

…Тяжесть, лежащая в его ладони, была силой и властью… Желобок на мече был… был прямой дорогой, с которой не свернуть…

Не свернуть.

Кем бы ни был человек, надругавшийся над его матерью, как бы мать потом не относилась к нему — но она была несчастна. Никогда в жизни она не знала покоя, и никакой Илияш не сможет этого опровергнуть. Он, Станко, знает о ее бессонных ночах, пережитых унижениях, слезах… Неужели все это останется неотплаченным?! Нет, кто-то должен заплатить, и пусть это будет князь Лиго!

Он враз успокоился. Руки перестали дрожать, даже свечка разгорелась ровнее. Кинув оружие в ножны, он отлепил ее от стены и двинулся вперед, и каждый шаг его был уверенным шагом мстителя.

Он шел и шел, и сначала ему встретился скелет, прикованный к стене. Станко увидел его, едва не наступив; скелет сидел, вытянув костяшки ног поперек коридора, одна рука отсохла и валялась рядом, другая заключена была во вмурованное в стену кольцо. Заключенный? Пытаемый? Страж?

В селе у Станко среди детишек бытовало поверье: нельзя переступать через вытянутые ноги, а то в старости паралич разобьет… Затаив дыхание, на всякий случай приготовив меч, Станко перешагнул через грязно-желтые кости. Ничего не случилось.

Потом по сторонам стали попадаться массивные двери, и в каждой прорезано было узкое окошко, забранное частой ржавой решеткой. Это была либо подземная тюрьма, либо склад — в одной боковой комнате громоздились заплесневевшие ядра для катапульт, в другой белели на полу сваленные грудой человечьи кости.

Станко больше не заглядывал за решетки. Он просто шел и шел, и коридор становился все шире, все захламленнее, под ногами противно прогибался ковер из прогнившей трухи. Потом, напугав мстителя до полусмерти, нырнула в нору крыса…

Потом он услышал голоса.

Говорили громко, возбужденно, сразу несколько человек, но до Станко звуки доносились неясно, приглушенно, и он не мог разобрать слов, только возгласы и смех…

Он поспешил вперед — подземный ход упирался в высокую дверь из толстых досок, широкие щели между ними цедили очень тусклый свет. Голоса стихли в отдалении; на смену им из-за двери донесся дробный топот, так бегают по мостовой в деревянных башмаках. Топот отдалился тоже; тишина.

Переведя дыхание, Станко принялся ощупывать дверь. Она заперта была изнутри на стальной засов, но тот так проржавел, что сдвинуть его с места не было никакой возможности — зря Станко обламывал ногти и сбивал руки. Дерево подгнило, можно, конечно, и высадить — но шуму от этого будет больше, чем если просто прийти к воротам и вежливо сказать: а где ваш князь? А вот я его убивать буду…

Уже отчаявшись, он нагнулся и нащупал одну совсем никудышную, гнилую расшатанную доску.

По коридору — а за дверью, вероятно, располагался коридор — снова прошли — степенно, но с таким громким сопением, что Станко притаился. Когда сопение стихло, он вытащил меч и в два счета выломал изрядный кусок доски — над самым полом. Пролом смутно засерел — на ощупь Станко определил, что с внешней стороны дверь прикрыта грубой тканью.

Теперь предстояло самое сложное — во-первых, пробраться через образовавшуюся узкую дыру, во-вторых, сделать это незаметно для бегающих, сопящих и смеющихся обитателей замка. Нелегкое это дело удалось Станко лишь с третьего раза — дважды ему помешали, зато потом он так торопился, что сильно ободрал в проломе плечо.

Он сидел на корточках в полутьме, затаив дыхание. Место, куда он попал, напоминало сразу кладовую и прачечную — вдоль стен свалены были плетеные корзины, полные тряпья, громоздилась вверх ножками мебель, оставляя посередке лишь узкий проход, тут и там развешены были на веревках серые простыни, будто для просушки… Похоже, Станко пробрался в самую нижнюю, самую черную, самую простонародную часть замка.

Откуда-то из глубины захламленного коридора снова послышались голоса — Станко испуганно забился в какой-то темный угол. Мимо широким шагом прошли трое — все женщины, все дородные, в передниках и чепцах:

— На кухню, говорит, на кухню… Все, говорит, за работу, его сиятельство, говорит, с меня спросит…

Смех:

— Ишь, ты! Я Хенко еще поваренком помню, чумазый такой, под лавками ползал да тумаки получал…

— Его сиятельство с распорядителя спросит, а тот уже — со старшего повара…

— Довольно болтать, подружки… Поспешим, а то правда…

Голоса стихли.

А его сиятельство в замке, подумал Станко злорадно. То-то такая беготня…

Невидимый в своем убежище, он проследил глазами за поваренком в сбитом на бок колпаке — тот сломя голову несся куда-то и так спешил, что зацепился на бегу за пыльный деревянный ящик и растянулся во весь рост. Разревевшись в голос, бедняга все же поднялся и продолжил свой путь видно, поручение было серьезное, а на наказания в замке не скупились.

Проводив поваренка, Станко задумался: который час? Далеко ли до вечера? Безопасно ли пробираться коридорами сейчас — или дождаться ночи?

Меч, казалось, нетерпеливо завозился на боку. Станко провел в ожидании полчаса — но голоса и шаги теперь слышались только в отдалении.

Тогда он потихоньку выбрался из груды хлама, скрывавшей его, и очень осторожно, перебежками, двинулся туда, куда убежал поваренок.

Это действительно были подсобные помещения, темные, затхлые, со множеством укромных углов и безлюдных переходов. Станко поблагодарил добрых духов за столь удачное устройство замкового хозяйства и, никем не замеченный, разом одолел два лестничных пролета.

Здесь было светлее и многолюднее, но в толстых стенах имелись ниши, прикрытые гобеленами; Станко двигался бросками, от ниши к нише. Иногда какой-нибудь пробегающий слуга удивленно выкатывал глаза при виде беспричинно колеблющейся ткани, тогда Станко замирал с мечом наизготовку; но к счастью, в тот день в замке было, по-видимому, множество неотложных дел — забыв свое удивление, слуга тут же спешил прочь, и Станко расслаблялся, ощущая на лице и на спине липкий противный пот.

Потом он наткнулся на кухню и чуть не потерял сознание от запахов, разносившихся из-за ее прикрытых дверей. Туда и сюда сновали слуги, и в то и дело открывающийся проем видно было, как мечутся в клубах пара белые фигуры. Изголодавшийся Станко стоял за гобеленом, не в силах пошевелиться, зажав нос… Надо было срочно уходить, но уйти долго не удавалось, потому что какой-то краснолицый увалень в переднике вывел из кухни поваренка и тут же принялся деловито пороть его у самой двери. Порол молча, без жестокости, но и без снисхождения; поваренок — это был другой, не тот, что упал в коридоре — терпел наказание тоже молча, беззвучно глотая слезы… Наконец увалень закончил работу, что-то велел сквозь зубы и удалился на кухню, тут же потерявшись в тучах пара; поваренок, всхлипывая, подтянул штаны и потащился следом.

Станко едва сдержался — так хотелось ему выбраться из укрытия и расквасить увальню нос. Чаба когда-то объяснял ему, что «за дело» надо обязательно наказывать — но Станко не хотелось вспоминать его наставлений.

Наконец, коридор опустел на короткое время, и ему удалось проскользнуть дальше.

Правду говорил Илияш — ему везло-таки. Либо извилистые коридоры были слишком хорошим укрытием, либо Станко оказался незаурядным лазутчиком. Вскоре из нижних этажей, где суетились, как перед праздником, возбужденные слуги (добрые духи, зачем князю такая уйма слуг?!), он пробрался в верхнюю, аристократическую часть замка.

Здесь никто не носился с подносами и светильниками наперевес — зато здесь прогуливались, позвякивая доспехами, плечистые молчаливые стражники. Гобелены здесь были расшиты золотом и серебром, на стенах против узких окон помещались

картины — темные, маслено поблескивающие, заключенные в тяжелые рамы.

Станко переждал патруль, схоронившись за портьерой. Выждал еще какое-то время — тишина. Тогда он выбрался и, неслышно ступая, двинулся по коридору, напоминавшему скорее длинный зал.

Он шел, и от напряженного разглядывания у него заболела шея. На картинах, таких больших, что они не влезли бы ни в один сельский дом, представлены были бесконечные батальные сцены — блеск оружия, кони, латы… Побежденные, умирающие в ногах победителей, раны, перевязанные чужими флагами… Позы бойцов были изысканно красивы, но Станко неприятно было на них смотреть, ему казалось, что нарисованная кровь сейчас прольется с рам на каменный пол…

Потом снова вдалеке послышались тяжелые шаги — и Станко едва успел спрятаться, и то ненадежно. Стражники прошли — хмурые, сосредоточенные, и Станко дрожал, вжавшись лопатками в стену, и стена стала мокрой в том месте, где касалась его спины.

Но опасность опять миновала. Ведомый все разгорающимся любопытством, Станко вернулся к своему занятию.

Батальные сцены сменились портретами — мужчины в доспехах, с гордо вскинутой головой, с холодным блеском в глазах, и женщины — красивые, холеные, с россыпями драгоценных камней на платьях и надменно-злыми, бледными лицами. Станко становилось не по себе под их равнодушными, ледяными взглядами.

— Вы — мои предки! — сказал он беззвучно, но яростно, обращаясь к ближайшему рыцарю (у него, как и у многих мужчин, сидел на голове тонкий четырехзубый венец). — Вы — мои предки, и я вас вовсе не боюсь!

Тишина была ему ответом; люди в полотен смотрели все так же, взгляды их пронизывали Станко насквозь. Тогда он испугался собственной смелости и поспешно огляделся; коридор-зал был пуст. Дерзкий потомок оставался наедине с надменными предками.

Пройдя еще немного, Станко вдруг остановился, как вкопанный.

С портрета на него смотрел бесстрастный темноволосый человек в четырехзубом венце. На плечах его небрежно лежал складками пурпурный плащ; ткань отбрасывала на лицо чуть зловещий, царственный отблеск. Глаза были слегка прищурены, и невозможно было разобрать их цвет.

Что-то неуловимо знакомое померещилось Станко в этом

волевом безбородом лице. Сердце его вдруг заколотилось, как подстреленное; дрожащими руками он извлек из-за пояса кошелек и вытащил единственную оставшуюся там серебряную монетку.

В зале было недостаточно светло; щурясь до боли в глазах, почему-то на что-то надеясь, Станко вглядывался то в портрет, то в серебряный профиль. Самым важным делом в жизни ему казалось сейчас опознание: он? Не он? Неужели он-таки?

Совсем как в детстве: дядя, вы мой папа, да?

Он поворачивал монетку так и сяк, будто можно было заглянуть за профиль, встретиться лицом к лицу с изображенным на ней властителем. Наконец, он встал на цыпочки и протянул руку к человеку на портрете, вопросительно заглядывая ему в глаза…

Будто клещи сомкнулись на его локтях, дернули, оторвали от портрета, он даже не успел потянуться к оружию — и в то же мгновение трое скрутили ему руки, а четвертый, мрачно кривясь, вытащил из ножен и брезгливо покрутил в руках его меч:

— Гляди-ка… И по замку шляется… Эх, ж-жабья уха, кто-то за это ответит, а мне неохота…

Станко дернулся — ему чуть не выломали руки, от боли он ослаб и перестал сопротивляться. Тот, что держал его меч — видно, старший — рукой в перчатке взял его за подбородок и рывком запрокинул лицо:

— Мальчишка?.. Мерзавец… Кто-то ж головы лишится из-за тебя… Кто-то ж пропустил, ж-жабья уха…

— Он один? — спросил кто-то у Станко за спиной.

Старший длинно выругался:

— А, чтоб тебя… Труби тревогу, Скан.

Он повернулся на каблуках и заспешил прочь, за ним двое волокли скрученного, как ягненка, Станко, а по коридорам, отдаваясь эхом, раскатывался нервный, зовущий звук рога — трубили тревогу.

Предки из тяжелых рам насмешливо взирали на бесславный конец дерзкого, несчастного потомка.

На маленькой жаровне грелись две пары клещей, острая пика и крючья. Палач, невысокий, обстоятельный умелец, возился в дальнем темном углу оттуда звенело железо.

Станко раздели донага; руки и ноги его надежно удерживались железными, вмурованными в стену кольцами. Низкая комната с тяжелым нависающим потолком пропахла гарью и потом; подручный палача в кожаном переднике принес две трехногих табуретки — для капитана стражи и для писца. Вдоль стен молча стояли еще трое или четверо стражников.

— Кто на воротах дежурил с утра? — спросил сквозь зубы капитан, обращаясь к кому-то у стены.

— Десятка Витко, — глухо отозвались из темноты.

Капитан явственно скрипнул зубами.

Глаза Станко бездумно блуждали по стенам и потолку — то и дело приходилось торопливо отводить взгляд, натыкавшийся на дыбу, плети, колодки с винтами, сидение с выдвижным шипом…

Капитан подошел к Станко вплотную — коренастый, не старый еще человек со сросшимися на переносице бровями. У этого человека была большая неприятность, которая могла стоить ему положения, карьеры и самой жизни прямо в сердце замка был схвачен неведомо как пробравшийся туда лазутчик.

— Ну, — проронил капитан сквозь зубы, — приступим… Ты кто такой?

По спине Станко, по лицу, по груди градом катился пот — и не только оттого, что в камере было душно. Он глупо улыбнулся — бессмысленно, как мог. В деревне был дурачок, бродивший обычно со двора во двор, он улыбался так же — бессмысленно и жалко, и обидеть его считалось грехом…

По лицу капитана прошла медленная судорога. Он сдержался и снова спросил ровным голосом:

— Имя?

— Станко, — выдохнул его пленник, радуясь тому, что хоть на один вопрос может ответить, не таясь.

— Кто такой?

— Сын… — прошептал Станко, содрогаясь.

— Что?

— Сын… Я сын…

— Чей сын? — карие глаза капитана оказались совсем рядом с блуждающими глазами Станко. Тот часто задышал:

— Я… Я не хотел ничего дурного, господин капитан… Я… был на кухне, и просто, случайно… Я не виноват, я хотел посмотреть картины…

Он нес и городил чепуху, бессмыслицу, а ум его лихорадочно искал правдоподобную версию, путь если не к спасению, то хоть к избавлению от пыток. Если ему суждено умереть, не выполнив миссии, то пусть он умрет достойно…

Капитан скривил губы, и Станко осекся.

— Послушай, Станко, — медленно сказал капитан. — Мне не нравится то, что я буду сейчас делать. Я прошу тебя избавить меня от этого грязного, нудного, неблагодарного занятия. Ты будешь отвечать на мои вопросы?

— Буду, — пробормотал Станко и снова огляделся, как затравленный. Палач стоял в стороне, задумчиво массируя

правой рукой локоть левой; писец удобно устраивал на коленях бумагу, а те, что стояли у стены, молча поблескивали оружием.

— Будешь, — криво усмехнулся капитан почти с облегчением. — Будешь… Это твой меч?

Станко увидел свой меч — свою надежду, верный меч, подарок Чабы! — в руках у подручного палача.

— Ну-у… — он тянул время, а спасительная мысль, если такая была возможна, все не приходила, — да, это мой меч.

— Хорошо, — капитан взял оружие в руки, попробовал клинок: — Ого… Это очень хорошее оружие. Откуда оно у тебя, ты ведь простолюдин?

«Я не…» — хотел сказать было Станко, но прикусил язык. Выдавил из себя:

— Мне… подарили…

— Кто?

— Один старый солдат…

— Зачем?

«Чтобы убить князя Лиго».

— Просто так… Да просто так, ему не нужен был, вот он и подарил…

— Хорошо, — капитан отдал меч кому-то из стражи. Постоял к пленнику спиной, чуть повернув голову, так что Станко видел, как бьется жилка у него на виске. Резко обернулся:

— Как ты проник в замок?

— А… — начал Станко и осекся. Облизнул губы, снова забегал глазами:

— Я… Вошел…

Томительная пауза. Капитан, конечно, ждал продолжения, но его не последовало.

— Как вошел? Через ворота?

— Да… — прошептал Станко, и тут же от стены рявкнули:

— Ложь! Ты знаешь Витко, капитан! Через ворота и мухе не пролететь!

— Помолчи, — прохрипел капитан, не оборачиваясь к говорящему. Снова приблизил лицо к лицу Станко, посмотрел на него снизу вверх, потому что железные кольца были вбиты довольно высоко:

— Парень… За каждое слово неправды… Ты ответишь. Разве я похож на дурачка? Ты проник в замок, с мечом… Тебя послали. Зачем? Убивать. Кого?.. — капитан дернулся, — мы оставим этот вопрос на потом… Его сиятельство может быть очень жестоким, Станко, — он оскалился.

Палач переступил с ноги на ногу и шумно вздохнул.

— Как ты попал в замок? — тихо спросил капитан, и в голосе

его звякнул металл. — КТО ТЕБЯ ПРОВЕЛ?

Станко заметался:

— Никто… Никто, господин капитан, я сам… Я не хотел злого, я…

Все внутри него дрожало от унижения, он всхлипнул и замолк.

— Ты врешь, — сказал капитан ровно. — Я спрашиваю тебя последний раз: кто из людей, знающих ходы-выходы, провел тебя в замок?

Стало тихо, только потрескивала жаровня да вздыхал палач.

— Хорошо, — бросил капитан тихим, бесцветным голосом. — Латко! Приступай.

Палач оставил вздохи, деловито поправил фартук и осторожно взял с жаровни клещи — раскаленные докрасна.

Станко в изнеможении закрыл глаза. Прав был Илияш, прав… Зачем все… Добрые духи, какой конец… Ты всегда прав, Илияш… Илияш?! Нельзя даже в мыслях произносить его имя!

Покачиваясь, клещи плыли по воздуху к Станко. Он видел их, даже не раскрывая глаз.

— Ну не упрямься, мальчик, — мягко сказал вдруг капитан. — Этого не хочется ни тебе, ни нам… Тот человек служит во дворце?

Станко не отвечал. Все мышцы его мучительно напряглись, но железные кольца держали крепко.

— Тот человек стражник? Или слуга? Назови его имя, Станко, мы отыщем его сами… Нам нужно имя.

Клещи зависли перед самым лицом. От них исходил жар; красные, как закатное солнце, они повернулись у Станко перед глазами:

— Разве ты враг себе? Ну-ка, подумай: может быть, тот человек служил в замке раньше, а теперь не служит?

Станко заплакал. Как последний трус, он плакал от страха, а ведь верил раньше, что боль и пытки ему нипочем…

— Говори, — так же тихо и мягко попросил капитан. — Говори, сынок. Ну?

Слово «сынок» полоснуло Станко, как нож. Он изо всех сил стиснул зубы.

— Давай, Латко, — устало бросил капитан палачу.

И клещи коснулись обнаженного плеча.

Все поплыло, размылось бесформенными пятнами — огни факелов, лицо капитана, лицо палача, красное пятно клещей… Станко выгнулся дугой, захлебываясь криком, ударяясь головой о стену:

— Нет, нет… Нет, нет, нет, нет!

— Говори! — взревел капитан, но до Станко его голос донесся приглушенно, как сквозь вату…

Далеко-далеко стукнула дверь, ударившись о стену. Клещи отодвинулись от тела пленника, и Станко сразу же обвис, удерживаемый только железными кольцами.

Рядом медленно, тягуче текли голоса:

— …Тот самый?

— А… я… ваш сия…

— Освободить….

Станко через силу поднял голову. Волосы закрыли лицо и мешали смотреть.

В обступившем его тумане он видел только стоящего навытяжку капитана, замерших за его спиной стражников — руки по швам, подбородки их, кажется, смотрели в потолок. Уронив бумагу, вытянулся писец; перед ними, полускрытый темнотой, стоял человек в пурпурном плаще, лица его Станко не видел.

— Слава его сиятельству! — отрывисто рявкнули стражники. Человек в пурпурном плаще обернулся к пленнику, кивнул небрежно:

— Ко мне…

Станко расширил воспаленные глаза: в этом грозном человеке ему померещился Илияш.

Бред, подумал он устало и потерял сознание.

В просторной комнате смеркалось, темнели высокие стрельчатые окна. Бесшумно, как призрак, откуда-то вынырнул слуга с огнем и принялся зажигать светильники. Осветились тяжелые, спадающие до пола складки портьер; осветились золотые корешки книг, потускневшие от времени рамы, расшитые жемчугом гобелены, развешанное по стенам оружие… Закончив работу, слуга низко поклонился и так же бесшумно вышел, но на смену ему явился другой — накрахмаленный, пышущий духами — и поставил на стол перед Станко серебряный поднос. Рядом, отдельно, водружен был тяжелый кубок, над которым чуть заметно вился пар.

— Сначала — отвар, — негромко сказал человек, стоящий у темного окна.

Станко сидел в высоком кресле с подлокотниками в виде когтистых лап; плечо приятно холодила пропитанная мазью повязка. На нем была его же одежда — но пояс казался непривычно легким, без ножен и без меча. Меч лежал на другой стороне длинного стола, потерянный, какой-то жалкий, сразу потускневший среди окружающей его роскоши.

Третий слуга с поклоном поставил рядом с мечом еще один

поднос, содержимое которого прикрыто было вышитой салфеткой. Поклонился до пола, вышел, пятясь и не переставая кланяться.

— Ты слышишь, Станко? Выпей отвар, — повторил человек у окна. — Тебе сразу станет лучше.

Это был Илияш, или Станко по-прежнему бредил.

Бездумно, просто повинуясь неизбежному, он двумя руками поднял кубок и поднес к лицу. Темная жидкость терпко пахла травами.

Он сделал глоток почти через силу, но напиток не был противным — теплый, чуть сладковатый, он проливался в горло сам, и Станко не пришлось прилагать усилий, чтобы осушить кубок до дна.

— Хорошо, — сказал человек у окна, и, судя по голосу, действительно обрадовался. — Хорошо… А теперь поешь.

Станко осторожно отставил опустевшую чашу. Так же бездумно склонился над подносом; от разнообразной снеди, тщательно разложенной на огромном блюде и маленьких блюдечках, поднимался тонкий щемящий аромат.

Станко отвернулся. Он не хотел есть. Ему неприятно было даже смотреть на еду.

— Ты же голоден, — тихо сказали от окна. — Вспомни, когда ты последний раз ел по-человечески?

Станко опустил голову, почти коснувшись подбородком груди. У него тонко звенело в ушах; наверное, он уже умер под пыткой.

Стоящий у окна щелкнул пальцами. В ту же секунду вбежал слуга, замер в поклоне. Несколько отрывистых слов — и слуга выбежал, в коридоре тут же послышался возбужденный шепот и приглушенный топот ног.

— Ничего страшного не случилось, Станко, — мягко сказал Илияш, или кем он там был. — Все обернулось как нельзя лучше… Ты держался достойно и меня не выдал.

Станко длинно, прерывисто вздохнул. Снова вбежал слуга, прибрал опустевший кубок, поставил на его место обыкновенную деревянную кружку. Добрые духи, кружка по самые края полна была молока!

То ли отвар наконец подействовал, то ли Станко совсем уж стосковался по молоку — но в эту самую минуту в нем проснулся голод.

Молоко, прохладное, густое, пахло травой. Ему вспомнилась рыжая задумчивая корова, звон струек о ведерко, молочница не разбавляет…

Он вздрогнул, вспомнив о матери.

Двузубой золотой вилкой он не умел пользоваться; отложив вилку в сторону, взялся за ложку и за нож. Ел и не чувствовал вкуса пищи; от окна за ним внимательно наблюдали, подбадривая:

— Ну, вот и молодец… Перепелочка знаешь чем фаршировано? Черными грибами, они под землей растут, чтоб их собирать, надо десять лет учиться… А собирают их в полнолуние, да не где попало, а только в старых осинниках, вблизи ручьев… Вкусно, правда? А рыба морская, Станко, в реках такой нет, ее везли много недель в бочке с соленой водой, и, попав в руки к повару, она была еще живая… Ты никогда не видел моря, Станко, а там полно всяких диковин, вот на маленькой тарелочке — моллюски… Они живут в раковинах, как простые улитки, но только раковины у них огромные, перламутровые, вроде как дворцы… Ешь.

Это был голос Илияша, и его интонации, и его неторопливая манера рассказа — но перед Станко стоял чужой, страшный, властный человек с пурпурным плащом на плечах, и невозможно было поднять глаза и встретиться с ним взглядом.

Станко насытился и положил ложку. Ему действительно стало лучше; почти не болело плечо, и совсем не так громко звенело в ушах. Он сидел, по-прежнему опустив голову, покорно ожидая: что дальше?

— Ты наелся? — спросил стоящий у окна.

Станко чуть заметно кивнул, не поднимая глаз.

Илияш щелкнул пальцами — слуги убрали со стола, теперь на парчовой скатерти лежали только меч Станко да нечто на подносе, накрытое вышитой салфеткой.

— Тебе лучше?

Станко снова кивнул.

— А почему ты на меня не смотришь?

Станко сжался.

— Струсил? Признайся, струсил?

Станко вздрогнул. Медленно поднял голову:

— Нет.

На него, усмехаясь и сузив в щелочку голубые глаза, смотрел Илияш. У Станко немного отлегло от сердца.

— Хорошо… Смотри на меня, парень, смотри внимательно, — пурпурный плащ, сброшенный небрежным движением плеча, упал на высокую спинку кресла. Илияш, облаченный теперь в белую батистовую рубашку и бархатные штаны, взял с полки два тяжелых подсвечника с горящими в них свечами, поставил на стол справа и слева от своего лица. Уселся в кресло, взял в руки меч Станко напрягся.

— Это очень хорошее оружие, — проронил Илияш, разглядывая клинок. Столько приключений — и ни следа ржавчины, и по-прежнему острый, как бритва…

Он сдернул салфетку со своего подноса — там оказался бритвенный прибор. Серебряный тазик для бритья, чашка с кисточкой для взбивания пены, полотенце, металлическое зеркальце…

— Я попрошу у тебя разрешения воспользоваться твоим мечом, — сказал Илияш с усмешкой.

И, поколотив кисточкой в чашке с мыльным раствором, он взялся за свою бороду.

Брился медленно и осторожно, как человек, которого чаще бреют другие; клинок покрылся пеной, борода клочьями ложилась на поднос, и, освещенное двумя свечами, из лица Илияша проступало другое лицо.

Ничего простонародного не было в этом хищном, волевом лице со впалыми щеками и выдающимся подбородком. Это было лицо с портрета, лицо с потертой монеты, лицо владетельного князя Лиго.

Пауза затянулась. Князь осторожно промокнул лицо полотенцем; щелчок пальцев — и слуга убрал поднос. Две свечи так и остались на столе.

— Ну вот, Станко, — сказал князь негромко, — теперь нам надо поговорить… Ты ведь не откажешься поговорить со мной?

Станко тупо молчал. Князь вытащил откуда-то замшевый мешочек, вытряхнул на скатерть двадцать золотых кругляшков:

— Твои деньги… Думаю, что должен их вернуть.

Молчание.

— Прежде всего… Прежде всего я безоговорочно признаю за тобой право убить меня. Хотя бы попытаться. Ты проделал такой долгий путь, вынес столько испытаний, ты заслужил свой шанс в поединке… Согласен?

Станко смотрел в парчовую скатерть.

— А почему ты не отвечаешь? — вдруг возмутился князь. — Снова струсил? Или это была пустая хвальба — «вот одолею стражу, вот встречусь с князем»… Встретился, и что? Молчишь? Глаза поднять боишься?

— Не боюсь, — хрипло сказал Станко и с трудом разогнул сгорбленную спину. Некоторое время они с князем неотрывно смотрели друг на друга.

— Уже лучше, — князь, наконец, усмехнулся. — Уже лучше. Ты сегодня молчаливый — я буду говорить. Я расскажу тебе… Нет, потом мы, конечно, скрестим наши мечи, но перед этим я попрошу у тебя немного внимания… Ладно?

Станко кивнул.

Илияш… нет, князь поднялся. Неспешно двинулся по комнате, трогая руками книги, оружие, военные трофеи… Обернулся к Станко:

— Я, как ты уже заметил, люблю жизнь. Всю, во всех видах и проявлениях. Я обладаю властью, я обладаю силой, я полностью свободен… Даже более свободен, чем следовало бы… И я одинок, конечно, потому что полная свобода и полное одиночество — это одно и то же.

Станко слушал, не мигая. Князь возобновил свое путешествие по комнате:

— Я прожил… ну, не будем говорить сколько, но, конечно, намного больше лет, чем ты. Я видел столько, что хватило бы на двадцать полных жизней. С юности я повадился странствовать, как под своим именем, так и под множеством чужих имен… Я забирался немыслимо далеко от родного замка, я бродил в чужих землях, служил актером в бродячей труппе, полгода плавал матросом на пиратском корабле, я был главным судьей в большом городе, название которого ничего тебе не скажет… Я грузил какие-то мешки, дрался на большой дороге с какими-то проходимцами… Вот где я не был ни разу — так это в родимых беззаконных землях, и не хочу больше, Станко, и не упрашивай меня…

Он усмехнулся:

— Да, никто меня не втягивал в такие опасные авантюры, никто и никогда… Ну да ладно. Итак, я был молод, облечен властью, богат, пожалуй, даже красив… И тысячи женщин, Станко…

Он остановился. Сжал зубы, так что желваки заходили на бритых щеках:

— Тысячи женщин искали моего благоволения. А я… Я умел в простушке увидеть королеву, это им льстило, они становились моими рабынями, навек, без остатка… А гордые и знатные красавицы боялись меня — я умел вызывать их страх… Этот страх притягивал, лишал их воли, и, угодив в мои объятья, они дрожали от ужаса и задыхались от счастья. А я…

Он перевел дыхание, провел рукой по расшитому золотом гобелену:

— Может, и правда то, что ты там про меня говорил, Станко… Я спешил осчастливить всех женщин этой земли, я же видел, как они расцветают под моими ласками, такой я был… добрый. Я не разбирал особенно — знатная замужняя дама или шестнадцатилетняя птичница, мещаночка или хуторянка… Но…

Он изменился в лице. Медленно подошел к Станко вплотную.

Оперся руками о стол, и глаза его оказались на уровне глаз парня:

— Я клянусь тебе, Станко, и это очень важно… Никогда, никогда я никого не брал силой. Это унизило бы меня… Никогда, никогда я не умыкал никого из отчего дома — это обязало бы меня, а я не брал на себя обязательств… Никогда я не насиловал, Станко, ты мне веришь?

Издалека, со стены, донеслось протяжное: «На по-ост…» Это перекликалась стража.

Станко сказал прямо в склонившиеся над ним глаза:

— Верю, — и это была святая правда. — Верю.

Илияш, он же князь, вздохнул и отошел в темный угол.

— Значит, — сказал Станко, и голос его стал вдруг очень тонким, значит, я вам… не сын?

Князь обернулся, и Станко увидел, какое у него усталое и печальное лицо:

— Станко… Я мог бы сказать — «да», я мог бы сказать — «нет»… Но я скажу тебе правду. Я не знаю, мальчик. Может быть, тот негодяй действительно обманул твою мать, но мне думается… Ты готов услышать то, что я скажу?

— Да, — тихо отозвался Станко.

— Мне думается, что твоя мать… придумала легенду для тебя. У нее были на то свои причины. Может быть, она и сама в нее поверила… Даже наверняка, ведь когда человеку очень хочется верить, он способен уверовать во что угодно… Может быть, я любил когда-то твою мать, Станко, но я… не помню ее. Может быть, она любила меня… Но потом возненавидела, и ненависть ее справедлива. Но, Станко, если бы я знал, что у меня растет сын… — он вцепился двумя руками в резную спинку кресла, — если бы я только знал, Станко… Я ведь думал, что бездетен, — и костяшки его стиснутых пальцев побелели.

Станко протяжно вздохнул; овладев собой, князь тихо закончил:

— Все могло быть по-другому. Ни одна живая душа не смела бы обидеть тебя или мать… Твое детство было бы совсем другим, и другой была бы моя жизнь… И, конечно, ты не захотел бы убивать меня.

Станко потупился.

— Нет, ничего… — князь усмехнулся. — Ты прав, в конце концов… в этом своем желании. Ты прав. Но я рассказываю дальше… Прошло время, и я вдруг понял, что бесконечно устал… Что мне надоели кокетки и скромницы, лица их слепились в одну сладкую, улыбающуюся мордашку. Они кружились вокруг меня, как бабочки над свечкой, и я по привычке делал их счастливыми,

но сам… Знаешь, когда горит фейерверк и светят цветные фонарики, рыночная площадь кажется сказочным дворцом… А утром там холодно, ветер гоняет обрывки серпантина, пыльно, пахнет гарью…

Он через силу усмехнулся:

— Нет, ты не знаешь, ты молод, и ты воспитан в строгости… Для тебя маленькая Вила стала главным событием жизни, и тут я виноват… Кругом я виноват перед тобою, Станко, и путешествие это дурацкое я же сам, считай, и устроил…

— Нет, — сказал Станко шепотом. Князь тяжело опустился в кресло:

— Да… Женщины давно не забавляют меня, я привык читать их, как ноты… Но с тех самых бешеных времен во мне живет ерничество, страсть к авантюрам и мистификациям… Что не совсем приличествует, мягко говоря, не очень-то молодому человеку. В поисках приключений я и нашел тебя. Твой рассказ позабавил меня и заинтересовал, вот я и придумал себе веселое развлечение… Не встреть ты меня там, на полянке — далеко бы, конечно, не ушел.

— Нет, — сказал Станко безнадежно. — Я пробрался бы… Как-нибудь…

— Ты попался бы на границе, тебя доставили бы в замок, я послушал бы твой рассказ в камере пыток и без сожаления велел бы повесить на стене… Да, Станко. Тут много ходит… смельчаков. Кого-то богатства интересуют, кто-то жаждет княжеской крови за какую-то давнюю обиду… Но назвался сыном ты один, и в замок вошел ты первый…

Он потер подбородок — видно, непривычно было ощущать его голым:

— Да, ты ловок, далеко забрался, я думал, тебя возьмут где-то около кухни… Трудно было?

— Трудно, — сказал Станко.

Где-то далеко внизу перекликались сторожа. Князь навалился локтями на стол:

— Ты был для меня букашкой, Станко… Занятной букашкой. А стал… Видишь ли, никому на свете я не рассказал бы того, что рассказал тебе. И еще расскажу. Послушай: из множества женщин своей юности я… помню одну. Помню, Станко, как она стоит в дверях, улыбается и уходит. Только это… Улыбается и уходит. Помню до мелочей ее лицо… Но ни имени, ни кто она… Не знаю.

— Это была моя мать! — крикнул Станко и испугался своего крика.

Князь опустил голову:

— Может быть… Помнишь, я спрашивал, какого цвета волосы

у твоей матери?

— Не важно, — Станко говорил быстро, будто упрашивая, будто боясь, что что-то ценное, неуловимое, какая-то крохотная надежда сейчас потеряется. — Не важно… Какие волосы… Волосы в человеке… Не главное… Но я знаю… Это моя мать… Я узнал ее…

Он подался вперед, просительно заглядывая князю в глаза, глотая слезы:

— Она была красавица… Она была хорошая… И вы любили ее, любили по-настоящему… Это правда, это самая правдивая правда… Она любила вас, но злые люди…

Он осекся и замолк. Злые люди… Разлучили. Какая красивая детская сказочка.

— Ну вот и все, Станко, — тихо сказал князь. — Я сказал тебе все, что хотел… И что мог сейчас сказать. А теперь…

Он поднялся. Лицо его снова стало, как на портрете — хищное и надменное. Он хлопнул в ладоши.

Сразу два лакея вбежали и замерли в поклоне.

— Огня, — уронил князь, и оба схватили по светильнику.

— Вперед, — сказал князь, и оба, передвигаясь на полусогнутых, распахнули перед ним створки двери, приглашая выйти.

— Пойдем, Станко, — сказал князь обычным своим голосом. — И возьми меч.

Они прошли узким полутемным коридором, и другая пара лакеев, тоже со светильниками, распахнула перед ними другие двери.

Разбежавшись в темноте, слуги в одно мгновение засветили множество факелов — стало светло, как днем. Князь кивнул — слуги исчезли.

Это был зал — совершенно пустой, стены его были сплошь увешаны оружием, здесь были пики, алебарды, мечи, трезубцы, арбалеты, шпаги, кинжалы — целый арсенал смертоносного железа. Рукоятки кривых ятаганов украшены были шелковыми кистями, яркими, как крылья бабочек; тяжелые, утыканные шипами палицы оттягивали удерживающие их цепи. С круглых и треугольных щитов скалились увенчанные коронами звери, один другого свирепее; боевые панцири, пустые изнутри, пугали схожестью с живыми людьми. И снова картины в тяжелых рамах, Станко различал только белые пятна многочисленных лиц…

В дальнем конце зала помещалась высокая золотая подставка с ножкой в виде птичьей лапы; на подставке покоилась атласная подушечка, а на подушечке лежал предмет, который Станко силился и не мог рассмотреть.

— Раньше здесь был тронный зал, — буднично сообщил князь, — здесь вершили суд, карали и миловали… Порой и казнили здесь. Как сказала твоя мать — «казни его»?

Станко обдало холодом, мурашки забегали по спине, рука с мечом дрогнула:

— Нет… Не надо… Этого вспоминать…

— Теперь здесь оружейная, — продолжал князь, как ни в чем не бывало. Здесь прекрасный выбор оружия, но тебе лучше биться своим мечом. Он совсем не плох, и ты к нему привык…

Станко молчал, глядя в мозаичный пол, перед глазами у него стоял Илияш, такой, каким он его помнил — веселый, с бородой…

— А я, если ты не против, выберу себе… У каждого меча здесь особая история, и на счету каждого десятки жертв… Наши предки были безжалостны, Станко, и наградой, и приговором им служила эта вещь, — князь кивнул на предмет, покоящийся на подушечке, и Станко наконец-то понял, что это такое.

— Венец… Это… Тот самый венец?

Князь кивнул, выбирая оружие.

«Бывало так — свершил месть и заполучил власть одним ударом… Ты вот что станешь делать… с княжеским венцом?»

— Я, пожалуй, возьму вот это, — князь взвешивал в руке длинный меч с рядом зазубрин с одной стороны лезвия, с большим рубином на рукоятке. Это очень достойный клинок… Ровесник «зажор». Хочешь взглянуть?

— Нет, — сказал Станко шепотом. — Я… Можно, я посмотрю картины?

— Конечно, — князь для пробы несколько раз взмахнул мечом. Свистнул рассекаемый воздух.

Медленно, очень медленно Станко двинулся вдоль стены. Рукоятки и лезвия… Наконечники и острия… Темная рама. Рядом, освещая картину, жарко пылает факел.

Станко вгляделся.

На темном холодном фоне продолжалась война — топорщились копья, окровавленные клинки высовывали жало из чьих-то спин, внизу, под ногами бойцов, пучили глаза чьи-то отрубленные головы… Станко прерывисто вздохнул и пошел дальше.

На стене — клинки, клинки, ими протыкали насквозь, на них нанизывали, как на вертел…

«Пехота с копьями, конница с арбалетами… Горстка продиралась к замку, лезла на стену, убивала женщин, детей… Брали замок и жили там, пока их обиженные родственники не собирали новое войско…»

Станко сглотнул. «Хорошие предки у князя Лиго» — «Это и твои предки».

А это что еще?! В другой раме, совсем не такой большой, щерилась ловушка «зажора»… Станко узнал ее! Рядом стоял человек в темной накидке и остроконечном колпаке, самодовольно усмехался, будто позируя на парадный портрет… Из воронки высовывалось белое, перекошенное ужасом, совсем молодое лицо…

Станко пошел быстрее; следующая картина была и в самом деле парадным портретом — надменный, видимо, знатного происхождения колдун смотрел прямо Станко в глаза, смотрел покровительственно и чуть ли не добродушно; за плечом у него угадывался огромный профиль крючконосого старика с трубкой, над трубкой зависла «желтомара», в другой «желтомаре», растянувшейся по земле, погибал, похоже, целый отряд — кровавое месиво…

Станко зажмурился и отшатнулся. За спиной у него послышался короткий смешок.

Он обернулся — князь стоял посреди зала, стоял, небрежно опираясь на меч, покачивая головой:

— Хватит, Станко… Ты забыл, для чего пришел сюда.

По спине Станко снова продрал мороз. Рука с мечом дрожала.

— Иди сюда, сын.

Слово было сказано. Кусая губы чуть не до крови, Станко приблизился.

— Я знаю, ты хорошо дерешься… Я тоже хорошо дерусь, Станко. И я буду драться в полную силу. Без снисхождения, понимаешь? Я говорю это для того, чтобы ты собрался и сосредоточился, как перед последним боем.

Станко через силу кивнул.

— Вот так… Теперь выбери позицию.

Станко остался стоять на месте, факелы горели ярко, их огни расплывались у него в глазах бесформенными пятнами, но четко и ясно он видел перед собой лицо отца:

— Юноша по имени Станко, я признаю тебя своим сыном и признаю за тобой право вступить со мной в поединок. Начали.

И, вскинув меч, он шагнул по мозаичному полу — легко и радостно, как танцор. Станко вспомнил бой с облитыми смолой висельниками — тогда Илияш двигался так же красиво, и смертоносным было его оружие… Они стояли тогда спина к спине, и жизнь каждого зависела от другого, и выстояли они только потому…

Проклятое тренированное тело действовало отдельно от разума. Станко парировал первый удар и увернулся от второго.

Князь не спешил, но и не медлил — прощупывал его оборону тщательно, последовательно, он действительно великолепный боец… Рано или поздно он найдет в обороне щель, и тогда…

Станко заработал мечом быстрее, сам предпринял попытку атаки неудачно, князь тут же перевел свою оборону в контратаку, и Станко отступил.

В его глазах плыли, качались факелы. Да нет же, он тоже боец! Он однажды уже одолел Илияша в поединке, хотя тогда в руках его была всего лишь жердь… Отступление — позор для воина, слабый не достоин носить оружие… Вперед!

И Станко снова атаковал, бешено, свирепо, и князь перешел в оборону, и, оступившись на мозаичном полу, в последний миг увернулся из-под смертоносного клинка.

Станко представилось вдруг, как меч его опускается на голову противника, рассекает надменное безбородое лицо.

«Отомсти, сынок…» «У меня есть, есть отец!» «Я найду его и убью во что бы то ни стало»… Илияш, Илияш, как ты подвел меня, как подвел… «Зажоры», обломки моста, змеи, «желтомары»… Илияш, Илияш…

Да они же подняли оружие друг на друга!!

И тогда, отразив очередной удар, отпрыгнув, он изо всех сил швырнул меч в стену. Прожужжав по воздуху, клинок врезался в лицо колдуну с картины, тому, что придумал «желтомары». Закачалась тяжелая рукоятка острие вошло в щель каменной стены.

Князь остановился. Недобро сощурился:

— Это что же? Новый боевой прием?

— Предатель, — сказал Станко ему в лицо. — Тебе… все равно? Тебе снова все равно, тебе убить меня — все равно, что муху прихлопнуть?!

Князь нахмурился. Сказал жестко:

— Ты пришел сюда за моей жизнью. Ты должен получить ее в поединке; или ты хочешь, чтобы я попросту подставил шею?!

Станко захлебнулся:

— Я что, за свою шкуру боюсь?! Да я… Я просто…

Он потерял способность говорить — горло отказывалось издавать звуки. Князь ощерился:

— Что — просто? Что — ты просто? Ты получил, что хотел? Ты для этого жил все шестнадцать лет?

— Я не знал… — просипел Станко, скорчившись.

— Чего не знал? — рявкнул князь.

Стало тихо. Потрескивали факелы. Рукоятка вонзившегося в картину меча качнулась последний раз — и замерла.

— Успокойся, — сказал князь мягко. — Может быть, у тебя

болит плечо? Тебе сильно повредили руку?

— Н-нет…

— Так в чем же дело?

— Я… Только хочу знать… Я подумал… А потом мне показалось… Я для вас ничего не значу?

Молчание.

— Какой ты ребенок, — вздохнул князь устало. — Какой ты ребенок, будто не шестнадцать лет, а шесть… Тебе бы хотелось что-то значить для меня, да?

Станко всхлипнул.

— Если я убью тебя, — сказал князь глухо, — я не смогу дальше жить. Ты доволен?

У Станко закружилась голова, вдруг вспыхнули уши, щеки, налилась жаром шея, бешено заколотилось сердце. Он закрыл глаза, и ему не хотелось их открывать.

За дверью зала звякнули мечи — сменялся караул.

Станко протяжно вздохнул:

— Так зачем же нам…

— Это правило игры. Я буду с тобой честен до конца. Ты ведь сам…

— Нет. Нет. Пожалуйста. Не надо.

Мелодия забытой колыбельной. Лицо матери кажется восковым, ровно горит одинокая свечка… Никогда и ни в чем я не посмею осудить тебя, прости… Но за что мне этот мучительный выбор?!

«На по-ост…» — перекликались стражники на стене.

Князь покачал головой, провел по полу острием меча — сталь не то звякнула, не то скрежетнула.

— Успокойся. Подумай… Тебе, в конце концов, решать. Как решишь, так и будет… И вытри слезы. Нехорошо.

Неуверенно, как слепой, Станко снова побрел вдоль стены. Оружие, щиты… Стрелы… Снова тяжелая рама, и снова гора трупов, и дикая радость победителей на вершине этой горы… Такая безумная радость, а завтра их враги спляшут на такой же груде, и трупом будут свалены сегодняшние победители, и так без конца, без конца…

Станко опустил голову и побрел дальше.

На картине рядом изображена была страшная смерть самозванца, который посмел коснуться княжьего венца. Самозванец умирал в судорогах, венец лежал на полу рядом с его рукой…

Станко овладела внезапная простая мысль — странно, что он не додумался до этого раньше. Сначала робко, а потом все увереннее он направился к подставке с подушечкой.

— Станко, — сказал князь за его спиной.

Он остановился. Венец покрыт был пылью — тонкий, но даже на вид тяжелый, вдавившийся в свою подушечку, враждебно ощетинивший четыре острых зуба…

Он протянул над зубцами вздрагивающую ладонь. «Законнейшие из законных наследники — и те дрожали, впервые касаясь его» — «Я бы не дрожал».

Он зажмурился, но так было еще страшнее, и он открыл глаза. Ладонь медленно двинулась вниз, сейчас она коснется острого зубца, сейчас…

Длинное лезвие с зазубринами подхватило венец и с силой отшвырнуло прочь. Описав в воздухе длинную дугу, символ власти угодил в решетчатое окно, на секунду уцепился за прутья, потом, звякнув, скользнул между ними и скрылся из глаз, вывалившись в наступающий рассвет. Рука Станко легла на пустую подушечку.

— ЭТО мне не важно, — негромко сказал князь Лиго. — Не стоит и проверять.

Станко постоял, не поднимая головы. Медленно обернулся и встретился с князем глазами.